
Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2018

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь РОМАНОВ. Вольные каменщики внутренней политики	3
Андрей АНТОНОВ. Как бы пережить это правительство... ..	9
Любовь ДОНЕЦКАЯ. Во имя процентов, выгод и прибылей	80
Виктор ЗУЕВ. Тарас Шевченко и Бандера	128

ПРОЗА

Михаил СМИРНОВ. Рассказы	21
Николай ЗАЙЦЕВ. Голуби. Рассказ	90
Михаил ЛОКОЩЕНКО. Короткие рассказы	113
Александр СИЗУХИН. Миниатюры	147

ПОЭЗИЯ

Лариса НИКОЛЬСКАЯ. Среди неоглядных полей. Стихи	72
Диана КАН. Любимой меня не зови. Стихи	105
Николай РАЧКОВ. На все времена. Стихи	121
Наталья ЕГОРОВА. О великом и вечном. Стихи	156
Борис ОРЛОВ. Круговая оборона. Стихи	165

СИМВОЛ ВЕРЫ

Геннадий КОЛДАСОВ, Никита ПОЗДНЯКОВ. **Этика и категории либеральной культуры** 169

ДОСЬЕ «МГ»

Руслан УСТРАХАНОВ. **О пособиях нацистской Германии** 178
Алексей ПОПОВКИН. **О мёртвых — только правду** 182

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Николай СОМИН. **«Гармония духа» и современный капитализм** 186
Валерий ФИЛИМОНОВ. **Убийственная система** 190
Андрей СОШЕНКО. **Ради денег** 194

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Нина БОЙКО. **Тоска небывалой весны (М.Ю. Лермонтов). Продолжение** 196

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение** 247

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. **«Вечное сердце России». К 70-летию Валерия Хатюшина** 268

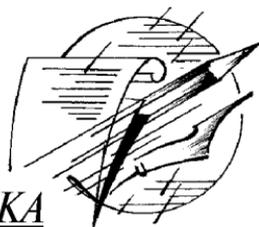
ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Нина ТИХОМИРОВА. **Нескончаемая встреча** 276
Содержание журнала за 2018 год 283

ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Страна наша живет. Немногие глубоко задумываются, как живет. Живет страна и дышит. И мы со страной дышим. Кто-то на ладан дышит. Кто-то на стекло собственного четырехколесного «Ягуара» стоимостью с хорошую квартиру в Воронеже, Екатеринбурге или Москве. Но живет страна. И встает солнце над Россией, как тысячу лет назад. Под этим солнцем, конечно, многое изменилось в жизни народа. Сам народ изменился. На себя не похож народ. Бродит сиротинушкой, в дурные компании забредает. Бродит народ по своей стране, спотыкается. Кто из народа в люди вышел — далеко пошел. Часто — вразнос. Часто — за рубеж. Иногда — наверх. Верх с низом нынче местами поменялись. Поэтому если ты наверху, это еще не значит, что ты не внизу.

А кто там на верху лестницы социальной? Ну конечно, на самом верху наш президент. Он по-настоящему наверху. Выше только горы. Горы всякого мусора, которые и приходится разгрести нашему президенту. И для того, чтобы справиться со всем этим мусором, который несут в Россию всякие дурные люди из-за рубежа, президент с этим самым «за-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рубежом» работает активно. «Зарубеж» побаивается Путина и уважает. Как боялись и уважали советских разведчиков.

Сейчас даже видимый глава всего иностранного «зарубежа», Трамп, и тот лично поехал к Путину в Хельсинки. Все эти «хельсинки» — они наши испокон веку. Царская земля Финляндия. И конечно, Путину, коренному петербуржцу, удобнее принять Трампа не в самом Питере, а на другой стороне залива — в «хельсинках». В Санкт-Петербурге Трампу нечего делать — пока не оставил в покое Северную Корею и Сирию.

Но что же Россия? Как там у нас внутри?

В основном силы президентской власти устремлены вовне. Это давно и многими подмечено. Даже аппарат президента в своих ключевых точках укомплектован профессиональными дипломатами, людьми, знающими «зарубеж» и ориентированными на него. Сам руководитель администрации президента Антон Вайно — кадровый дипломат, окончил МГИМО, трудился в российском посольстве в Японии, во втором департаменте Азии МИДа. И вполне можно предположить, что руководитель АП Японию знает лучше, чем Россию. Антон Эдуардович родился в Таллине, в Эстонии. Его дед был первым секретарем ЦК Коммунистической партии Эстонской ССР. А прадед вообще стоял у истоков победы Ленина и его сподвижников. Прадед, Генрих Вайно, эстонский большевик, повоевал даже в Сибири, прокладывая штыком и пулей путь советской власти. И в этом отношении он был гораздо ближе к внутренней политике, чем к внешней.

Но сегодня внутренняя политика нашей власти находится как бы на периферии политики внешней, является ее следствием, приложением.

Среди заместителей руководителя администрации президента еще три дипломата: Громов, Островенко, Песков — все они опытные и авторитетные в своих кругах люди, имеющие хорошую мидовскую школу и соответствующее образование. Сомнений нет, что президентская власть ориентирована в первую очередь на осуществление уверенного политического диалога с миром иным, то есть с зарубежьем. Но где взять эту уверенность для диалога при явной вторичности и размытости политики внутренней?

В администрации президента за внутреннюю политику отвечает господин Кириенко. Сейчас он занялся не чем иным, как тимбилдингом. А что такого? Греф Герман йогой занимается и по утрам медитирует. А Кириенко Сергей — тимбилдингом. По данным газеты «Коммерсант», первый заместитель главы АП Сергей Кириенко организовал в июле в Сочи выездное совещание чиновников из подведомственных ему

управлений. Участие в нем принимали не все, а только основные сотрудники подразделений. Тимбилдинг включал в себя в том числе и деловые игры. Страна помнит, как Сергей Кириенко играл в «деловые игры» в своей молодости и совсем недетские сюрпризы устраивал. Дефолт 1998 года — вот это игра! Еще тогда Кириенко был не просто мастером игры, а гроссмейстером. Сегодняшний тимбилдинг — это новый набор игроков, их обучение, социализация, обтесывание. И подготовка игроков для продолжения игры. Всё той же игры на русском поле.

Кириенко очень ценит сингапурский опыт, занимается айкидо и увлекается методологией по Шедровицкому. И, как пишут газеты, активно продвигает во внутреннюю политику России свои мировоззренческие наработки.

В основе внутренней политики лежит идеология. Какой идеологии придерживается Кириенко? Вообще-то он был сопредседателем партии «Союз правых сил». Там еще такие известные люди были: Немцов, Хакамада... Идеология партии — либерализм. Свобода, равенство и братство. Почти всё то же, что было еще во времена Французской революции. И, имейте в виду, никакой монархии, монарху голову с плеч — и весь разговор о монархизме. Дедушка Кириенко, Яков Израитель, по всей видимости, считал так же. Коммунист с 1917 года, деятель ЧК, лично был знаком с Лениным. Сегодня внук Якова Израителя — первый заместитель главы администрации президента Российской Федерации. По сути, никакой смены политической элиты не произошло. Всё те же люди. А кто-то удивляется: почему же о столетии убийства святой Царской семьи молчат на уровне официальной власти? Кто-то удивляется: откуда этот фильм «Матильда» и такое внимание к революции 1917 года? Несклько новых художественных фильмов нам показали по центральному ТВ. Так ведь ничего удивительного — всё вполне очевидно. Внутренняя политика такая — большевистская. И национальная политика такая же

Сферу национальной политики, которая относится к внутриполитическому блоку, курирует еще один заместитель главы администрации президента — Магомедов Магомедсалам. До того, как заняться национальной политикой в России, Магомедсалам возглавлял Республику Дагестан. Господин Магомедов — экономист, имеет опыт управления национальной республикой. Конечно же, есть своя логика в том, что теперь он занимается национальной политикой Российской Федерации и способствует появлению новой нации — «российской». А что такое «российская нация» — многие уже зна-

ют. Российская нация — это такой уникальный проект, который позволяет объединить всех, кто знает русский язык и живет в России. Хотя в некоторых случаях, как, например, с актером Депардье или бойцом Монсоном, и язык знать не обязательно — главное, жить в России. Нет, даже не жить, а иметь российское гражданство. В перспективе всё человечество могло бы стать одной «российской нацией».

Только проект «Российская нация» уже устарел. Сейчас выдвигаются идеи покруче. Не межгосударственного, а межгалактического масштаба. Миллиардер Ашурбейли на днях заявил, что создано новое космическое государство — Асгардия. Формируется новая нация — асгардийцы, а лидер этой нации — сам господин Ашурбейли. Его инаугурация как главы нового виртуального государства состоялась недавно в Вене. Асгардия, по всей видимости, заимствована из скандинавской мифологии. Асгард, как сообщает Википедия, — такой небесный город, где живут боги-асы. Вот из мифологии: «В Младшей Эдде рассказывается, что Асгард был построен каменщиком-гримтурсеном (гримтурсенами исландцы называли великанов) с помощью его коня Свадильфари». Даже коню Свадильфари понятно, что это каменщики. Ашурбейли — король небесного города асов (бе-сов). Но Игорь Ашурбейли — еще и один из высших членов Императорского православного Палестинского общества. Стало быть, это православные каменщики.

Газета «Коммерсантъ», рассказывая на своих страницах о новой асгардийской нации, отмечает: «Переосмыслен и критерий «населения»: проживание на определенной территории в эпоху цифровой экономики устарело. Население развитых стран под понятие «оседлое» подпадает всё реже. Жить в одной стране, а работать в другой — уже дело обычное. 200 с лишним тысяч асгардийцев, живущих в паре сотен традиционных государств, не меняли места жительства после того, как получили электронный сертификат Асгардии (ID-карты находятся в процессе разработки). Космическая держава не только позволяет своим гражданам жить в любой точке планеты, но и делить население по округам в зависимости от языковой принадлежности».

Территория государства Асгардия — космический спутник. Понятно, что жить там можно только электронным способом. Но ведь Греф еще год назад на лекции в Балтийском федеральном университете предупреждал, что скоро главную роль в социальном пространстве будет играть не наша реальная личность, а ее цифровая копия. «Постепенно вы, как реальный человек, будете интересоваться мир все меньше и мень-

ше, а значение вашего цифрового аватара, наоборот, станет неуклонно повышаться, поскольку он очень многое о вас сможет сказать» — такой прогноз Грефа вполне соответствует тому, о чем на Петербургском экономическом форуме вещал его наставник и личный психотерапевт — индийский йог. Йог тоже намекал на то, что скоро мы все будем оцифрованы и тогда никому работать не придется, но все будут иметь всё необходимое. И человечество действительно всё глубже уходит в виртуальный мир, всё больше времени живет в цифровом пространстве. И цифровое пространство всё плотнее окутывает человечество, поглощая его в свое виртуальное чрево.

С 1 июля сего года банки России начали сбор биометрических данных своих клиентов. Нужны деньги — слай необходимую информацию о себе. Банки таким образом овладевают своими клиентами, берут власть над личностью, захватывая ее цифровую копию. Банки в данном случае — верный инструмент закабаления человечества. Без банков наши финансовые операции, даже покупка хлеба или огурцов в магазине, становятся всё менее возможными. В ближайшем будущем купить хлеб вы сможете, только передав свою цифровую копию цифровому миру. А управлять этим цифровым миром будут «лидеры наций», «истинные асгардийцы», лучшие из лучших в новом надмировом, космическом порядке, т.е. самые великие мастера-каменщики. Их родина — не дом, и не улица. Их родина — электронный сервер, электронный адрес, мир иной, потусторонний, где плач и скрежет зубов.

Вообще-то все эти цифровые планы — истинное безумие. Почему? Потому что они против Бога. Они отрицают Бога как Творца Вселенной и признают богом того, кто будет держать в руках все цифровые нити, кто будет стоять над всеми национальными интересами и религиями, кто будет правителем нового мирового порядка.

Судя по тому, кто и как занимается внутренней политикой в России, — она у нас направлена большей частью на адаптацию населения к жизни в условиях нового мирового цифрового порядка, т.е. восстанавливающейся Вавилонской башни. Конечно, на принципах чаемого коммунизма, за который жертвовали собой деды и прадеды тех, кто сегодня этой самой внутренней политикой занимается. Мы строим цифровой коммунизм. И ради этого по решению партии и правительства отказываемся от пенсий. Отказываемся от фундаментального образования, здоровья, имени и пола, Родины, родителей, истинной свободы. Отказываемся от Бога и предаем свои души дьяволу.

Внутренняя политика государства должна укреплять народ, напоминать ему о его христианском призвании. Укреплять в первую очередь духовно, культурно, питать духовные и культурные корни народа. Внешняя политика должна быть всего лишь естественным продолжением внутренней. Сейчас в России всё наоборот. Сейчас чаще кажется, что наш управленческий блок как бы проводит внешнюю политику надмирового сообщества, неких таинственных асгардийцев. Вот-вот под рев стадионов «асгардийская нация», новый мировой или космический порядок поглотят нашу Русь. Вот-вот мы все превратимся в футбольных фанатов, «оседлаем цифру» и улетим на ней на какой-нибудь виртуальный космический спутник, т.е. ко всем чертям, в ад крошечный.

Удивительно, но люди легко верят в йогу, в коммунизм, в «асгардийскую нацию» и прочую утопию, в псевдорелигиозную или псевдонаучную ахинею. Уже даже футбол религиозной называют, а вратарей — святыми. Если без Христа, то и футбол — религия. Если без Христа, то тогда антихрист — «премудрый правитель», великий цифровой маг и чародей, каббалист и экуменист.

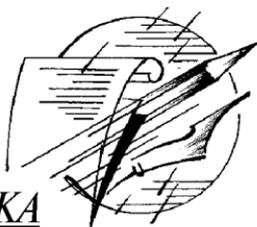
Внутренняя политика у нас сейчас без Христа. Это большая беда наша. Потому и внешняя наша линия не может быть продолжением народных интересов. Россия без Христа — не Россия, и нет тогда у нее интересов, кроме зрелищных и пищеварительных. Как писал Федор Михайлович Достоевский: «Всё, чего ищет русский народ, заключается для него в Православии — в одном Православии и правда, и спасение народа русского».

КАК БЫ ПЕРЕЖИТЬ ЭТО ПРАВИТЕЛЬСТВО...

Правительство России провозгласило очередные пенсионные нововведения, и опять за счёт простых граждан. Нам пытаются внушить, что повышение пенсионного возраста необходимо для улучшения экономического положения страны и повышения пенсий. Но так ли это, неужели нет иных вариантов, альтернатив? Неужели государство исчерпало все возможности? И в публикуемой статье хотелось бы высказать некоторые соображения.

На одном из заседаний Госдумы в 2014 году депутат от КПРФ Валерий Рашкин озвучил зарплаты руководителей госкорпораций: «Зарплата Игоря Сечина в государственной компании Роснефть — 4,5 миллиона рублей в день! Зарплата Алексея Миллера в государственной компании Газпром — 2,2 миллиона рублей в день! Зарплата Владимира Якунина в государственной компании РЖД — 1,3 миллиона рублей в день!» Полагаю, что за прошедшие 4 года меньше зарплаты этих руководителей не стали, могли лишь возрасти. Вместо Якунина сейчас главой РЖД стал Олег Белозеров.

В месяце, как правило, 23 рабочих дня. Тогда помесечная зарплата Сечи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

на — 104 млн. руб., Миллера — 51 млн. руб., Якунина — 30 млн. руб. За год на каждого выходит соответственно — 1 млрд. 48 млн. руб., 612 млн. руб., 360 млн. руб. И учтём, что их зарплаты — из доходов государственных компаний, которые мог получить бюджет страны. Пусть не на все 100%, есть там ещё и частные акционеры. Но доля российского государства там подавляющая.

Это только на главных лиц госкорпораций. А есть ещё члены правлений, «топ-менеджеры», зарплата которых если и приснится простому российскому гражданину, то только в очень глубоком сне. К примеру, по данным сайта webcomproamat.com, в 2017 году 11 членов правления «Роснефти» получили вознаграждение в 3 млрд. 895 млн. руб., среди которых был, естественно, и Сечин. А кроме членов правления, повторю, есть замы, руководители департаментов, управлений.

Получают деньги госменеджеры не только по основному месту работы. Они, как правило, заседают в органах управления других компаний — как подконтрольных, так и сторонних. Так, глава ПАО «Газпром» Алексей Миллер по совместительству ещё и председатель совета директоров в Газпромбанке, СОГАЗе, «Газпром нефти», «Газпром-Медиа». Кстати, «Газпром-медиа» владеет 66% акций радиостанции «Эхо Москвы», которая с завидным постоянством, мягко говоря, недружественно высказывается о нашей стране и её лидерах, да ещё и получает на этом прибыль. Но, как говаривал один из римских императоров, «деньги не пахнут».

Таким образом, на вышеуказанное трио суммарно приходится 2 млрд. 20 млн. руб. в год. С учётом их «совместительств» можно и сократить им зарплату в интересах остальных граждан страны где-то на 2 млрд. руб. Но это, повторю, лишь по трём госкорпорациям и первым лицам. А по остальным госкорпорациям?

К примеру, перечень акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций, федеральных государственных унитарных предприятий, разрабатывающих программы инновационного развития, утверждённый решением правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3 августа 2010 г., протокол № 4, насчитывает 48 компаний, среди которых, кроме указанных трёх, — Росатом, РусТидро, Ростехнологии, Аэрофлот и пр. Думаю, с 2010 года мало что изменилось. Но это, повторю, только перечень госкомпаний «разрабатывающих программы инновационного развития». А сколько их по иным направлениям? И сколько в них высокооплачиваемых «топ-менеджеров»?

Дополнительно: ежегодные зарплаты глав госкомпаний, по данным сайта web-compro.mat.com: Анатолий Чубайс (Роснано) — 1 млрд. 62 млн. руб., Герман Греф (Сбербанк) — 519 млн. руб., Сергей Чемезов (Ростех) — 212 млн. руб. А там опять замы, начальники подразделений с заоблачными окладами. Так что, только подсократив зарплаты руководителям всех госкомпаний до разумных пределов, можно набрать немало миллиардов рублей для госбюджета.

Есть мнение, что высокие зарплаты руководителям госкорпораций обусловлены высокими зарплатами их зарубежных коллег. Мол, сегодня российскую госкорпорацию возглавляет гражданин России, завтра пригласят иностранца — нельзя им платить по-разному. Во-первых, плохо, если Россия может оскудеть квалифицированными руководящими кадрами. А во-вторых, тогда и работникам госкорпораций платите по западным меркам. К примеру, в штате Вашингтон, США, минимальная заработная плата 90 тыс. руб. Но это местный МРОТ!

Руководители бюджетных учреждений, организаций, государственных ВУЗов страны также получают немалую зарплату. На сайте «Комсомольской правды» в статье «Пять самых богатых ректоров страны» за 21.12.2015 год указаны доходы ректоров за 2014 год: ректор Санкт-Петербургского университета «Горный» Владимир Литвиненко в 2014 году заработал 80 млн. руб., ректор Высшей школы экономики - Ярослав Кузьминов — 45,3 млн. руб., ректор Российского государственного социального университета Наталья Починок — 41 млн. руб., ректор Российской академии народного хозяйства и госслужбы Владимир Мау — 38,8 млн. рублей, - ректор Московского государственного университета путей сообщения Борис Левин — 37,7 млн. руб. Сейчас, полагаю, вряд ли они получают меньше.

Правда, постановление правительства № 583 от 2008 года говорит: зарплата ректора не должна превышать среднюю зарплату сотрудников более чем в 8 раз! Но норма эта рекомендательная. Такие доходы ректоров тоже можно подсократить. Средства в бюджете добавятся, да и принципы социальной справедливости и постановление правительства начнут выполняться.

А доходы депутатов, руководителей исполнительной власти федерального и регионального уровня, работников Центробанка, судей. Согласно Федеральному бюджету, принятому Госдумой, зарплата народных избранников в 2018 годы выросла до 800 тыс. руб., что примерно в 22 раза больше, чем средняя зарплата по стране. На обслуживание одного депу-

тата (помощники, командировки, связь) ещё по 1,5 млн. руб., сообщает сайт z-truda.ru. Итого 2 млн. 300 тыс. руб. на депутата. В Госдуме 450 депутатов, в Совете Федерации 170. Если сократить расходы на каждого по 1 млн. руб., то в год это уже более 7 млрд. руб.

Зарплаты министров правительства РФ находятся, насколько известно, в основном в пределах 1,7 млн. руб. в месяц в зависимости от министерства. Но здесь же опять — замы, руководители департаментов и пр. Так что есть возможность для внедрения принципов социальной справедливости. А ещё есть губернаторы 85 субъектов Федерации, вице-губернаторы, иные региональные начальники и депутаты, судьи...

Но не буду утомлять читателя цифрами материального благополучия российских чиновников. Стоит лишь сказать, что за последний год затраты российского бюджета на чиновников намного превысили расходы на медицину и образование в стране. Только на содержание президента бюджет страны ежедневно выделяет 41 миллион рублей, передает издание РБК, ссылаясь на официальные исследования бюджета Российской Федерации.

Расходы федерального бюджета на 2017 год по разделу «Общегосударственные вопросы», куда входит обеспечение деятельности президента, правительства, губернаторов и других органов власти, — в размере 1,2 трлн. руб., т.е. намного больше, чем вместе взятые расходы на образование и здравоохранение — 946,5 млрд. руб. Только на содержание президента в 2017 году потрачено 15 миллиардов рублей.

Кто-то скажет, автор статьи копается в чужих деньгах, это, мол, неэтично. Но это наши деньги, народные. И мы вправе и даже обязаны сказать здесь своё слово. К тому же, согласно Конституции, Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Ст. 7. Конституции гласит: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Там не говорится: «человек, занимающий должность руководителя госкорпорации, министра, депутата». Человек — это любой гражданин страны. И Конституцию страны должны соблюдать все, невзирая на должности и заслуги. Ст. 19 Конституции констатирует: все равны перед законом и судом.

Но, решая вопросы наполнения госбюджета, стоит подумать не только о сокращении зарплат госчиновникам, но и о сокращении самого чиновничьего аппарата. Компетентные

источники давно утверждают, что количество чиновников в современной России намного превысило их количественный состав в РСФСР.

В России сегодня единый 13% подоходный налог. Введение прогрессивной шкалы налогов, когда богатые платят больший процент, и государственная монополия на производство алкоголя тоже серьезно поддержат российский бюджет. Лидер КПРФ Зюганов говорил о пополнении бюджета при принятии таких мер на несколько трлн. руб.

Ежегодно из России утекает за рубеж от 60 до 100 млрд. долларов. Перекройте каналы оттока капитала, верните хотя бы часть средств, ушедших за границу. Это колоссальные деньги, они озолотят российский бюджет. Будут деньги на пенсии, детсады, школы, дороги и пр. и пр.

А сколько денег высылают из страны трудовые мигранты! На прошедшем в октябре 2016 года в Астрахани заседании Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ глава Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов отметил, что мигрантов в России сегодня почти 10 млн. человек. Практически все, полагаю, трудовые. Если каждый по скромным подсчётам вышлет в месяц на родину 10 тыс. руб. (в рублях или валюте, не важно), это уже 100 млрд. руб. в месяц. За год — 1,2 трлн. руб. Вот ещё колоссальный канал утечки денежных средств за кордон.

Государство должно заботиться о трудоустройстве собственных граждан, а не иностранцев. Мигранты отбирают рабочие места у местного населения. А где будут работать наши люди в случае увеличения трудовой массы? Ведь с повышением пенсионного возраста увеличится и количество претендентов на рабочие места. А уже сейчас безработица составляет 20% от трудоспособного населения. Белоруссия прекрасно обходится без иностранной рабочей силы, из других стран берутся на работу только высококлассные специалисты.

Но, видимо, российский госаппарат отрабатывает ещё и требования Международного валютного фонда, участником которого Россия стала в 1992 году. Многие законы после 1992 года, написанные с участием «экспертов» МВФ, не отражают интересов России и нашего народа. Но правительство взяло перед МВФ ряд обязательств и по-холопски выполняет их.

Где будут работать люди предпенсионного возраста? На работу стараются брать молодых, системная социальная политика в стране отсутствует. А тут ещё автоматизация, механизация, роботизация производства, естественный процесс

ближайших лет, что приведёт к сокращению рабочих мест. Работу будут брать на себя механизмы. И этот естественный процесс совершенствования производства должен приводить к **уменьшению** пенсионного возраста. Ведь будет освобождаться значительное число работников.

И в заключении ещё о некоторых аспектах пенсионного обеспечения. Средняя зарплата по стране сегодня 41 тыс. руб. (Для сравнения: в Швейцарии — 380 тыс. руб., в Норвегии — 290 тыс. руб., в США — 270 тыс. руб., в Германия — 260 тыс. руб.) С заработка каждого в пенсионный фонд выплачивается 22%, это 9 тыс. руб. В среднем мужчины работали до пенсионного возраста в 60 лет где-то 35 лет. За эти 35 лет наберит 3 млн. 800 тыс. пенсионных накоплений (без учёта роста средней зарплаты). Средняя пенсия по России (опять данные Росстата) — 14 тыс. руб. Таким образом пенсионных накоплений — 3 млн. 800 тыс. руб. хватит на выплату ежемесячной пенсии в 14 тыс. руб. (без учёта роста средней пенсий) в течение 25 лет.

А каков средний возраст жизни мужчины в России? По Росстату — 66 лет (для сравнения: Швейцария — 77,8; Франция — 77,7; Норвегия — 76,5; Германия — 76; США — 75,2). Получается, что в среднем мужчина выбирает из своих пенсионных накоплений только 850 тыс. руб., т.е. пятую часть, около 21%. Остальное отходит государству, надо понимать, в качестве наследственной доли. При выходе на пенсию в 65 лет мужчина сможет воспользоваться своими накоплениями только в течение 13 месяцев, получив 182 тыс. руб.

А если эти накопления в размере 3 млн. 800 тыс. руб. положить в банк? Только по умеренной ставке в Сбербанке 6% годовых — 228 тыс. руб. в год или 19 тыс. руб. в месяц. Здесь пенсию можно выплачивать только за счёт банковских процентов. Тогда все накопления после ухода из жизни пенсионера могли бы переходить наследникам, т.е. близким. А ведь наверняка Пенсионный фонд держит свои средства в банках, и проценты там капают ещё до выхода на пенсию будущего пенсионера. Сдаётся, дурят нас в очередной раз правительственные чиновники с пенсионной реформой.

Мне возражат: мол, к окончанию пенсионной реформы для мужчин в 2028 году возрастёт средняя продолжительность жизни, и будет она больше 66 лет. Однако при подобных действиях российского правительства, она, скорее всего, будет только уменьшаться. Эх, пережить бы нам... это правительство.

МВФ — это финансовая организация, обладающая статусом специализированного учреждения ООН. Первые соглашения о создании МВФ подписаны в 1944 году на Бреттон-Вудской конференции, где была принята и новая валютная система, в результате которой США на долгие годы стали «мировым банкиром». А доллар стал наряду с золотом мировой валютой. Таким образом, МВФ создавался ещё до принятия Устава ООН в 1945 году, как теперь становится ясно, — в целях поддержания «нового мирового валютного порядка».

В МВФ входят около 50 стран. Его полномочия широки. Он призван регулировать курсы валют государств—членов МВФ, осуществлять разработку реформ по оздоровлению валютной системы мира и соблюдению предложенных фондом параметров социальной политики. МВФ требует от стран-участниц строго выполнять и определенный курс экономической политики. Правительство страны-участницы фонда берёт обязательства действовать в рамках предлагаемых МВФ требований, о чём уведомляет фонд в «Письме о намерениях».

Комиссары МВФ контролируют выполнение каждой страной взятых на себя обязательств. В данном случае говорить о суверенитете государства не приходится. Ибо его экономическая и социальная политика подконтрольна МВФ. А сам МВФ в значительной мере подконтролен США, где расположена штаб-квартира фонда — округ Колумбия, Вашингтон. В том же населённом пункте, где и Белый дом, штаб-квартира американского президента.

В 1992 году в период грабительских для России реформ правительство Ельцина—Гайдара не без давления США и ЕС приняло решение о вступлении в МВФ, куда согласно процедуре приёма было направлено «Письмо о намерениях», в котором правительство РФ брало на себя определённые обязательства. Найти текст этого письма и дополнений к нему в открытых источниках не удалось. Думается, это тайна за семью печатями. Есть что скрывать от народа.

Но вот, например, что пишет в письме от 14.02.2003 года руководство Киргизии на имя директора-распорядителя МВФ (сайт <http://www.imf.kg/rus>): *«Данным Дополнительным письмом о намерениях мы просим Исполнительный совет МВФ одобрить изменение нашего Меморандума об экономической политике второго года (МЭПВГ), представленного Вам 31 января 2003 года. В МЭПВГ мы официально признали, что принятие парламентом Государственного бюджета и бюджета*

Социального фонда является предварительным условием для утверждения Исполнительным советом МВФ завершения второго обзора в рамках трехлетней договоренности о ПРГФ. Однако мы не смогли пока полностью выполнить данную предварительную меру. Хотя предварительные оценки расходов и доходов в бюджете на 2003 год были утверждены и нижней и верхней палатами парламента в конце декабря 2002 года, работа по подкрепляющему ее налоговому законодательству все еще не завершена...» Далее идут пространные объяснения в извинительном тоне, почему не выполнен ряд обязательств и какие меры предпринимаются для их выполнения.

Преклонение Киргизии перед МВФ привело к резкому падению уровня жизни населения, безработице и к революциям 2005 и 2010 годов. События в Киргизии характерны для многих государств мира, находившихся под контролем МВФ. О какой независимости здесь можно говорить, если верховная власть страны согласовывает свои программы с МВФ. В таком же положении, можно не сомневаться, находится и Россия, которая согласовывает свои действия с МВФ и отчитывается перед МВФ. Но если МВФ подконтролен США, **кто тогда фактически управляет экономикой и финансами России?**

Под контролем «экспертов» МВФ в России после 1992 года была создана законодательная база, которая сделала невыгодной честную работу российских предприятий любой формы собственности в сферах крупного, среднего и мелкого предпринимательства. Кроме госкорпораций, действующих сегодня по особым программам. Отечественные предприятия выталкиваются в офшоры, под иностранную юрисдикцию, стимулируется отток капиталов за рубеж. Торговые сети торгуют товарами зарубежного производства.

То есть современное российское законодательство создаёт условия не для эффективного развития промышленности, сельского хозяйства, предприятий торговли во благо страны, а для использования российских предприятий по поддержанию благосостояния паразитирующей верхушки США и стран ЕС. А в целом — для использования российских граждан в качестве дешёвой рабочей силы и для обогащения зарубежных махинаторов. При этом на разработку программ и законов по «переходу к рынку» МВФ выделял кредиты, которые оформлялись как госдолг России с погашением из бюджета страны.

Приватизация 1990-х и 2000-х, удушающая налоговая система, разрушение образования и медицины, передача жилищно-коммунального хозяйства в частные руки, приня-

тие губительного Лесного кодекса, а теперь и пенсионная реформа — лишь часть «благоденний» МВФ, выполняемых руками засевших в органах российской власти «безродных космополитов».

В 1993 году в современную Конституцию РФ была включена норма — п. 4 ст. 15: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Таким образом проводилась легитимизация внешнего управления Россией со стороны международных структур, отстаивающих интересы США и ЕС.

Сегодня, правда, действие этой нормы ограничено постановлением Конституционного суда страны и принятым законом. Но в Конституции-то она осталась. Как остались в силе и обязательство правительства РФ перед МВФ. Поэтому чиновники в органах власти России исполняют программы и законы «переходного периода», разработанные экспертами МВФ.

В середине августа 2018 года я побывал в г. Старая Русса, одном из старейших городов России. По официальной истории ему 1000 лет, по иным данным намного больше. Ныне это райцентр Новгородской области. В 2000 году там проживало 41 тыс. жителей, в 2017-м уже 29 тыс. человек. Город пустеет, предприятия, активно работавшие в советское время, ликвидированы. Местные жители говорили: остался один авиационный завод, да и тот дышит на ладан. Проводившая экскурсию гид, отмечала: СМИ пишут о средней зарплате в городе 27 тыс. руб., но ей горожане с такими доходами неизвестны. Высокой считается зарплата 13—15 тыс. руб. Вот они, плоды совместной работы чиновников МВФ и правительства РФ. И так по всей России, за исключением Москвы, Питера, Нижнего Новгорода и ещё трёх-четырёх крупных городов.

Российское правительство регулярно отчитывается перед МВФ о положении дел в стране, о выполнении взятых на себя обязательств. Представители правительства РФ, в частности, присутствуют на ежегодных заседаниях МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне. Назвать подобные действия целесообразными для развития страны, для обеспечения благосостояния населения язык не поворачивается. Это свойственно лишь марионеточным режимам, действующим в интересах своего патрона.

Международный Трибунал Рассела, состоящий из ведущих юристов и экономистов мира, признал, что «...гибельные результаты деятельности МВФ должны рассматриваться как преступления, а не ошибки...» Это «...убийство людей посредством навязанных обманным путем договоров... ведущих к массовому и постоянному нарушению прав человека». И в каждой стране, исполняющей программы МВФ, есть его соучастники. А соучастники, сообщники также подлежат наказанию.

Информацию о намеченной деятелями из МВФ пенсионной реформе в России можно почерпнуть на сайте постоянного представительства МВФ в Москве (<http://www.imf.org/ru>). Там на главной странице имеется ссылка: «Последняя консультация в соответствии со Статьей IV была обсуждена Исполнительным советом 10 июля 2017 года. Страна № 17/197 — это Россия. Даже номер нам присвоен. Как в концлагере.

Доклад персонала МВФ для консультаций 2017 года датируется 15.06.2017 г. Миссия МВФ встретила в Москве, как говорится на сайте, «...с министром финансов Силуановым, министром экономики Орешкиным, председателем Центрального банка Набиуллиной, другими высокопоставленными должностными лицами и представителями финансовых, научных и коммерческих организаций». Но что-то об этой встрече молчали российские СМИ, как молчат и о других совместных «делах» чиновников МВФ и России.

В Докладе можно прочитать о трогательной заботе о повышении доходов населения, прочих факторах, укрепляющих стабильность в стране. Но это лишь, надо думать, прикрытие реальной разрушающей Россию политики, страны под №17/197. Например, один из разделов Доклада называется: «Денежно-кредитная политика — постепенная либерализация». Мы уже наелись этой либерализации, которая гробит Россию. А нам её продолжают навязывать.

А теперь некоторые выдержки из названного Доклада. В п. 16 указывается: «Хотя утверждение пенсионной реформы может произойти только через некоторое время после президентских выборов, они обсудили три набора мер, которые могут быть рассмотрены: i) повышение и выравнивание установленных в законодательстве пенсионных возрастов; ii) уменьшение пенсионных пособий в случае раннего выхода на пенсию; iii) сокращение пенсионных выплат для пенсионеров, не достигших обязательного пенсионного возраста».

В пп. 31, 40: «...параметрическая пенсионная реформа, в частности, повышение установленного в законодательстве

пенсионного возраста, может способствовать компенсации влияния негативных демографических тенденций на рынки труда».

П. 32: «Они (официальные органы РФ. — Авт.) утвердили стратегию экономической безопасности на период до 2030 года и отметили, что комплексная программа реформ, вероятно, будет проведена после предстоящих президентских выборов».

П. 35: «...реформа параметров пенсионной системы может с течением времени дать значительную экономию для бюджета и способствовать ослаблению негативных демографических тенденций на рынках труда».

Среди основных рекомендаций до 2017 года в Докладе сказано: «Насущной задачей стало проведение параметрической пенсионной реформы, которая будет способствовать своевременному поддержанию бюджетной корректировки».

В качестве дальнейших рекомендуемых мер даётся, к примеру, такой: «Плавающий обменный курс остается необходимым условием смягчения шока. Неупорядоченной ситуации на рынке можно противодействовать с помощью валютных интервенций. Можно рассмотреть вопрос о повышении процентной ставки». Против плавающего обменного курса уже неоднократно высказывались экономисты-патриоты.

Как видите, уважаемые читатели, «сообщники» давно уже просчитали начало пенсионной реформы и даже «комплексной программы реформ после президентских выборов». Но нам в выборную президентскую компанию 2018 года обещали улучшение жизни. Народ надеялся на перемены к лучшему. А тут... пенсии у мужчин отбирают на 5 лет, а у женщин на целых 8 (первоначально). И каких ещё новшеств нам ждать от «комплексной программы реформ»?..

Сегодня большая часть экономики страны находится в руках иностранного капитала. Доля иностранного капитала в энергетике перевалила за 90%, железнодорожном машиностроении — за 75%, в добывающей промышленности достигла 56%, в цветной металлургии — 77%, черной металлургии — 68%, химическом производстве — 51%. Треть активов, купленных иностранцами, принадлежит США, еще треть — ЕС, четверть — Англии. Вот она — реальная «борьба» с Западом.

На сайте представительства МВФ в Москве имеется фото главы постоянного представительства МВФ в России Габриэля Ди Белла. Уроженец Аргентины, в 2003 году закончил Висконсинский университет в Мадисоне, США. Ранее возглавлял представительство МВФ в Никарагуа и Гаити. Теперь у этого проходимца, выпускника американского уни-

верситета, под надзором страна с «формирующейся рыночной экономикой», страна № 17/197. Ещё в начале 2017 года он говорил о необходимости повышения в России пенсионного возраста и налога на добавленную стоимость.

Разрушительные для России нормы пенсионной реформы в первом чтении утвердила Госдума, 2/3 которой (340 мандатов) составляют партийцы «Единой России». Они решили разделить с чиновниками правительства славу Герострата. Ведь и руководителем партии является премьер страны Д. Медведев. 90% жителей России резко против пенсионной реформы. А «Едроссия» голосует «за». Выходит, они тоже пособники колонизации страны и прислуга МВФ...

С учётом всего сказанного нам необходимо исключить всякое вмешательство МВФ в экономическую, социальную, культурную жизнь России. Разорвать с ним отношения. Заняться укреплением государственного сектора в экономике и сельском хозяйстве. А для этого — пересмотреть в значительной степени отечественное законодательство, разработанное экспертами МВФ. Народу надоело чиновничье враньё и бездушие.

РАССКАЗЫ

ДОЛГАЯ ДОРОГА

Пантелей Иванчихин спустился с разбитой насыпной дороги и неторопливо зашагал по тропинке, поглядывая по сторонам. Смотрел на деревенские дома, которые были разбросаны там и сям по пологому склону холма. Избы, сараюшки словно спускались в низину, направляясь к извилистой речушке, что вилась между всхолмьями, по берегам заросшая кустами и вербами, да желтели песчаные берега, а сама в заводях и звонких перекатах, где воля вольная для ребятни, где можно пескариков половить да искупаться в жаркий день.

Много лет прошло с той поры, когда Пантелей впервые попал в эту деревню. Колхозникам помогали на сенокосе. Шефская помощь, так сказать. Всех оставили на центральной усадьбе, а Пантелея загнали в глухомань, природой любоваться, как хохотнул бригадир. Небольшая деревушка на пологом склоне холма, стариков много, а молодых можно по пальцам пересчитать. Определили на постой к Ангелине и Володьке Еремкиным. Старики, а их называли по именам,

ПРОЗА

вроде так и должно быть. И Пантелей стал звать старика, здорового скособоченного увальня — дядькой Володей, а бабу Ангелину, маленькую, худенькую, словно девчушка, ласково именовал — Гелюшка. Днем с колхозниками на сенокосе, а вечерами помогал старикам по хозяйству, то крыльцо подправит, то забор подлатает, то печку подмажет... Да что говорить, в деревне всегда работа найдется. Вот и крутился от зари до зари, пока командировка не закончилась. Уезжал, бабка Геля расплакалась и дядька Володька носом подхлюпывал, всё просили не оставлять их одних, а навещать при случае. С той поры, когда выпадало свободное время, Пантелей стал наезжать к старикам. Если долго не бывал, душа начинала ныть, словно напоминая, что нужно проведать стариков, и он виноватил себя, поедом ел... А потом собирал сумку, покупал гостинцы и тащился с пересадками на автобусах, чтобы день-другой провести со стариками, которые стали роднее родных. Да и каких родных-то, ежли вырос в детдоме, не зная ни мамки, ни папки — подкидышем был, и жизнь как-то не складывалась, вроде неплохой сам-то, а всё один да один, казалось бы, давно пора семью иметь, а ни жены, ни детей...

А ночью старики приснились, непонятная тоска накатила, и душа не заныла, а словно в кулак сжали — душу-то, да так больно, что Пантелей не выдержал. Утром позвонил на работу, отпросился на пару-тройку днейков, достал с антресолей потертую сумку, бросил рубаху да трусы с носками, полил цветы на подоконнике, оставил ключи соседям, чтобы за квартирой присмотрели, и сам отправился в деревню, чтобы навестить Еремкиных.

...Промчалась машина по грунтовке. Вдогонку метнулась собака, загавкала. Облако пыли повисло над дорогой. Звучно чихнув, Пантелей кивнул замшелому старику, что сидел на такой же лавке возле дома.

— Здоров, дед Витяй, — сказал он, на ходу прикуривая. — Сидишь, на солнце греешься?

— Здоров, — чуть запоздало сказал старик. Видать, дремал, прислонившись к забору и, приложив ладонь лодочкой к глазам, взглянул против солнца. — Чей будешь? Сослепу не признаю...

— К Еремкиным приехал, — махнув рукой в сторону извиистой речки, сказал Пантелей. — К Гелюшке и дядь Володе.

— А-а, вот сейчас узнал тебя, — закивал дед Витяй, поправляя зимнюю шапку, несмотря, что на дворе было лето. — Молодца, что ездешь, а больше-то некому. Одни на белом свете. Помрут и похоронить некому, — и старик замолчал,

прислонившись к шерботому, словно зубы, забору. Может, задумался, а может опять задремал.

Виляя по узкой тропке, мимо протарахтел старенький красный мотоцикл. На нем гордо восседал паренек по пояс голый, в выцветшем трико и галошах. Видать, чей-то внучок приехал на каникулы. И техника, как успел заметить Пантелей, скорее всего — первая, вон как неуверенно рулит по тропинке. А сколько еще будет на веку этих мотоциклов да всяких мопедов с велосипедами — не счесть. Но самый незабываемый — первый...

Заорал петух, взлетев на забор. Пантелей чертыхнулся, засмотревшись на мотоцикл, бросил окурочек в траву, свернул в проулок и по нему стал спускаться в сторону речки. Где-то мукнула корова. Следом зашла собака лаем. Видать, чужой во двор сунулся. А там, на взгорке играют ребятишки. Лето наступило, и ребяты на каникулах. Привезли к старикам, на свежий воздух и парное молочко. А вон там два паренька направились в разрушенный коровник, прикуривая на ходу и пряча сигареты в руках. Боятся, взрослые увидят, накажут. Хотя все прошли через это. Одни раньше закурили, другие позже, а некоторые вообще не пристрастились...

Добравшись проулками до Еремкиных, Пантелей взглянул на обшарпанную избу, подмечая, что нужно подправить. На погребке крыша прохудилась, вон дранка виднеется, и земля вокруг просела — нужно подсыпать. Забор покосился. Некоторые штакетины сломаны, а то и вовсе не хватает. Из дыры появился любопытный пятак поросенка. Увидев Пантелея, чумазый поросенок дружелюбно хрюкнул, выбрался на улицу и потрусил вдоль домов по своим поросычьим делам.

Толкнув скрипучую калитку (нужно петли подправить и смазать), Пантелей зашел во двор, сплошь заросший спорышем. Вдоль забора разнокалиберная поленница. Где-то еще много, а в других местах всего ничего, почти до земли выбраны поленья. Видать, откуда ближе, там и брали. Осенью готовили дрова, укладывали в высокие поленницы и закрывали кусками рубероида, чтобы не намочило дождями. Ладно, на всю зиму хватило — это радует. Не мерзли старики. Коегде на штакетинах висели банки, вон бидончик виднеется, а рядом сушатся линялые тряпки. Возле калитки в садик видны черенки от лопат и грабли торчат. Наверное, дядька Володя с Гелюшкой в саду возились.

Загорланил петух, созывая свое семейство. Куры наперегонки помчались, как-никак хозяин зовет. Пантелей присел на ступеньку широкого крыльца. Давно заметил, лучшее место для отдыха — крыльцо. Здесь можно с соседями пого-

ворить, когда они заходят на минутку, а можно сидеть и смотреть на ночное небо в звездных россыпях и просто слушать ночную тишину. Пантелей поерзал на ступеньке, поудобнее устроиваясь. Устал, пока добрался. Поставил сумку на землю и стал осматриваться.

Всё то же, что и было. Ничего не изменилось за эти месяцы. Месяцы? Пантелей нахмурился, подсчитывая. И, правда, не неделю, не две-три, а месяцы пролетели, пока выбрался в деревню. Закружился на работе и по работе, и после работы, аж штаны на ходу слетают. Замотался, пожрать некогда было. Раньше частенько проводывал, а сейчас... Он вздохнул, взглянул в садик. Вдоль забора разлохматилась смородина (осенью нужно ветви подрезать), рядом яблоньки, какой сорт — он не знал, но яблоки были маленькие и кислое — страсть, а вон там вишня. Ягоды мелкие урождаются, а побеги от нее, как трава-березка, по всему садику лезут, не успевают вырубать, а они прут и прут, заразы. И по двору полынь да лопухи с крапивой островками разрослись. Надо бы косой пройтись, нечего двор сорняками загромождать. Пантелей достал сигареты. Закурил. Порыв ветра подхватил дымок, заполоскало-запарусило белье на веревке, что провисла поперек двора, подпертая длинной слегой, чтобы по земле не волочилось. Видать, бабка Ангелина устроила постирушки. Конура возле огорода. Давно собаки нет, а конура так и стоит. Рядом разрезанный баллон от «Беларуси» и шланг валяется. Воду наливают утятам и гусятам — и пьют, и бултыхаются тут же. А вон там...

— Володька, лиходея криворукий, сколько говорить, не кури в избе, — донесся резкий тягучий голос. — Всё провонял, надымил, хоть топор вешай. Марш на двор, пока ухватом не получил!

— Ополоумела, старая, — раздался громкий хриплый голос. — Что выдумываешь, а? Что зазря рот раззявила? Я же перед тобой сижу, а разоралась, будто курю...

— А кто же тогда надымил, ежли не ты? Мы же вдвоем в избе. Значит, кроме тебя некому, — опять донесся тягучий голос Гелюшки. — Может, скажешь, что я пыхчу, а?

— Только попробуй, — захрипел старик. — Враз губы прижгу, ежли замечу. Это не госпиталь, когда раненым прикуривала. Ишь, чего удумала на старости лет — курить! Гляди у меня...

— Я те прижгу, — недовольно заворчала бабка Геля. — Плянь, какой смелый нашелся! Вот дождешься...

Так было всегда, когда Пантелей приезжал в деревню. Садился на крыльцо, где проводили со стариками большую

часть свободного времени, и посмеивался, слушая, как беззлбно лаются старая Ангелина с дядькой Володей. Давно старики кукуют-доживают свой век в деревне. Гелюшка познакомилась с дядькой в конце войны, раненого вытаскивала из-под огня, моталась с ним по госпиталям, выхаживала после тяжелого ранения, а потом в деревню забрала. С той поры не разлучаются...

Заскрипела дверь. Донеслись легкие, неторопливые шаги и на крыльце появилась Гелюшка: невысокая старушка, юбка в пол, сухонькое сморщенное лицо, платок по бровям, в глухой ситцевой кофточке в мелкий синий цветочек. Она, не глядя, ткнула ноги в обрезанные валенки, развернулась и охнула, чуть было не уронив алюминиевый таз с грязной водой. Сразу видно, постирушками занимается.

— Пантюшка приехал, — запричитала она, торопливо выплеснула грязную мыльную воду с крыльца, громыхнула тазом, бросила его на доски, присела рядышком и прижалась к Пантелею, заглядывая в глаза. — Наконец-то, дождалась. С дедом частенько вспоминаем тебя. Ни слуху, ни духу.. Мы уж боялись, думали, что бросил нас, стариков-то. А ты взял и приехал. А почему не был долго, сынок?

— Заработался, — выпустив струйку дыма, сказал Пантелей. — А ночью, словно шило в задницу ткнули, я собрался и примчался. Захотелось вас увидеть, с вами посидеть. Что-то беспокойно на душе стало, тоскливо. Вот и прилупил. Как живете, Гелюшка? — и приобнял старушку. — Как ваше здоровье?

— Да нормально живем, грех жаловаться, — закивала она головой. — Прихварываем, но ничего, держимся. Правда, дядька Вовка стал в рюмку заглядывать. Ты бы поругал его, сынок. Разбаловался на старости лет. У, дожدهшься у меня, лиходей косорукий! — и потешно погрозила сухоньким кулачком.

— Меня звала, что ли? — появилась лохматая кудрявая башка старика и, скособочившись, он вышел на крыльцо, лицо, наполовину обожженное, — сплошь один большой бугристый шрам, который терялся где-то под рубахой. — А что расселись-то? — он взглянул на Пантелея и сказал, словно не было нескольких месяцев расставания, будто Пантелей со двора вышел и вернулся. — Айда в избу, сынок. Мать, повечерять бы, солнце за горой скрылось. И это... еще... Пузырек бы...

— Уже с утра занырнул в бутылку, — сразу же заворчала бабка Геля и споро поднялась. — Знаешь, Пантюша, сделаю настойку для питья, для растирания, подальше запрячу, а он,

сволота этакий, находит, — беззлобно обругав, она всплеснула руками. — Не успею глазом моргнуть, Вовка лыка не вяжет. И когда успевает — не понимаю. Ну не зараза ли? — и подтолкнула Пантелея. — Солнце на закат повернуло. Вечерять пора, сынок. Айда в избу, айда. Сейчас стол накрою и посидим...

И все так легко, так просто, словно не расставались.

Пантелей приостановился на веранде. Низенькая, но просторная, вся увешанная вязанками душицы, иван-чая посредине, особенно мяты много — вдоль речки в сырых местах косяк кося, а в углу зеленели березовые веники, уже заготовили на всю зиму. Вон какие мягкие и духмяные! Возле двери, на вбитых гвоздях плащ с большим капюшоном, тут же кнут виднеется. Давно корову продали, а кнут висит. Здесь каждый хозяин в деревне имеет свой кнут, так принято, а некоторые с собаками пасут, чтобы волки не подходили, и с коровами легче управляться. К плащу притулилась серая фуфайка, грязная тряпка из кармана торчит, и тут же коричневая кацавейка с потертым мехом. Под ними ряд разномастной обуви: драные тапки, разнокалиберные галоши, зимние боты «Прощай молодость», сапоги резиновые, сапоги кирзовые: стоптанные и поновее — выбирай на любой вкус. А за дверью, где большущий сундучище, там, за занавеской много лет стоит сломанный сепаратор, а выбросить жалко. В конце веранды старый буфет с оторванными дверками. Кто его смастерил, даже старики не помнят. Два серпа подоткнуты под крышу. К стене прибит полка (Пантелей сделал) и там всевозможные баночки, коробочки и прочая мелочевка, которую никогда не замечаешь, но она всегда нужна в хозяйстве.

— Пантюшенька, что застыл, аки столб посередь двора? — раздался протяжный говорок старухи. — Забыл, где дверь находится? Проходи в избу, сынок, и занавеску опусти, а то мухи налетят. Сейчас на стол спроворю и повечеряем.

Пантелей наклонил голову, чтобы не удариться о притолоку и перешагнул порог. Справа раскорячилась большая печь. Опять нужно подмазывать. Видать, дрова заносили, всю ободрали. На печи подушка и лоскутное одеяло. С мороза ввалишься в избу, шубейку и валенки скинешь, и быстрее на печку — у-у-у, хорошо! Слева от двери рукомойник, под ним помойное ведро. Возле раковины полочка, там мыло, а на гвозде висит серенькое полотенце. На лавке ведро с колодезной водой и ковшик. А возле окошка стол с клеенкой, на нем большая солонка и блюдце с конфетами. Скорее всего, дешевая карамелька. Не шибко-то разбежишься на стариковскую пенсию, не пошикуешь. Возле стола ободранные голу-

бенькие табуретки. Цветут гераньки. Горит лампадка, едва заметен темный лик на старой иконе. Громко тикают ходики. Дверь в горницу прикрыта, чтобы мухи не налетели.

Пантелей громыхнул табуреткой, поставил сумку и принялся вытаскивать свертки, кульки и кулечки, разные пакеты, коробки спичек, мыло и прочую мелочевку, раскладывая на столе. Для дядьки Володи гостинец — несколько пачек «Примы» — вонючие, зараза, а крепкие — страсть! Старик любит такие. А для бабки Гели разыскал гребешок и маленький флакончик духов «Красная Москва». Вроде мелочь, а она обрадовалась! Скинула платок на плечи, несколько раз пригладила седые волосы, воткнула гребень, капельку духов на себя и словно помолодела, морщинки разгладились, и заулыбалась, поводя плечиками. Угодил.

И сразу захопотала возле стола. Загремела шербатыми тарелками, зазвякала ложками. Вытащила несколько соленых огурцов, квашеная капуста в пятнышках укропа, матово поблескивали грузди, желтело старое сало, пучок зеленого лука притащила с огорода, две головки чеснока. Крупно нарезала хлеб. Громыхнула чугуном с картошкой в мундирах, а рядом поставила банку молока.

Пантелей погромел рукойником, умылся, утерся полотенцем и быстрее за стол — проголодался за долгую дорогу, пока добрался до деревни. Уселся и сразу же потянулся к чугунку.

— Погодь, сынок, погодь, — остановила бабка Геля и торопливо скрылась в горнице. — Сейчас достану бутылку. С мятой настаивала, запашистая — страсть, а вкусная — у-у-у! — она причмокнула на ходу.

Дядька Володя потянулся было за картохой, потом зыркнул вслед и напрягся, внимательно прислушиваясь.

Она чем-то гремела в горнице, шушала, передвигала, а потом донеслись поспешные шаги, Ангелина появилась на кухне и громыхнула бутылкой об стол.

— Ну не зараза ли? — уперев руки в бока, сказала бабка Геля и посмотрела на мужа, который сидел, отвернувшись к окну, словно его не касалось. — Вот глянь, Пантюша, этот лиходей уже половину вылакал. Скажи, когда успел, ежели токмо утром сунула? Когда узрел, а?

Старик сидел, упорно рассматривая яблоньку за окном, и поглаживал изуродованную щеку. Так было всегда, когда ругалась Ангелина. Сядет, нахохлится, словно воробей, и будто ничего не видит, ничего не слышит.

— Что, дядька, гоняет тебя Гелюшка? — хохотнул Пантелей и, выловив горячую картофелину, обжигаясь, принялся чистить. — Правду говорят, что мал золотник, да дорог.

— Мала блоха, да кусаться лиха, — буркнул старик и уробно рывкнул, когда Ангелина крепко хлопнула по загрев- ку. — Вот, Пантюха, сам посуды, откуда у этой пигалицы столько вредности? Никакого покоя, никакого...

— Лихоимец кривоглазый, кто же из початой бутылки уго- щает, а? — продолжала ругаться бабка Геля. — Да и ту чать уже разбавил...

— Не успел, кажется, — буркнул старик, снова потянулся за картошкой и отдернулся, когда жена снова хотела влепить затрещину. — Гелька, брось! А ты другую достань, а эту на место приткни — пушай настаивается. Всё же сынок приехал...

— Так и норовишь лишний раз заглянуть в рюмку, — при- вычно заворчала Ангелина, но не стала убирать початую бу- тылку, а снова взялась за нее, разлила по рюмкам и подняла, взглянув на мужиков. — Ну, провались земля и небо, мы на кочках проживем. За приезд, Пантюша! — и стала неторопо- ливо пить.

Дядька Володя опрокинул стаканчик, даже не утерся, почмокал губищами, зыркнул на Пантелея, потом на жену и молчком заторопился на улицу, прихватив привезенные сигареты.

Бабка Ангелина выпила, передернула плечиками, хотела было поморщиться, но с недоумением взглянула на рюмку, понюхала, в ладошку вылила остатки, попробовала на язык и взъерепенилась.

— От, обормотина криворукая, — она развернулась и по- тешно погрозила кулачком. — Не разбавлял... Ну точно, вчи- стую выпил, только мятой пахнет. Выпил, а ведь сидит, и ни в одном глазу. Ведро нужно, чтобы его сподить. От, обормот, — повторила бабка Геля. — Я же говорю, все мои лечебные бу- тылки разыскал. Никуда не спрячешь. Нюх, как у собаки. Вот дождешься, вторую руку заверну крючком, тогда в коло- ду превратишься, ирод, — и снова погрозила. — Уговаривать станешь, чтобы с ложки покормила...

И, покачивая головой, бабка Ангелина продолжала ругать- ся, то и дело всплескивая руками.

А Пантелей сидел, слушал привычные беззлобные причи- тания бабки Гели (так было всегда и дальше слов дело не за- ходило), посмеивался над стариками, а сам чистил картош- ку, похрустывал огурчиками, зеленым луком, пальцами хва- тал капусту и отправлял в рот, запивал колодезной водой и снова тянулся к какой-нибудь тарелке. А когда наелся, шум- но вздохнул и, прислонившись к стене, достал сигареты, но не стал прикуривать, зная, что бабка Геля на дух не перено- сит табачный дым в избе.

— Марш на крыльцо, там дыми с этим оглоедом, — махнула рукой старушка. — А я пока чай подогрею, — и загремела чайником на плите. — Потом с баранками да медком пошвыркаем.

Пантелей присел на широкую ступеньку рядом со стариком, вытянул сигарету и закурил.

— Гелька лаетея? — спросил старик и, склонив голову, искоса посмотрел. — Ну, из-за бутылки-то...

— Да нет, не ругается, просто ворчит, как обычно. Просила с тобой поговорить, что в рюмку заглядываешь. Дядька, перестань, ты же знаешь, я не уважаю эти рюмки, — пыхнул дымом Пантелей и сказал: — Так и воюете с Гелюшкой?

— А что нам делать? — просипел старик. — Скучно жить, когда всё гладко. А так она гавкнет, я рывкну, и на душе веселее. С войны воюем, когда повстречались, — старик вытряхнул сигарету, ловко вставил спичечный коробок между коленями, чиркнул спичкой и прикурил, попыхивая. — Сам-то как живешь, Пантюш? Что долго не приезжал, а? Гелюшка все глаза проглядела, тебя ждала. Скучает она, да и я тоже, — и опять пыхнул, скрывшись в густом дыме.

— Закрутился на работе, дядька Вовка, — задумавшись, неторопливо сказал Пантелей, осматривая двор. — Здесь картошку выкопали, дрова заготовили, в город вернулся, а меня в колхоз отправили. Почти месяц там были. Едва появился на работе, заявками завалили. Зима на носу. Одни рамы просят, другие двери заказывают. Утепляются. А весной, не поверишь, словно мор в городе прошел, почти каждый день гробы делали. Не счесть, сколько сделали. Тяжело. Лето наступило, опять хотели в колхоз отправить, как шефскую помощь, но я отказался. Пусть другие помотаются, как мне приходилось. Я и так, как белка в колесе — все дни на работе, а в свободное время на шабашки бегал. Деньги нужны были. Вот и откладываю каждую копейчку. А этой ночью вы приснились, — он сказал и стукнул по груди. — И вот здесь как заболело, как защемило, до утра просидел возле окна, пачку сигарет искурил, вас вспоминал, а утро настало, я за телефон, отпросился и к вам помчался. Вот сию с тобой, и душа радуется, словно в дом родной приехал.

— Деньги нужны, говоришь... — поглаживая обожженную щеку, сказал старик. — Нам бы сказал. У бабки есть, а ежли не хватит, пенсию получили бы и добавили...

— Ну да, придумал — вашу пенсию взять, — вскинулся Пантелей. — Вы и так копейки получаете. Сказал тоже — у вас, — повторил он. — Вам нужно помогать, а не с вас тянуть. Сам зарабатую. Вот вернусь, зарплату получу и думаю, что наскребу.

— Ну, а девушку-то нашел или холостякуешь? — продолжал расспрашивать старик. — Одному жить, только время терять. Ни бабы, ни ребятни... Плынешь по жизни, как дерьмо по течению — ни себе, ни людям.

— Скажешь тоже — дерьмо, — усмехнулся Пантелей. — Вам легко говорить — баба, а где я возьму её, если с работы не вылезаю. Хорошая девка сама не придет, а шалаву не хочу.

— Там же город, значит, и девок побольше, — старик кивнул головой. — Это в деревне почти никого не осталось. Правда, поговаривают, что некоторые хотят вернуться — не прижились в городах-то, да и что делать там — суетня да и только, — он пренебрежительно махнул рукой.

— Правду говоришь, дядька — суета, — задумчиво сказал Пантелей, сорвал травинку и стал жевать. — Там, как белка в колесе — крутишься, крутишься, вроде много работы переделал, а вечером оглянешься — ерунда и только, и устаешь, как собака. Домой вернешься, что-нить пожевал и быстрее на диван. Не успел телевизор включить, уже глаза закрываются. И так постоянно. Всё бегом и бегом. А сюда приеду, душа радуется. И все дела успеваю сделать, и с вами насижусь, наговорюсь — хорошо! Даже возвращаться не хочется...

— Вот и живи у нас, ежели тебе нравится, — сказал старик. — Давно пора сюда перебраться. Я, как приехал с Ангелькой в деревню, ни разу не пожалел. Не понимаю тех, кому не нравится деревня. Вон, возьми Алешеньку Килюшкина, — он ткнул в сторону заколоченного дома, что стоял рядышком с ними — за забором. — Такая добротная изба — живи не хочу, а он, когда родителей схоронил, собрался и умотал в город. И радуется, дурачок, что освободился. От чего, я не могу понять? Ты же не для дядьки чужого, а для себя скотинку держать, для себя огород садишь, а в городе всё нужно покупать — никаких денег не напасешься. Ну, это еще ерунда — деньги, а вот как с соседями ужиться? Разве всех упомнишь — столько народищу? Вот и получается, что вроде бы город — это хорошо, там всё есть, что душе угодно, а человек в нем теряется, исчезает в этой огромной толпе, он же — букашка малая, ладно, ежели не затопчут. Смотришь на людей, а они все на одно лицо, словно под копирку сделаны. И куда-то бегут, бегут — всю жизнь торопятся...

— Я встречал Килюшкина, — сказал Пантелей и полез в карман за сигаретами. — В домоуправление устроился. Сантехником работает. По заявкам бегаёт: краны чинит, унитазы чистит, засоры...

— Алешенька уборную чистит? — Лицо старика сморщилось в страшной улыбке, если так можно назвать гримасу на

обезображенном лице. — А ну да, всё правильно, за чужими дерьмо убирать — это лучше, чем свою картоху на огороде выращивать. Мастер по дерьму. О, как звучит! Ради этого стоило в город переезжать, — и тут же повернулся к Пантелею. — Слышь, сынок, правда, кто-то покупает или уже купил его избу. Бабки в деревне болтали. Не слыхал?

— Да нет, — Пантелей пожал плечами. — Это в деревне всё и про всех знают, а в городе такого нет. Там не принято...

— Вот и я говорю, — перебивая, махнул рукой старик, — что в городе каждый для себя живет. Упадешь на улице, через тебя перешагнут и дальше пойдут, а тех, кто остановится, таких можно по пальцам пересчитать. Вот и получается, что человеческая жизнь не ценится. Все живут и грызутся, как собаки, — и вздохнул. — Что людей в города тянет — не понимаю...

Пантелей промолчал, пожимая плечами. И правда, что тянет людей в города? Да, там есть всё или почти всё, живи и радуйся, но получается, что старик-то правильно говорит. Сам же видел, как люди шли, сторонясь лежавшего на земле. Одни смеялись, другие брезгливо отворачивались, а третьи, чуть ли не на него наступали, чтобы перешагнуть и ни один из них не остановился, не спросил, что с человеком. А потом подбежала маленькая девчушка и затормошила его, позвала подружек и оказалось, что у него был приступ. «Скорую помощь» вызвали, в больницу увезли. Вот и получается, чем старше человек становится, тем сильнее душа черствеет, если сравнивать взрослых, кто мимо прошел и девчушку, которая пожалела человека и остановилась. У детей души чистые, а взрослые не хотят помогать или не замечают беды, а может, жизнью затурканы в городах-то, где приходится бежать, мчаться, лететь сломя голову, чтобы чего-нибудь добиться в жизни, и то, ежели успеешь, ежели раньше времени не споткнешься и не вылетишь на обочину этой самой жизни...

Пантелей не винил город и людей, там живущих. Каждый выбирает свою дорогу, свою тропку. Одни руками-ногами отмахиваются, лишь бы в деревне не жить, потому что город для них — это дом родной, где каждый закоулок, каждый камушек знают на дороге. Иные живут, потому что привыкли к этой жизни. Некоторые, как перекасти-поле: когда надоест в одном городе, уматывают в другой. А есть такие, кто не нашел себя в этих каменных джунглях, где всё для них было и осталось чужим. Ну не смогли найти свое место в городе, а вот какая-нибудь избушка в глухомани или шалаш на берегу речки, где бормочут перекасты, — это самое уютное место, где душа отдыхает, куда тянет и тянет каждый раз, едва вы-

падает свободное время. Но таковых единицы. И к таким приписывал себя Пантелей, когда на пути у него встретились старики, к которым прикипел душой и поэтому приезжает в глухую деревню, где душа радуется каждому отведенному дню, каждому увиденному восходу и закату, где проводит стариков, мчится сюда, едва выпадает свободное время. Пантелей восторженно, посмотрел по сторонам, опять закурил и сгорбил, задумавшись...

Старики давно зовут в деревню. Если посмотреть, никто и ничто не держит его в городе. Жизнь как-то не сложилась. Ни семьи, ни родственников. Утром на работу, вечером с работы и так ежедневно, еженедельно, ежемесячно — из года в год... Одна радость в жизни, что встретился со стариками. Сюда приезжал, словно к родителям возвращался. И они по доброму относились к нему, за сына считали и всегда поджидали, когда он придет. Так и получилось, что чужие старики заменили ему родителей, которых не было в его жизни...

— Эх, красотища! — неожиданно вскинулся он и обвел рукой оком, показывая: — Глянь, дядька, какие густые леса вокруг, а горы высоченные, а вон облако, словно за горную вершинку зацепилось и отдыхает, а там видно, как речушка течет-извивается — ее по кустам и по черемухе заметно, что по берегам растут, — и тихо повторил. — Красота какая...

— Красота бывает разной, — захохотавшись, буркнул старик. — Она не только в природе, но и в человеке, в его душе должна быть, а вот у меня была своя красота, — он помолчал, потом сказал: — Когда в госпитале сняли бинт с одного глаза, и я увидел свет, увидел лица раненых, лица медсестер и врачей, вот они показались мне самыми красивыми на белом свете — это была моя красота...

Сказал и умолк, о чем-то задумавшись.

И Пантелей молчал, не перебивая старика.

Долго сидел старик, потом восторженно, привычно прикурил одной рукой, погладил обожженную щеку и в который раз, словно в первый, принялся рассказывать, как познакомился с женой, с Ангелиной.

— Весна была. Фашистов добивали. Наш танк вырвался вперед. А на окраине городка попали в засаду. Первым же выстрелом подожгли нас, а потом принялись садить в нас, как в мишень. Выбрался из танка, сам факелом горю. Так и бежал, пока в какой-то ручей не упал. Там валялся, половина в воде, а вторая половина горит. Наверное, поэтому фашисты не добились. Подумали, что мертвый лежит.

Очнулся, меня тащили. Кто-то надо мной плакал, ругался. Глаза не открываются, слиплись. Шевельнуться-то

больно, а меня по камням волокут, да еще костерят, на чем свет стоит, что такого борова приходится таскать. Почему-то запомнил. Странно даже... И голос запомнил: тоненький, словно ребенок. Не знаю, как дотащили до наших. Я был без сознания. Очнулся на столе, когда с меня одежду сдирали вместе с кожей. Больно... Нет, не больно, даже такого слова не подберешь, чтобы это передать... — Старик задумался, опять закурил и запыхал: быстро, густо и болезненно. — Снова потерял сознание. Говорят, много дней не приходил в себя. Думали, не вытяну, концы отдам. Шансов не было. Никаких! Половина туловища обгорела, а руку собирали по кусочкам. Так и лежал бревном, весь в бинтах.

И почему-то показалось, что опять меня волокут. И снова голос знакомый донесся. Тот, девчоночий. И тормозит меня, и толкает. Хочу матюгнуться, не получается. Глаза не открываются. Думал, что ослеп, выжгло мои глазоньки-то. Ни руками, ни ногами не могу пошевелить. Одним словом — бревно, но пока еще живое. Очнусь, голос знакомый, а чуть погода проваливаюсь в темноту и начинаю воевать, а меня удерживают, не дают подняться. Опять на секундочку приду в себя и снова тьма перед глазами.

Когда уж полностью очнулся, оказалось, что война закончилась. Все празднуют, по домам разъезжаются, а меня из госпиталя в госпиталь переводят. И всегда рядышком слышал тоненький голосочек. Думал, голова повредилась. А потом, когда с одного глаза сняли повязку, смотрю и правда: возле койки медсестричка сидит, больше похожа на девчущку, чем на бабу. И голос услышал. Опять показался знакомым. Она рассказала, как вытаскивала меня из-под огня и тащила на плащ-палатке до санбата. И костерила: громко, сильно, всяко. Раненых стали отправлять в тыл. Я был тяжелым. Она напросилась сопровождать. И так стала кочевать со мной по госпиталям. Сама маленькая, тоненькая, словно тростинка, а духу в ней столько, что на роту хватит. Сколько спасла людей — не счесть, а скольким помогла, когда были готовы в петлю сунуться из-за боли и того, что обрубками не хотели жить, — этого никто не ведает, лишь она знает. И меня вытащила с того света. А потом, когда немного оклемался, увезла в деревню. Так и остались здесь...

И старик опять задумался, изредка дотрагиваясь до высохшей изувеченной руки — плетью свисала.

— Кричу, кричу, а они сидят, не слышат, — на крыльце появилась бабка Геля. — Ишь, разворковались, голубчики, закурились! Айда в избу, чаёк вскипятила...

— Я слушаю, — сказал Пантелей, прислонившись к перилам. — Дядька Вовка рассказывает, как ты от смерти спасала его, как выхаживала...

— Ай, не верь ему, — махнула рукой бабка Ангелина. — Врет старый, врет. Давно было, всё быльем поросло. Хватит рассиживать. Чай простынет. Айда в избу, пошвыркаем. С травками, с мятой заварила. Душистый — страсть! Медок поставила. Сосед угостил. У-у-у, вкусный! — Она причмокнула.

Сказала, а потом присела рядышком и взглянула на Пантелея.

— Знаешь, Пантюша, всякое в жизни бывало, разве всё упомнишь. — Она поправила платок на голове. — Война — это страшно. До сих пор снится, как раненых вытаскиваю, а повсюду кровь, кровь и боль, такая боль, что выть хочется... — И кивнула на мужа. — Вон Вовка, сколько ему пришлось испытать — ужас! Другой бы давно помер, а он с того света вернулся. И не один раз там побывал и вернулся. Да вот, сынок... До сих пор вспоминаю, как его, борова этакого, на плащ-палатке тащила. Откуда только сила взялась — не понимаю. Отовсюду стрельба доносится, не поймешь, откуда стреляют, пули свистят, снаряды взрываются, а я тащу и тащу. Упаду, сама плачу, его ругаю, а он лежит и не шевелится. Глянуть страшно было. Половина тела грязная и мокрая, а вторая половина обгоревшая. Потрогаю пульс, ниточка еле бьется. Опять хватаюсь за край палатки и волоку, а сама слезами заливаюсь. Пока до наших дотащила, у меня не только фуфайка, даже пилотка была прострелена, и на нем живого места не было, но еще дышал. Значит, нас Боженька оберегал, Пантюша. Значит, он решил, что мы нужны в этой жизни. До медсанбата добрались. Там его определили. Дальше опасались увозить. Не выдержит. Там же встретила победу. Потом тяжелых повезли в тыл. И я с ними напросилась. Так и кочевали из одного госпиталя в другой, пока не стал поправляться. А самое страшное было, скажу тебе, сынок, когда Вовка увидел себя в зеркале. Думала, руки на себя наложит. Жить не хотел. Ни на шаг от него не отходила, лишь бы что с собой не натворил. На табуретке спала, не отлучалась, только бы его на ноги поставить. А потом, когда Володьку списали вчистую, уговорила сюда приехать. Старый врач в госпитале сказал, что его нужно в деревню, чтобы к себе привык, к новому обличью, и нужно было силы восстановить. Привезла, а нашу избу отдали беженцам. Поселились на краю деревни в полуразрушенной избе и стали жить... — Она замолчала, лишь изредка покачивала головой, вспоминая прошлое.

И Пантелей молчал, опасаясь нарушить воспоминания стариков. Он многое раньше слышал, а что-то впервые рассказывают. Не любят старики вспоминать войну. Особенно при людях не разговаривали. А вот так, как сейчас, присядут на крыльчке, прислонятся друг к дружке, нахохлятся, словно воробышки, и беседуют, дополняют и всё неторопливо так, над каждым словом задумывались, а Пантелей рядышком пристроится и старался не потревожить стариков ни словом, ни движением. Всё ждал, когда они продолжат или наоборот, прервут воспоминания — и всё на этом. И не допросишься, чтобы рассказали про ту жизнь, которую он знал лишь с чужих слов да со слов стариков.

— Я устроилась дояркой, а потом меня в бригадиры выбрали — бойкая была, — продолжила вспоминать старуха. — Володька сидел дома. Никуда не выходил. Не хотел пугать других своим видом. И так соседи косо посматривали, а ребятня, та стороной обходила нашу избу — бабайку боялись, как Володьку прозвали. Вот ему и приходилось скрываться ото всех. Дома сидел да по хозяйству ковырялся, сколько силы хватало. Да и какой из него помощник — с одной рукой? Вторая-то плетью висела. Весь испсихуется, изматерится, потом побросает инструмент и сидит, курит одну за другой. Злится, что не получается. Вернусь с работы и сама начинаю делать. А его на подхвате держала. Всё приходилось делать: землю копала, отростки сажала, урожай собирала, если было что собрать, избу латала. А куда денешься? Жить-то нужно. И потихонечку Володьку приучала одной рукой управляться, — и неожиданно рассмеялась, взглянув на мужа. — Научила на свою голову..

Старик нахмурился, если можно так назвать гримасу на обожженном лице, хотел было что-то сказать, а потом отвернулся, словно его не касалось.

Посмотрев на него, Пантелей взглянул на старуху.

— Чему научила, Гелюшка? — сказал он. — Что учудил дядька?

— В том-то и дело, что учудил, — опять засмеялась старуха и подтолкнула мужа. — Что отворачиваешься, Вовка? Признайся Пантюше, что натворил.

— Скоро на погост снесут, а до сей поры вспоминаешь, — буркнул он, продолжая смотреть куда-то в сторону и, не удержавшись, съязвил. — Видать, по нраву пришлось, ежли не забываешь...

— Ты знаешь, Пантюша, мы же расписались с ним через год, как сюда приехали, — сказала бабка Ангелина и кивнула, поправляя платок. — И в сельсовет пошли после того, как он...

— Эть, ну бабы! — перебивая, опять забубнил старик. — Не языки, а помело поганое! Ничем не остановишь.

— Жизнь на закате, так чего же скрывать от Пантюшки? — Бабка Геля посмотрела на него. — Пусть знает. Он же свой человек, роднее родного, можно сказать, сынок наш, — и продолжила. — И вот, сынок, видать, я слишком переусердствовала с травками и отварами, когда его ставила на ноги. Всё жалела, всё для него старалась, выхаживала, а он... — она выдержала паузу, глядя, как заелозил на ступеньке муж и опять продолжила. — А он, когда мы почистили погреб и я в старенькой баньке принялась его купать, как обычно — его раздела, сама разнагишалась... Ведь сколько раз до этого мыла и ничего не случилось. А в тот день мой охламон вцепился в меня... Я хотела было вырваться, да куда там! Разве от такого бугая вырвешься? Так ухватил, что не продыхнуть. В баньке тепло, он разогрелся, мужиком пахнуло, да так, что я сомлела. Ну и того... В общем, мой Вовка мужскую силушку в себе почувал. Видать, решил отыграться за молодые годы, да за годы войны и дорвался, пока я ослабела духом и телом. Так измахратил меня, словно упущенное время наверстывал.

— Чего сделал? — сначала с недоумением посмотрел Пантелей на бабушку Гелю, потом на старика, который сидел, отвернувшись, и словно его не касалось, неторопливо покуривал, а потом расхохотался. — Измахра... Получается, что дядька того самого...

— Ага, того и самого, — вслед пыркнула старуха. — Главное, не остановишь его... Навалился боров этакий, я рученьки раскинула — вся сомлела. И он воспользовался ситуацией, до утра показывал, на что способен. И ведь ничего не подделаешь — это жизнь, — она засмеялась, потом бровки сошлились на переносице. — И вот после этого я поняла, что мой Вовка вернулся к жизни. Через день расписались в сельсовете и стали жить. А вот Боженька детишек не дал. Видать, моих ребятишек забрала война, когда я в жару и холод, в дождь и грязь, надрывая живот и жилы, вытаскивала наших мужиков с поля боя, спасала, чтобы они вернулись в жизнь. Вот на этих-то самых полях и остались мои ребятишки...

Она задумалась, поглядывая вдаль. Наверное, опять войну вспоминала и своих нерожденных детишек, а может, думала про раненых, кого выносила с поля боя. И сколько до сей поры вспоминают ее, маленькую девчущуку-санитарку, которая спасала солдатские жизни, — этого никто не знает, даже она сама.

— А самое чудное, что мой Вовка приглянулся нашим бабам, — неожиданно сказала Ангелина и потрепала мужа по

волосам. — Ладно, не отворачивайся. — Она повернулась к Пантелею. — Вовка стал нарасхват, я бы сказала... — И засмеялась: тоненько, заразительно, всплескивая руками.

Пантелей переводил взгляд с одного на другую, не понимая, что так рассмешило старуху, и сам не удержался и, поглядывая на бабку Гелю, мелко затрясся в долгом смехе. Старик зыркал, зыркал, хмурил единственную сохранившуюся бровь, потом пробежала улыбка-grimаса по обожженному лицу, и он засмеялся, захыкал и махнул рукой.

— Ты, Гелька, сорока, — сказал старик. — Лишь бы потрещать...

— Это наша жизнь была, плохая или хорошая — но наша, — вытирая слезы, сказала старая Ангелина, а потом посерьезнела. — Знаешь, сынок, а я не держу обиды на своего Вовку. Хотя... — Она задумалась, прищурившись, посмотрела вдаль, словно в прошлое заглянула и опять сказала: — Хотя, была обида, когда Вовка первый раз от меня к другой бабе завернул. Сразу почуяла. Меня не проведешь. Чужой бабой пахнуло от него. Всё ему выговорила, в глаза вылепила, что ты, кобелина проклятый, когда горел, что же у тебя в штанах-то ярким пламенем не полыхнуло, а потом посмотрела на наших баб. Да они же высохли без любви-то, в тени превратились. Ведь, если подсчитать, всего ничего с войны вернулось мужиков-то, а остальные там остались лежать. А ведь у каждого жёнка была, а некоторые вообще уходили на фронт со своей свадьбы. И остались наши вдовушки недоцелованными, недолюбленными. Вот в чем дело-то, Пантюша! Я ведь понимала наших баб, сама прошла через войну, каждый день видела смерть, и у меня вот здесь всё сжималось, когда смотрела в глаза наших вдовушек, — она кулачком постучала по груди. — И я отпустила Вовку... Отпустила, хотя знала, что никуда от меня не денется. Просто сделала вид, будто ничего не замечаю. И понимаешь, Пантюша, наши бабы стали расцветать. Нет, он не бегал за юбками, не ночевал у других вдовушек, а вот поможет бабам по хозяйству или остановится на улице, скажет одной ласковое слово, другой, третью обнимет, а четвертую просто чмокнет, и они радовались, что рядом с ними настоящий мужик, хоть и войною искалеченный. И ребяёнок есть. Да, так получилось... У Алевтины Глуховцевой родился. Знаешь, она радовалась этому и я с ней, потому что, если мне Боженька не дал детишек, нужно уметь радоваться за других. Алевтина была одна на всем белом свете, хоть в петлю лезь, а родила ребяёнка, и жить захотелось. Она не претендовала на Вовку, нет. И другие бабы не манивали. У каждой своя судьба, своя беда и свои радости в этой

жизни. И если мой Вовка чем-то помог нашим бабам, значит, так тому и быть, значит, так и должно было случиться.

И опять надолго замолчала. Сидела, покачивала седой головой, взглядывала на старика, на Пантелея, едва заметно шевелились губы, видать, что-то шептала, а потом — опять уставится куда-то вверх голов и молчит, о чем-то думает.

Пантелей тоже молчал. Сидел, посматривая в темное небо. Рассыпались мелкие звезды, перекачиваются, перемигиваются друг с дружкой, в хороводы выстраиваются. Набежит ветерок. Набросит покрывальце на небо, звезды побледнеют, а потом снова загорятся, еще пуще перемигиваясь...

— Вот уже и жизнь пролетела, — неожиданно сказала бабка Геля. — Казалось бы, долгая жизнь-то, а оглянись и увидишь, что она всего ничего, не успеешь глазом моргнуть, а жизньюшка промелькнула, и нет её. Вот доскрипим с Володькой, докукуем свой век и всё — отнесут на погост. И радуемся со стариком, хоть на склоне лет у нас появился ты, — старуха погладила по плечу. — Каждый день ждем, что приедешь, навестишь нас. Почаще бывай, Пантюша. Нам ничего не нужно, главное, что приедешь, вот так на крылечке посидишь с нами, как сейчас, поговоришь, и хватит нам, старикам-то. Правда, Володь? — и она обняла мужа за плечи.

Старик привычно растер обожженную щеку, поправил искаленную руку, висевшую плетью, а потом неловко погладил по голове жену.

— Правда, Гелюшка, правда, — засипел он. — Каждый день ждем. Мы не просим многого. Просто приезжай, проведай стариков.

— Приеду, — сказал Пантелей и взглянул в сторону соседнего дома. — Загадывать не стану, но надеюсь, к осени переберусь в деревню. Ищи невесту, мамка, — он впервые так назвал старую Ангелину.

— Неужто Алешенькину избу сторговал? — всплеснула руками баба Геля, перехватив его взгляд. — Вот, оказывается, кто покупает. И до сей поры молчал, сынок. От нас скрывал, от самых близких. Да мы любую невесту для тебя сосватаем, только покажи, какая глянется. Глядишь, ребятишки появятся. Вот радость-то будет для нас, стариков! Правда, Володь? — она погладила мужа по плечу.

— Правда, но обмыть нужно — это факт, — покосился старик.

— Ты же, черт горелый, всё вылакал, что я попрятала, — бабка Геля толкнула мужа.

— А я свой пузырек достану, — поднялся старик.

— Где взял? — подозрительно взглянула бабка Ангелина. — У тебя же денег не было. У меня упёр и перепрятал, да?

— А я после обеда бабу Аглаю ублажал, — не удержался, съехидничал старик. — Говорит, понравилось. Еще зазывала на огонек... — И направился к сараю.

— От, сынок, глянь на него, ну не язва ли? — Опять всплеснула руками бабка Геля. — Ублажал, бабник! — И тут же поднялась. — Ладно, Пантюша, айда в избу. Чаёк пошвыркаем с медком — у-у-у, вкусный, а потом на крылечке посидим. Нам есть, о чем поговорить...

И бабка Ангелина скрылась в избе.

Пантелей поднялся. Из-под ладони взглянул на соседскую заколоченную избу, о чем-то задумался и стал неторопливо подниматься по ступенькам.

Он приобрел... Нет, наконец-то, он возвратился в дом, где его давно ждут.

Это была долгая дорога.

ЗЕМНЫЕ РАДОСТИ

Днём всюду пригревало, но вечерами, в призрачных сумерках ещё тянуло морозцем. Апрель, верхушка весны, а погода обманчива, но всё равно так желанна и долгожданна, что места не можешь найти. Радует природа, а с ней и душа. Умытое солнце, а небо не голубое, как летом бывает, а какое-то ярко-высиненное и глубокое, словно небесные ворота распахнулись, а по нему облака — белые перья-пушинки: чистые, быстрые и лёгкие. В затишке стоишь, и жарко становится — солнце пригревает, а от земли холодком потягивает, снег, казалось, почти везде сошёл, так, кое-где в зарослях кустов виднеется, да в тени домов, куда солнце редкий раз заглядывает, там ещё тёмные сугробы лежат. И если взять снег, раскрошить на ладони и тогда можно увидеть, как засверкают гранями маленькие льдинки. Пройдёт несколько секунд и на ладони останется вода, пахнущая свежестью да талым снегом. Но вскоре сугробы возле домов исчезнут. Днём прогревается воздух, и остатки сугробов плачут ручейками, а возле них уже бледные ростки проклюнулись. Весна пришла, новая жизнь зарождается...

Душа радуется весне, но томится в городе. Николай Иванович стоял на балконе, поглядывал на чистое небо и жмурился. Хорошо-то как! Солнце играет. Деревья к солнцу тянутся. Вдруг ветерок заиграл, промчался, и теплом пахнуло, но тут же прохладой потянуло, воробьи на кустах разговорились, перебивают друг друга, торопятся: «жив-жив, жив-жив», а белоносые грачи важно вышагивают по дорожкам

парка, по голой земле, крыльями взмахивают и словно подгоняют: пора в путь, пора в деревню...

Николай Иваныч завздыхал, ещё раз взглянул на парк, что был под окнами, и зашёл домой. И правда, пора в деревню собираться. Казалось, почти всю жизнь прожил в городе, сюда перебрался ещё молодым, учиться поехал и на долгие годы остался. Пора бы привыкнуть, ан нет, всё равно тянет в деревню и, чем старше становишься, тем сильнее она манит. Зовёт родной дом, покоя ночами не даёт. Снится. Утром поднимешься, а мыслями там, в деревне, где каждый уголок знаком, где ты знаешь всех, и все знают тебя. Пора туда, где тебя ждут...

Долгими зимними вечерами, когда за окнами лютовал мороз или куролесила метель, Иваныч частенько сидел с женой и вспоминал молодость и деревню. Всё посмеивался, говорил, что вокруг много было красивых девчонок, а женился на своей, на деревенской — она милее сердцу, чем городские. Они сидели с женой, прислушивались к непогоде за окном, а у самих только и разговоры, что про деревню. Казалось, всё уж давно обговорено-переговорено, но всякий раз разговоры возвращались к деревне, и было видно, что она для них дороже и ближе, чем город, в котором прожили почти всю жизнь. Прожили, но так и не привыкли...

Два-три дня прошло, и они не выдержали, стали в деревню собираться. Хотя, что собираться, если жена заранее всё приготовила. Привыкла за долгие годы, знала, что Николай, едва наступит весна, весь изведётся, в деревню начнёт рваться, поближе к земле — подальше от города. Валентина приготовила сумки. Соседям оставили ключи, как обычно, чтобы за цветами присмотрели, ну и так, на всякий случай. Мало ли... И утром, они поспешили на вокзал. Подъехал автобус, все заняли места и чуть погода отправились в дорогу.

Иваныч сидел, в окно поглядывал и локтем весь бок жене изширял, показывая на проплывающие мимо чёрные поля. А вон кое-где на взгорках проклюнулась первая зелень, как показалось, а там, в глубоких ложбинах, местами искрится рыхлый снег. Деревья в лесу потемнели, а ольховые заросли закраснелись серёжками, в воздухе плывёт запах лежалых листьев и сырости, и ещё свежестью пахнет. Автобус старенький. Сколько же он, бедняга, исколесил километров по здешним дорогам! Тысячи и тысячи... И сейчас отправился в путь, а в автобусе несколько пассажиров сидят, и видно по ним, слышно по разговорам, что они радуются весне, радуются тёплому солнцу и едут в свои деревни, коих много разбросано повсюду. Вон, у каждого несколько сумок. Дождались весну, и всех по-

тянуло туда, где сердце радуется каждый пустячок, всякая мелочь, туда, где милее всего — на родину, в родные деревни и посёлки, где всегда ждут, где душа отдыхает...

Ближе к полудню автобус медленно спустился по дороге, что вилась среди леса, а с левой стороны мелькнул тёмный ельник. Громыхнул по узкому мосту, и заскрипели рессоры, лязгнули расхлябанные дверки. Всё, добрались...

— Хорошо-то как! — Высокий, сухой Николай Иванович выбрался из автобуса, задержался на последней ступеньке и оглянулся по сторонам. — Эх, Валентина, глянь, красота-то какая!

И прыгнул на землю. Вытащил из автобуса две тяжёлые сумки, помог жене спуститься и помахал вслед автобусу, который, просигналив, медленно задрезжал по разбитой дороге. Потом подошёл к молоденькому топольку возле остановки. Взялся за ветку, а почки набухшие. И не удержался, сжал пальцами небольшую почку, она клейкая, сама зелёная отдаёт, и запах острый и резкий, сразу смолкой пахнуло, а ещё, как ни странно, — весной.

— Чуешь, как пахнет? — Иванович шумно вдохнул в себя прохладный воздух и ткнул пальцем. — Вот... Вот чего нам в городе не хватает — этого запаха и простора!

И обвёл рукой окоём.

— Навозом тянет, Коленька, навозом. Глянь, сколько за зиму скопилось, — не удержалась, прыснула невысокая, худенькая Валентина, поправляя косынку, и запахла тёплую куртку. — Свежо-то как, хоть и весна на дворе!

— Ну, каким навозом? — засмеялся Николай Иванович и подхватил сумки. — Весна же пришла! Землёю пахнет, дымком и берёзовыми вениками, как ни странно, а главное — новой жизнью пахнет. Глянь в поля, видишь сиреневая дымка? Это земля дышит, отогревается после долгой зимы, а на взгорках уже первая зелень проклёвывается. Заметил, когда на автобусе ехали, — и не удержался, опять повторил: — Эх, Валюха, красота-то, какая! Да уж, это не городская жизнь, где сплошные пробки, кирпичные коробки, люди живут, словно в муравейнике и бесконечный шум и суета. — И ткнул пальцем. — Прислушайся к тишине — звенит, аж душа радуется.

И неторопливо пошёл по обочине, оглядываясь по сторонам. С прошлого года не были в деревне, а кажется — вечность прошла. А может, и правда, что вечность? Каждый день и час, каждая минута и секунда — это вечность. Время уходит, но не возвращается. Время уходит безвозвратно, и люди уйдут, когда наступит их время. А пока нужно...

— Коля, глянь, — жена махнула на далёкий лес, что стеной стоял за рекой. — Вроде тепла-то ещё не было, а всмотришься и словно зелёный лес, какой-то светлый и праздничный, не то что летом в нём: темно, сумрачно и страшно.

— Пора зазеленеть, — сказал Николай, взглянув на лес. — Неделя-другая пройдёт, и совсем не узнаешь его. Весна, всё как на дрожжах растёт. Всё просыпается и лес оживёт...

По обочинам тропинок и вдоль дороги, кое-где проклюнулись первые желтовато-золотистые венчики одуванчиков. Пока их немного, там и сям разбросаны, но вскоре потеплеет, и непритязательные цветы заполонят округу, и начнут кланяться под порывами ветерка, словно с прохожими здороваясь.

— О, Иваныч, — заскрипела калитка, и на улице появился сутулый мужик в телогрейке и в шапке. — Здоров был! Что-то с приездом задержались, а раньше бывало, едва снег сходил и вы приезжали, а сейчас... Видать, дела были. Валька, здорово! — он кивнул Валентине. — Ты зайди к нам. Моя Татьяна про тебя спрашивала. Зачем-то понадобилась...

И так сказал, будто вчера виделись.

— Здоров, Егор, — закивал Николай Иваныч и приостановился. — Да, немного закрутились, и погода не позволяла, то снег сыпанёт, то жаром полыхнёт. Утром поднимешься и не знаешь, что надеть: рубашку или куртку. Так и ходишь, сам в рубахе, а куртка под мышкой. Я батарейки привёз для тебя. Вечерком зайди, забери.

— О, молодец, не забыл, — потёр руки Егор и, прищурившись, взглянул на яркое солнце. — Сегодня жарит, спасу нет. Посижу на лавке, покурю. Ох, лютая зима была, холодная. Без дров остались. А к весне кости заломило — терпения не хватало. Погреюсь, авось отпустит...

Егор достал мятую пачку сигарет, уселся на лавочку возле двора, сбил потёртую шапку на затылок и задымил.

Они неторопливо шли по дороге. Наконец-то, добрались до деревни. Теперь некуда спешить. Они дома — это главное. А дом — это всё, что есть в округе. Иваныч шагал, изредка останавливался. Ставил сумки на землю. Отдыхал, растирая уставшие руки. Вроде ничего лишнего не брали, а только всякую мелочёвку собрали, которая необходима в деревне, а гляди ж ты, сумки-то неподъёмные. Он стоял и осматривался. Казалось, всего зиму-то не были, а соскучились. И округа стала какая-то другая. Изменилась. Чего-то не хватает, а может, прибавилось. Он закрутил головой. Всмотрелся в даль, воздух колышется — это земля дышит, а склон горы, что был за рекой, едва заметно зазеленел. А пройдёт всего неделя-другая, и покроются молодой порослью склоны холмов, скры-

вая пожухлую прошлогоднюю траву и принося покой душе и радость. На огородах, что протянулись позади дворов, неторопливо вышагивают грачи. То один взлетит, то другой и опять на землю и снова копошатся. Тут и там видны дымки — это хозяева взялись за огороды. Сжигают прошлогоднюю траву, что не успели по осени убрать. Плывёт дымок над землёй, прижимается... И воздух, казалось бы, звенит — это жаворонки в высиненное небо поднимаются и распевают свои бесконечные песни. Весна пришла...

Что ни говори, а деревня большая. Вытянулась, разлеглась вдоль реки на холмистых берегах, разделённая улочками и переулками, а на другой стороне речки между деревьями укрылись два-три дома, лишь крыши виднеются, а там, на высоком холме, школа и больница. Издалека видны. Правда, больница давно не работает, а медпункт остался и девчонка-фельдшер есть. Старая-то, Ангелина Петровна, на пенсию вышла, и на её место прислали молоденькую. Пигалица, чуть выше пояса, вся такая серьёзная, всё знает и умеет, а строгая — страсть! И магазин, слава Богу, ещё работает. Выбор небольшой, но самое необходимое есть, а нет, так продавщица, Анька Сазонова, не отказывает, всегда привезёт, когда в райцентр за товаром ездит.

— Здоров, Колька, — протянул руку сгорбленный старичок, опираясь на отполированную клюку, и кивнул головой. — Здравствуй, Валька! Что вы мучаетесь, каждый год мотаетесь туда-сюда? Давно бы перебрались и жили, как люди живут, а то бултыхаетесь, словно навоз в проруби. Хе-х!

И тоненько засмеялся.

— Здорово, дедка Гришка, — пожал руку Иваныч. — Ну, сказанул — навоз! Придумал же! Вернёмся в деревню, обязательно вернёмся. Младший сынок определится в жизни, квартиру оставим на него, а сами в деревню переждем. Самим уж невтерпёж. Ночами снится. А ты куда пошёл, а?

— Пензию дали, — старик ткнул пальцем вверх и похлопал по карману. — Богатым стал. В магазин пошёл. Бабка за солью отправила, а я не стал противиться, для себя ещё шкалик прихвачу. Сегодня наш праздник — пенсия. О как! Бабка бы сама пошла, да ноги не слушаются. Ты бы, Валька, привезла какую-никакую мазь, а то совсем расхворалась моя старуха.

И нахмурился, и закачал головой.

— Здравьте, тёть Валь, здасьте, дядь Коль! — Мимо промчались мальчишки. — Эй, разойдись, дай дорогу!

Заквохтали куры, бросившись врассыпную. Гавкнула невысокая чёрно-белая собачонка и кинулась вслед за ребята-

ми, стараясь вцепиться в штаны. А потом отстала. Устала, а может, решила, что напугала пацанов. И, опустив голову к земле, собака неторопливо потрусилась вдоль улицы.

А мальчишки кричали, толкали друг друга и торопились на футбольное поле. Ещё не просохла земля, вон лужи виднеются, но уже несколько ребят с криками гоняют мяч. Теперь домой не загонишь, пока не наиграются. И вечером, едва выйдут из школы, учебники в сторону или вместо штанги положат, а сами опять за мяч схватятся. Соскучились за зиму-то...

Иваныч поставил сумки на землю. Заскрипел ворот, загремела цепь, наматываясь на барабан, звякнуло ведро в глубине колодца, и плеснула вода. Николай подхватил ведро и поставил на край. Наклонился, глотнул — холодная вода, аж зубы заломило. Жена наклонилась. Тоже глотнула и закачала головой — у, какая вкусная! А потом достала бидончик, высыпала из него конфеты в сумку, и налила воды — пригодится. Иваныч стоял и размахивал руками. Устал, пока тащил тяжёлые сумки. Немного отдохнул и снова подхватил тяжёлую поклажу, и неспешно зашагали по деревне, а быстро не получалось идти, потому что часто останавливались со знакомыми разговаривали, а потом опять шли по разбитой дороге. Обходили большие лужи, выбирались на грунтовку, но снова натыкались на ямины с водой и опять обходили, а потом махнули рукой, свернули на тропинку и по ней направились к дому..

— Ну, здравствуй, родненький, — сказала Валентина, когда они подошли к дому, что виднелся за высоким забором и, раскинув руки, прижалась к воротам. — Вот мы и добрались. Вот и вернулись домой. Жаждался нас...

Иваныч завздыхал, оглядывая дом, голубенький забор — весь в проплешинах и калитка просела — нужно подправить, а там забор покосился, тоже надо бы заняться, пока не свалился. Посмотрел по сторонам. Поднял голову и зажмурился, взглянув на синее небо, вот уж точно — бездонное, где всюду звенели жаворонки, а потом уселся на лавку, спиной прижался к забору и опять вздохнул: легко и свободно — всё, наконец-то, добрались...

Жена присела рядышком с ним. Так было заведено, когда они приезжали в деревню. Здоровались с домом, а потом ненадолго присаживались на скамейку. И когда уезжали, тоже присаживались, чтобы дорога лёгкой была, но всегда оборачивались, не хотели расставаться с родным домом. Уезжали в город, а душа оставалась тут, в деревне...

— Гляньте, соседи, неужто наши Петрухины приехали? — донёсся протяжный, чуть с картавинкой, женский голос. —

Значит, правда, весна приспела. Всё, пришла пора огородами заниматься, — хохотнула и тут же следом. — Валентина, здравствуй! Иваныч, здоров будь! Валентина, слышь, я вечером загляну. Весёленький ситчик купила, в райцентре брала. Посоветуй, что из него сшить.

— Заходи, Тоня, — помахала рукой Валентина. — Посидим, чаёк попьём да поговорим...

— Тётъ Валь, моя Танька собирается в город учиться, — долетел голос. — Подскажи, на кого пойти, ну, чтобы хорошо устроиться...

— Пусть в деревне остаётся, — засмеялась Валентина. — Где родился, там и пригодился...

— Ага, а сами-то в городе живёте, — раздался обиженный девчоночий голос. — А меня в деревню...

— Поэтому ездим в деревню, что до сей поры не привыкли к городской жизни, — уже более строго сказала Валентина. — Поймёшь, когда вырастешь. Возле родителей живи, пока живётся, а отдельно успеешь намучиться.

— Твоя правда, твоя... А я уж весь язык обколотила, дочке говорю, а она упёрлась — в город засобиралась и не сдвинешь. Молодая ещё, не понимает. Ну, ничего, жизнь научит... Спасибо, тётъ Валь!

— О, Колька приехал! Знаешь, что хотел спросить-то...

Так было всегда. Едва они приезжали и сразу же к ним тянулись гости. Да какие гости — все свои, все деревенские. И у каждого были какие-нибудь дела и просьбы или в совете нуждались, а спросить не у кого. Подходили, усаживались на скамейку и вели долгие вечерние разговоры...

— Ну что, мать, домик заждался, — сказал Иваныч и поднялся. — Хватит сидеть. Пошли...

Иваныч поднялся по скрипучим ступеням. Громыкнул ржавым навесным замком. Открыл. Зашёл на веранду. Сыростью запахло, мышами. Повсюду тенёта висят. Удивительно, всего несколько месяцев не были в деревне, а уже паутина заполонила все углы и опять-таки мусор повсюду. Иваныч пожал плечами и оглянулся на жену. Валентина распахнула дверь, обитую чёрным дерматином.

— Давай проходи, — сказала она. — Сумки поставь возле стола. Я потом разберу...

Николай покосился на облезлую печь, подошёл к столу, что стоял возле окна на кухоньке и опустил сумки на грязный пол. И снова закрутил головой. Казалось бы, что тут скучать, а вся душа изболелась, свой же дом — родной. Сколько лет прошло, когда с отцом печь сложили, его уж дав-

но снесли на мазарки, а печь исправно служит. Приезжают в деревню, подмажут, подбелят, и как новенькая становится. И ухваты с кочерёжками — это батя в кузницу ездил, там ковали. Крепкие да удобные — страсть! В углу чугулки и кастрюли, несколько вёдер, ещё какая-то мелочёвка — это уже бабье царство. Пусть Валентина тут командует. Он толкнул двери в горницу. Зашёл. Ну, здравствуй, дом! Яркие солнечные блики мелькнули на стене и исчезли, а потом опять блеснули, как будто тоже дом поздоровался. Иваныч провёл ладонью по шершавой стене. Кое-где осыпалась штукатурка, местами известка вздулась пузырями — колупни и отлетит. Вся мебель в паутине и пыли. Да какая мебель: большой стол, ещё из прошлого, из далёкого детства, два венских стула — это отец давным-давно откуда-то привёз. Было четыре стула, но два сломались за долгие годы, где-то в сарайке валяются. Под стол задвинуты табуретки. Большие узлы на шифоньере, что в углу стоит. Рядом печь-голландка. В другом углу запылённое трюмо и небольшой телевизор, тряпкой прикрытый. На стенах фотографии в рамках. Так было при родителях, так и останется после них... За голландкой старая кровать: спинки высокие, ажурные, тоже отец привёз. Ему нравилось удивлять не только семью, но и соседей. Вот отовсюду привозил всякие необычные вещи и посмеивался, радуясь, что всем понравилось. Значит, угодил...

Николай стоял, и казалось, в горнице светлее становилось. Солнце всё ярче вспыхивало. Пыль потревожили и тут же пробежали дорожки в солнечных лучах. Даже показалось, в доме теплее стало. И сырость не так ощущается, и затхлый воздух исчез. Да и вообще, если сейчас взглянуть на ободранные стены, побелку да покраску, здесь и делов-то всего ничего — начать да кончить...

— Отец, что стоишь, как памятник на площади? — В горницу заглянула жена, Валентина. — Я уж чай успела заварить. Ладно, догадались воду в бидончик налить. Пригодилась. Давай, чай попьём с дороги. Проголодался, пока добрались. А потом делами займёмся.

Иваныч сбросил куртку. Повесил на вешалку, что была возле входной двери. Заглянул в пустой рукомойник, громыхнул крышкой, и тут же Валентина из бидончика слила ему на руки и подала вафельное полотенце. Он вытер руки и присел на краешек табуретки. На столе нарезанный хлеб, что из города прихватили, пяток яиц и дешёвая колбаса в тарелочке, рядом плавленый сыр лежит. Печеньки и конфеты на блюде. Он подо двинул кружку, а другую посуду для чая не признавал, обжигаясь, отхлебнул небольшой глоточек и закачал головой.

— Ух, вкуснотища! Как ни заваривай, а в деревне чай вкуснее, — сказал Иваныч, схватил кусочек хлеба, колбасу и принялся жевать. — Ох, хорошо-то как! Здесь быстрее картоха в мундирах на «ура» пойдёт, чем пельмени в городе.

И опять потянулся за хлебом.

— Так и быть, на ужин сварим картошку, — сказала жена и захрумкала печенькой. — В погребе картошка лежит, там ещё огурцы сохранились и помидорки. Кажется, капуста есть. Я с осени две банки оставляла. Так, на всякий случай... Маслице у соседей возьмём. Хватит поужинать, а завтра в магазин схожу, что-нибудь куплю...

В дверь коротко стукнули.

— О, Валентина, принимай гостей, — Иваныч покосился и ткнул пальцем в сторону двери. — Это к тебе пришли. Ты же главная советчица.

— А может, к тебе, — сказала Валентина и засмеялась. — Заходите, кто там такой нерешительный?

Дверь заскрипела, и на пороге появилась маленькая, словно подросток, старушка в тёмных одеждах, тёплый коричневый платок на голове, клюка в руках и глаза почти в пол.

— Ну, наконец-то, приехали, — сказала старушка, вроде неторопливо говорила, но словно вязала, петелька за петелькой, слово за словом и всё с улыбкой, всё тихо, почти шёпотом, словно шелестела. — Здравствовать вам, милые мои! А я уж все глазоньки проглядела. Всё на улицу ходила, на лавке сидела да каждый автобус встречала. Нет и нет вас, милых моих. А сегодня прозевала. Свою козочку поила, закрутилась по хозяйству, а Верочка Аганюшкина мимо двора проходила, стукнула в калитку и сказала, что вы приехали, милые мои. Я подхватила и сюда подалась. Молочка принесла. Моя козочка постаралась. Кормилица. А куда мне одной столько-то? Вот и делюсь со всеми. А сейчас вам принесла. Подошла и вижу, калитка открыта, к дому подступила и сразу почуяла, хозяева вернулись. Вон, гляньте, как домик-то радуется и я вместе с ним...

И вздохнула. Перевела дух. Долго говорила. Устала.

— Здравствуй, бабушка Арина, — поднялась Валентина, подошла и приобняла старушку. — Соскучились. Проходи, почаёвничаем. А я гостинчик привезла. Новый платок купила. Красивый! Летом будешь в нём форсить, женихам глазки строить.

И засмеялась.

— Скажешь тоже — глазки, — захыкала баба Арина, но видно было, что обрадовалась подарку. — Здесь бы вас, милых моих, увидеть, а уж про женихов и говорить нечего.

И махнула рукой.

— Здорово была, баба Арина, — проглатывая буквы, так назвал её Иваныч, отпил из банки и закачал головой. — Ух, молоко вкусное, прям сладкое! — А потом похлопал по табуретке. — Присаживайся, баб. Как твои дела, как жизнь молодая?

И хохотнул, а потом поперхнулся и закашлялся, подавившись кусочком хлеба.

— Это Боженька наказывает, что над старушкой изгаляешься, — улыбаясь, тихо зашелестела баба Арина, присаживаясь на краешек табуретки, и закачала головой, когда Валентина поставила перед ней чайную чашку и блюдце. — Ох, чай, какой духмяный! Чать с травками заваривала, Валюшка? — и сама же ответила на свой вопрос и опять зашелестела: — Вижу, с травками: и богородка, и чабрец, и вишенка — много всего. Полезный чай, а вкусный — страсть! Вот и дождались весну, милые мои. Долгонько не хотела приходить. Зимушка не пропускала. Ан всё же сдалась, уступила место весне. Ледоход был, как из пушек палили, аж не уснуть было. А потом ручейки побежали, колокольцами зазвенели. И солнышко заиграло — загляденье. А жаворонки зазвенели, и душа вслед за ними запела. Ну, а вы как зимушку провели в своём городе, милые мои? Чать устали от суеты, да? Вижу, что устали, вижу. А сейчас приехали, вон, у Валечки аж глаза заблестели, что в деревню вернулась и весне радуется и ты, Коленька, словно распрямылся, вон какой бравый сидишь. Сразу видно, что в вашей семье тишь да гладь — Божья благодать. Это правильно, милые мои. Так и должны люди жить. Жить и Боженьку почитать...

Баба Арина сидела, изредка отхлёбывала чай, а сама всё говорила и говорила и смотрела на них, тоже радовалась, что они приехали...

Сколько лет бабе Арине, никто не знал, и она не помнила, а годы свои считала по событиям. Иваныч вспоминал, что он был ещё ребенком, а баба Арина уже была такой же, как сейчас: небольшой, сгорбленной и неторопливой, словно время не брало её. Он уж жизнь прожил, а она всё такая же осталась, может, чуточку к земле пригнуло, видать, всё же земля зовёт к себе, тянет. А память у бабы Арины — молодой позабывает. Знала всё и всех. Могла часами говорить про деревню, про людей, кто здесь жил, а кого уж давно на мазарки отвезли. Всех помнила по именам, а если начинала рассказывать про какого-нибудь человека, добиралась почти до седьмого колена, как принято говорить. Кто умер, кто женился, а тот в город перебрался, а у этих мальчишка родился,

а у тех трое бегают, но девка ещё четвертым ходит. Знала всех, и её знали и всегда приглашали в гости — чаёк попить да про жизнь поговорить, а она не отказывалась, ко всем заходила и ей были рады, и она радовалась, что не забывают старушку. Баба Арина жила одна. Мужа схоронила, и детей в последний путь проводила, уже внуки взрослые и правнуки бегают, а некоторые уже отучились, а другие женились или женихаются, а она всё живёт, всё небо коптит. Пусть живёт, Боженька знает, кого и когда забирать...

— Внуки-то приезжают, бабАрина? — так, привычно, сказал Иваныч. — Помню, в прошлом году частенько навещали. Помогали тебе — это радует. Молодцы!

— А куда же они денутся-то? — тихо засмеялась баба Арина, и морщины лучиками разбежались по лицу, и принялась шелестеть, словечко за словечко цеплять. — Алёшенька приезжал — это правнучек, кажись, а может младшенький внучок — уж запуталась... Много ребяток у меня. Учудил Алёшка. Решил за нашей фельшерией приударить. Он здоровый, высокий, а красивый — страсть, хоть икону пиши, а она чуть выше пояса, но серьёзная — не подступись! Целую неделю ходил к ней, жаловался, что тут болит, и там свербит. Вернётся, бросит на стол бумажки, что она написала, у самого глаза блестят. Радуетя, что её видел, что с ней поговорил. Всё не мог решиться погулять позвать. А когда заикнулся, она в кошки-дыбошки поднялась, да раскричалась, что он никакой не больной, а самый, что ни на есть, обманщик. Выгнала Алёшеньку. Он до самого отъезда к ней ходил, целыми днями возле кабинета сидел, но так ничего не высидел. Уезжал и говорит, что всё равно женится на ней. Видать, сильно в душу запала. И Танька, наша почтальонша, сказала, что почти каждый день письма пишет. Лекарка выбрасывала попервоначалу, а в последнее время стала забирать. Видать, лёд тронулся. Значит, растаивает её сердечко-то. Алёшенька-то настырный — страсть! Всё равно своего добьётся. Видать, пора наряды доставать, да к свадьбе готовиться...

И опять засмеялась. А потом принялась рассказывать про своих внуков, а их было очень много. Иваныч слушал, некоторых внуков видел, а других не знал, а может, сталкивались да не запомнил. Это ж, какая у бабАрины семья, если она говорила, что своих детей было девять или десять, да ещё двух от сестры забрала, когда она померла, а у каждого семья и детишки, уж внуки переженились и тоже родились ребятки. Да разве упомнишь всех-то? А вот бабАрина помнит и про каждого рассказывает. Всех к себе зовёт, а сама ни шагу

из деревни не делает. Говорит, что дня не выдержит в этом городе, потому что суета и дышать нечем. А может, она и права...

— Ладно, вы чай гоняйте, а я выйду, осмотрюсь, — сказал Иваныч, набросил куртку — всё же прохладно, и вышел на улицу.

Иваныч стоял посреди двора, осматриваясь. Да уж, двор нужно убирать, вон сколько мусора нанесло. И откуда взялся — непонятно. Он заглянул в сарай. В углу чилиговые веники — в прошлом году заготовил. Как раз двор подметать. В садик зашёл, огляделся. Пусть небольшой, всего три яблоньки, вот слива растёт, а там две вишенки, а больше её не нужно, а то побегамися весь садик заполонит, вдоль забора по солнечной стороне малина стоит. Ага, надо подрезать. Смородина разлеглась на земле. Подпорки нужно поставить да тоже подрезать, вон сухие ветки виднеются. Он осторожно отколупнул набухшую почку, размял в руках, понюхал — у, какая запашистая и положил в рот — вкусно-то как! И закачал головой.

А потом стал спускаться по заросшей тропке к речке, что протекала позади деревни. Вдоль воды верба разрослась. Серебряной опушкой укрылась, нарядная стоит, словно невестушка. В конце огорода частая крепкая загородь из осиновых жердей, чтобы скотина не забрела, а то всё потопчет. Всегда за загородкой капусту сажали. Главное — вода рядышком. Хоть с обрыва черпай. А капуста любит водичку. Поэтому здесь высаживают. Так было всегда, при родителях, сами сажают, а потом дети станут приезжать и тоже займутся огородом. В городе почти всё есть, да не накупишься. А чуть сбоку, возле кустов, банька стоит. Небольшая, низенькая, но тёплая — страсть! Немного подкинешь дровишек, и вода уже горячая, а если хорошо протопить — ух, аж уши заворачиваются! Батя любил париться и его приучил. А вот ребята, когда приезжают, — они не парятся. Так, ополоснутся, и всё на этом. Он открыл тугую дверь, и сразу пахнуло вениками и сыростью. Пригнулся, зашёл в предбанник. На гвозде какая-то тряпка. Наверное, с прошлого года забыли. В углу дрова сложены. У, хорошо-то как! Нужно бы протопить. Открыл вторую дверь. Зашёл. Темно. Единственное маленькое окошечко едва пропускает свет, но и его достаточно, чтобы взглянуть на каменку и полоч, на котором два тазика в уголке, а на скамейке, что вдоль стены, ещё обмылок сохранился и несколько берёзовых листочков прилипло. Иваныч провёл рукой по доскам. Топнул ногой, взглянув на полы. Крепкие! На совесть сделаны. Потрогал холодную каменку. Надо бы

Валентине сказать, чтобы баню вымыла, а после обеда про-топить. Кажется, на чердаке ещё сохранились прошлогодние веники. Попариться бы, соскучился за зиму. А в городскую баню ходить, только время тратить. Не то, далеко не то, что в деревенской париться. Шум, гам, суета. Все торопятся, все кричат. А парилка не любит суеты, потому что в ней тело очищается от всякой грязи и на душе легче становится. Баня лечит человека, от любой хворобы избавит, и выходишь оттуда, словно заново родился. Он вздохнул, вышел из баньки и зажмурился от яркого апрельского солнца. Хорошо-то как!

Поглядывая под ноги, Иваныч стал спускаться к речке, где под деревом давным-давно они с отцом сделали родник и вкопали большую дубовую бочку, чтобы края не осыпались и с той поры он верно служит. Главное — вовремя чистить его. Бывало, заглянешь в родник, а стенки обросли зелёным мхом, дна не видно, где-то в глубине теряется. Зачерпнёшь водички, глотнёшь — аж зубы ломит, а потом присядешь возле него, прислонишься к дереву и слушаешь, как родник бормочет, про жизнь рассказывает...

— Иваныч, здоров был, — донёсся голос со стороны деревни. — Николай, погоди, куда разбежался-то...

Иваныч оглянулся. По меже неторопливо спускался сосед, Борис Давыдов. В ватнике, несмотря, что уже тепло было, в кепке на глаза, один нос и широкие скулы виднеются, в растоптанных кирзовых сапогах и с ведром в руках. Догнал Иваныча, ткнул широкую мозолистую ладонь.

— Здоров будь, говорю, — опять сказал сосед и взглянул из-под фуражки. — Моя Натаха говорит, вы приехали. А я вышел, на крыльчке постоял — тишина. Думал, пошутковала, а сейчас меня отправила на ваш родник — вода-то в нём вкуснее будет, чем в любом колодце. Выхожу, на тебе, ты внизу стоишь. Я что хотел-то... Скоро свой огород буду пахать. По твоему пройтись, а?

— Конечно, что спрашивать-то, — сказал Иваныч и опёрся на перила небольших мостков. — Пройдись и комья разбей, чтобы сажать было полегче. И про бабу Арину не забудь. Вспаши огород. Потом соберёмся, у неё картошку посадим. Поможем старухе. Может, внуки приедут. Быстро управимся.

— Ну, тогда с тебя пузырьёк причитается, — сосед звонко щёлкнул по горлу. — Посидим возле речки, выпьем, по душам поговорим... О, ты слышал, что мой пацан учудил, а? — он встрепенулся и щелчком отправил фуражку на затылок. — Ну, оглоед! Вот вернётся из больницы, получит ремня!

И захохотал.

— Где бы услышать, если час назад приехали, — засмеялся Иваныч, закурил и снова посмотрел на яркое небо. — Эх, хорошо как! Что у вас случилось?

И повернулся к соседу.

— Это... — сосед опять хохотнул. — Мой Петька с друзьями в клуб ходили. Какой-то фильм показывали. Насмотрелись, как там ракушек едят, и мой пацан уговорил друзей, что нужно попробовать. Сам же знаешь, сколько в нашей речке этого добра водится. И на прошлой неделе, из дома прихватили картоху, хлеб и подались к заводине. Насобирали целую кучу ракушек. Решили, что можно в костре испечь вместе с картошкой. Ямку выкопали, туда высыпали, сверху картоху положили и развели костёр. Ну и того... Все наелись. Вдоволь! Мало того, ещё живых наглotalись. Говорят, хотели послушать, как они в животе пищат. Ага, послушают, когда ремнём пройду по задницам. Ох, запишат! Так наелись, что некоторые по кустам домой добирались... Что говоришь? Как по кустам? А, так, что изо всех дырок свистало. Ага... А к утру всех до единого увезли в райцентр. Наша фельдшерка аж расплакалась, не знала, что с ними делать. Отравились, засранцы! — Он нахмурился, а потом снова расхохотался. — Ладно, до лягушек не добрались. Но думаю, попробуют — это точно. У меня пацан настырный! Сам таким же был. Видать, в меня пошёл...

И затрясся, хлопая по коленям.

Следом Иваныч засмеялся. Вспомнил, как в детстве сами эти ракушки пробовали и тоже по кустам неслись домой. Правда, в больницу не попали. Легко отделались...

Сосед набрал воды, немного постоял, покурил, а потом ушёл.

Иваныч остался на берегу речки. Давно не был. Соскучился. Присел на лавку, что стояла на краю обрыва и задумался. Тропка с обрыва. Мостки стоят. Крепкие. Летом ребята купаются, да изредка с мостков бельё полощут, а бывает, в бане напаришься, съедешь голышом на мостки, разбежишься и сиганёшь в воду. Ух, как хорошо! И снова в парилку мчишься. И так несколько раз, если рядом никого нет...

Он сидел и поглядывал вдаль. Что ни говори, а хорошо тут. Вон какие красоты вокруг! Речка глухо шумела, а вдали бормотал длинный перекат. Вроде недавно половодье было, а вода уже сошла. Взглянешь на склон горы, что на другой стороне, трава пожухлая, а всмотришься, кажется, чуточку зеленеет. Солнце пригревает. Два-три дня пройдёт, и склон не узнаешь, покроется зеленью: яркой, свежей, словно умытой. А чуть выше лес начинается. Ветви кустов и деревьев облепле-

ны почками, а кое-где набухли. Лес ещё голый, а в некоторых местах, где солнце дольше задерживается, уже призрачно-зелёный — это начинают первые листочки проклёвываться. И отовсюду пенье птиц доносится. Радуются пичуги, что выжили в тяжёлую зиму, что вот она — весна пришла. Значит, жизнь продолжается...

Иваныч оглянулся, прищурился и посмотрел в сторону дома. На крыльце стояла жена и, заметив, что он повернулся, замахала рукой. Не крикнула, а просто помахала, чтобы возвращался. Он поднялся. Ещё раз взглянул на речку, на лёгкие облака и высиненное небо, жмурясь от яркого солнца, он неторопливо направился по меже, что была между огородами. Приостановился, когда заметил под ногами небольшой лопушок. Достал перочинный нож, не торопясь, выдернул корешок, поскоблил его и захрумкал, словно морковкой. У, как вкусно!

— А почему не крикнула? — Он открыл калитку и увидел, как жена подметала мусор чилиговым веником. — Я сидел, на речку да лес засмотрелся. Хорошо здесь. Душа радуется.

— Тише, тише, — Валентина приложила палец к губам. — Бабушка Арина задремала. Сидела, всё про внуков рассказывала, а потом притихла. Пляжу, в уголочке притулилась и спит. Не шуми. Вон, давай двор убирать.

Валентина сказала и снова взялась за уборку. В кучку соберёт мусор, подхватит лопатой и в старое корыто сваливает. Опять кучка и снова в корыто, пока с верхом не наполнилось. Иваныч ухватился за верёвку и потащил на огород. Выкопал небольшую ямку, свалил туда мусор, поджёт, постоял, наблюдая, как огонь разгорался, а потом поспешил к жене. И снова мусор в корыто и на огород, до тех пор, пока двор в божеский вид не привели.

— А помнишь, Валь, как на корыте с горы катались? — он кивнул на пологий спуск к реке. — Эх, весело было!

— А ты ещё с обрыва улетел, и чуть было в полынью на корыте не заскочил. Сам-то вывалился из корыта, а его утопил, — она засмеялась. — Мать нагоняй устроила. А мы уговаривали отца, брали сани, с девчонками набьёмся в них и летим с горы. Визг, писк! Аж дух захватывало, а потом облепим сани и толкаем наверх. И снова мчимся с горы...

В калитку громыхнули. Раздался громкий бас. Калитка закрипела, и во двор заглянул тощий старик в пиджаке, словно балахон висевший на нём, широкие штаны с мотнёй до колен, клочкастая борода и толстые очки на кривом ястребином носу. Приложив шишкастую ладонь к глазам, он стал всматриваться, а потом зашёл.

— О, и правда, хозяйева прибыли, — опять забасил он, — а я уж думал, что чужие забрались. Хотел выгнать. Валюшка, здравствуй! Колька, паршивец этакий, здоров был!

— Тише говори, тише, — зашикала Валентина, оглянувшись на окна. — Не шуми, дедка Игнат. Здрасьте!

— А кто у вас спит? — Старик дёрнул головой и ткнул пальцем в сползающие очки. — Вроде вдвоём приехали...

— Да бабАрина пришла в гости и уснула, — кивнул Иваныч. — Старенькая... Как твои дела, дедка Игнат? Как баба Маня поживает?

— Мои дела, как сажа бела, — опять забасил старик. — А что бабка Манька? Живёт как у Христа за пазухой. Ага! Живём тихонечко, Колька. Куда нам торопиться. Хотя давно уж в дорогу собрались и вещички приготовили, а Боженька не хочет забирать. Видать, не все дела переделали. Вот и копит небо, вот и колготимся...

— Ты прям как бабАрина говоришь, — захмыкал Иваныч. — Живите, сколько свыше отпущено. Туда всегда успеем попасть, а здесь ещё дел невпроворот осталось.

— У стариков жизнь одинаковая и мысли в одну сторону шевелятся, — сказал дед Игнат и махнул рукой. — Слышь, Колька, я утречком на кладбище заходил. Ага... Скоро родительская. Надо бы порядок навести. Я уж к другим заходил, всем сказал, чтобы собрались. Мусор нужно убрать, да старую траву сгрести и пожечь, а уж перед родителями каждый у своих могилки подправит. Сами не возьмёмся, за нас никто не сделает. Ага... А завтра с десяток яиц занесу. Мы-то с бабкой не едим, вот и раздаём, — и тут же перепрыгнул. — Как жизнь-то молодая? А что ребятишек не взяли? Чать, уже большенькими стали...

Иваныч переглянулся с женой и тихо засмеялся.

— Это... Дед Игнат, наши ребятишки успели жениться и своих детишек нарожать, — хохотнул Иваныч. — А ты говоришь...

— Ох, как же так! И правда, запоматовал. Ничего не поде-лаешь, годы своё берут, — развёл руками дед Игнат, а потом погрозил пальцем-крючком: — И нечего смеяться над стариками! Вот доживёшь до моих лет, попомнишь меня. Ага... Ладно, к Макарычу схожу. Корова приболела. Пусть придёт, посмотрит...

И, бормоча под нос, захлопнул калитку.

А чуть погода опять стукнули в калитку..

Давно ушла баба Арина, а гости тянулись весь день. Так было всегда, когда они приезжали в деревню. Иваныч радовался, когда они приходили. Долгие неторопливые разгово-

ры ни о чём, хотя, если взглянуть, успевали обо всём поговорить. Все новости расскажут и выслушают: кто умер, кто родился, а тот женился, а она замуж вышла, а вон тот в город подался, но недолго был, опять вернулся, не прижился в этой городской жизни, не привык к суете, к людям, что ручейками-реками текут по улицам, к вечным заботам и лицам без улыбок, а там все хмурые, словно радость покинула их, ушла из этого города. И люди возвращались в деревню, где жизнь тяжелее, но люди добрее, где можно к любому зайти и тебе помогут. Так было, так всегда должно быть...

Вечером гости разошлись. Иваныч вышел за калитку, уселся на лавку возле забора и долго смотрел на сиреневую дымку, что расползлась по низинкам. Взглянул на тёмную синеву вечернего неба. Прислушался к птичьему гвалту в кустах — всё не уgomонятся, всё нарадоваться не могут птахи, что весна пришла. Иваныч сидел и старался не думать, что где-то далеко впереди осень, и они уедут в город, где опять будут ждать наступления весны, чтобы снова отправиться в родную деревню, по которой скучают, где все знают их, и они знают всех...

Скрипнула калитка. Вышла жена. Присела рядом на скамейку. Вздогнула — зябко и запахла тёплую кофту. Апрель — верхушка весны, но вечерами прохладно. Они сидели и молчали. Смотрели на неторопливую, но такую милую сердцу деревенскую жизнь. Нравилось, когда к ним приходили гости. Они пили чай с карамельками, с вареньем и печеньками, все припасы выставляли на стол, какие были в доме, а потом вели долгие разговоры. А когда гости расходились, Иваныч с женой выходили на крыльцо или садились на скамейку возле двора. Вот так, как сейчас. Сидели и молчали. Слушали тишину и смотрели на небо. Небо тёмное и глубокое, а по нему звёзды рассыпью. Красота-то какая! И тишина вокруг: вязкая и звенящая. И в этой тишине где-то далеко замычала корова, а там гавкнула собака, следом залилась вторая, но тут же замолчали, а на том конце деревни кто-то едва слышно запел тихим голосом. Песня не современная, а старинная, раньше такую деда пели. И ему завторил тоненький голосок, и они затянули: неторопливо, протяжно, аж сердце в кулак сжимало, и душа радовалась. Господи, славно-то как! Пробежал ветерок, и тут же пахнуло землёй, вечерней сыростью и влажной травой. Трава ещё пробивается, а запах уже есть. И всё, что сейчас окружало Иваныча с женой, — это было и останется для них более дорогим и милым сердцу, чем суетная городская жизнь. Иваныч посмотрел по сторонам. Ночь на дворе. А завтра будет новый день и начнётся

новая жизнь. Но сейчас они сидели на скамейке и молчали, а небо над ними было чистое, словно умытое, и звёзды по нему рассыпались, а ещё песня за душу брала, и отовсюду — запах земли...

Легко было на душе, покойно и радостно.

Тишина...

ОТЕЦ

После уроков Володя, уложив тетрадки и учебники в холщовую сумку, заторопился домой.

Сегодня суббота, и отец, может быть, расскажет продолжение очередной истории о войне, если у него будет настроение.

Выбежав из школы, Володя быстрым шагом направился в конец поселка, где стоял их барак.

Ребята, обгоняя его, закричали:

— Вовка! Пошли с нами в карьер. С гор кататься.

— Не могу я. Домой тороплюсь. Скоро папка придёт. Нужно уроки до него сделать. Я с вами завтра покатаюсь.

И пошёл по узкой тропинке вдоль дороги, на ходу растирая зябнувшие уши.

Отец по любому морозу ходил без рукавиц и шапки. Володя любил подражать отцу. Его неторопливой, тяжёлой походке. То, как он, по любому морозу ходил без рукавиц и шапки. Володя во всём хотел походить на отца, перенимая все его привычки. Ох и попадало ему от матери, если замечала на улице в расстёгнутом пальто и без шапки.

Сегодня он торопился. Суббота — это их с отцом день.

Вечером мать уложит младших братишек и сестрёнку спать, а они вдвоём останутся сидеть на низкой скамеечке у раскалённой печки.

В комнате темновато от сумерек, отблески огня будут освещать лица, играть на стенках небольшой кухоньки. Отец, задумчиво глядя в огонь, начнёт рассказывать окончание истории, как он раненый выходил из окружения. Володя, притулясь к его крепкому надёжному плечу, внимательно станет слушать, ловя каждое слово и представлять себя на месте отца. Это у них было заведено давно. С тех пор, как отец вернулся с войны. Правда, первое время Володя не мог упротить отца что-нибудь рассказать. Отец не любил вспоминать о войне. Хмурил густые брови, отмахивался и отправлял Володюку учить уроки, а Володя не понимал, почему отец молчит. У других как выпьют, так начинают сразу хвалиться, стучать кулаком в грудь, рассказывать о разных своих геро-

ических подвигах. Отец же молча уйдёт в комнату, присядет у открытой печки и курит одну за другой свои самокрутки да папиросы. Или ляжет на кровать, отвернётся к стене и тоже молчит, вздыхает... Мать в такие минуты никого из ребят к нему не подпускала, говоря, что отцу сейчас трудно.

Задумавшись, Володя не заметил, как дошёл до барака. С трудом распахнув промёрзшую дверь, он оказался в длинном коридоре. Редкие тусклые лампочки освещали с обеих сторон висящие на вбитых гвоздях корыта, детские ванночки и старые вещи, закрытые двери. За одними тишина. Из другой комнаты доносилась музыка патефона. Из третьей слышалась брань подвыпившего соседа. Володя шагал в конец барака, где была их квартира. Повсюду были запахи. Кто-то варил щи из квашеной капусты. Кто-то готовил пирожки с калиной. Её запах забивал все остальные. А у кого-то пахло жареной картошкой на настоящем сале. У него заручало в животе. Хотелось есть. Распахнув дверь, Володя почувствовал едва уловимый запах чего-то вкусного, так может пахнуть только копчёная селёдка, которую отец очень любил.

У порога Володя сбросил с ног старенькие подшитые отцом валенки. Забросил шапчонку на полку. Мать качала на руках маленького пищащего Славика. Приложив палец к губам, она, кивая, показала на стол у окна. На нём под холстинкой дожидался обед. Володя, растирая красные от мороза руки, поспешил к столу. Откинув полотенце, он увидел чёрный хлеб, картошку в мундире, несколько луковиц и блюдечко с янтарным подсолнечным маслом.

— Мам, а куда же ты селёдку-то положила?

— Тише, Володенька, тише. Славик приболел. Пока картошечку так поешь, помакай в маслеце. А отец придёт, достанем и селёдочку. Вот уж он обрадуется! Нам сегодня из города гостинец, селёдку копчёную привезли. Ты поешь и садись за уроки. Батя с работы придёт, устроим маленький праздник. Ладно, сынок?

— Ладно. Чего уж там. Конечно, папку подождём. Как без него ужинать-то? Нельзя.

Он почистил пару картошек, отхватил ножом краюху хлеба. Круто её посолил и начал есть, стараясь жевать долго, чтобы было вкуснее. Закончив, ладошкой сгрёб со стола крошки и кинул в рот. Отец всегда делал так. И обратно накрыл холстиной кастрюлю и хлеб. Всё, обед закончен.

На край стола он выложил книги и тетрадки. Достал ручку, чернильницу-непроливайку. Пора приниматься за уроки. Несколько раз прочитал про себя басню.

Повторил тихо, шёпотом, рассказал матери с выражением. Мама кивала, улыбаясь. Старательно выводил буквы, выполнял упражнения по письму и взялся за примеры. Пришлось труднее. Над задачками Володька сидел долго. По несколько раз пересчитывая каждый пример, пытаясь сообразить.... Но всё-таки и с ними справился. Не зря отец научил, как нужно пользоваться таблицей умножения на пальцах. Этот способ его не раз выручал. Выучив уроки, Володя сложил книжки и тетрадки в сумку, повесил на вешалку, чтобы сумку не достала малышня.

На улице похолодало.

Стёкла внизу покрылись морозными узорами. Словно вырос еловый сказочный лес с белыми, узорчатыми, кружевными ёлочными ветвями, нарисованными на стекле. Он дотронулся до них губами. Ух, как холодом обожгло! Он подышал на стекло, образовалось круглое окошко наружу. Через него было видно, как по протоптанной в снегу дорожке торопятся редкие прохожие, закрывая варежками нос и щёки. Ветви деревьев и кустов, растущих рядом с бараком, покрылись пушистым инеем. Летняя печка, стоящая в палисаднике, обзавелась толстым снежным одеялом. Везде снег.

В сараюшку нужно сбежать. Угля на вечер принести. Отец любит, если в комнате тепло, печка раскалена. Ему нравилось, когда все улягутся спать, присесть у растопленной печки и глядеть на живой огонь. Володя заметил, что в такие минуты у отца на лице исчезали морщинки, уходила из глаз задумчивая печаль. Он сидел, подолгу глядя, как на кусках угля играют язычки пламени, перебегая с места на место. Володя присядет рядом, прижмётся к тёплому боку отца и сидит, не шевелясь, словно боясь спугнуть отцовские воспоминания. Бывало, что, сидя с ним вдвоём, они говорили о домашних делах, о новых покупках, школе. Володя в такие минуты чувствовал себя взрослым человеком, раз с ним советуется отец. Он с гордостью посматривал в угол, где стояла кровать малышни. Вот, мол, как мы о вас с отцом заботимся!

Задумавшись, не заметил, как подошла мать:

— Сынок, сбегай в магазин за хлебом и папиросами для отца. Там, наверное, уже наша очередь подошла. Встанешь за дядей Колей. Он для себя и для нас очередь занимал. Славик заболел, я не смогу сходить. А Юра с улицы прибежит, я его за уроки посажу, а потом проверю, как он выучил. Хорошо?

— Ладно, мам. Я быстро слетаю. Потом приду, нужно воды и угля натаскать. На улице морозит, ночью совсем холодно будет. Нужно печку сильно протопить, а то за ночь всё тепло уйдёт наружу.

— Ах ты, маленький мой хозяин! Ну, весь в отца. И лицом, и характером. Молодец, сынок.

Володя, гордый, что его назвали хозяином, быстро одевался. Пальтишко нагрелось, стало тёплым. Надвинул валенки. Взял шапку, авоську. Открыл дверь на улицу, охнул от мороза. Холодный воздух перехватывал дыхание. Не глядя по сторонам, он торопливо побежал по скрипучему снегу, закрывая ладошками уши.

У магазина услышал глухое роптание толпы. По обрывкам разговоров понял, что хлеба на всех не хватит. Изворачиваясь, он змейкой скользнул внутрь. Приметив соседа, протиснулся к нему, радуясь, что успел. Ещё два-три человека, и всё, остался бы без хлеба. Продавщица тётя Аня, увидев Володю, хриплым голосом крикнула:

— Малец! А что мамка сама не пришла? В такой мороз тебя прислала?

— Она со Славкой дома осталась. Заболел, сильно температуру. Сказала, чтобы я за хлебом сходил. Вот я и пришёл.

— Ну и зря. Тебя затискают. Хлеба привезли мало, а народу много.

И крикнула, что хлеб кончается. Поднялся крик. Люди, простоявшие снаружи полдня на морозе, ломанулись в магазин, тесня друг друга. И с такой силой прижали Володю к прилавку, что он закричал. Рёбра заболели. Дышать стало трудно. Он дёргался во все стороны, стараясь освободиться, вдохнуть, но становилось только хуже. Толпа сильнее и сильнее прижимала его к краю прилавка. Теряя сознание, Володя, словно сквозь вату, услышал крик тётки Ани. Чья-то рука его дёрнула вверх на прилавок. Над ним, махая гирей, стояла продавщица и кричала в толпу:

— Разойдись! Мать вашу! Расступись, собаки! Мальца чуть не задавили. Кто сейчас дёрнется, сразу гирей прикончу. Бугаи чёртовы. Пацана не пожалели.

Наклонившись к Володе, она спросила:

— Ну что? Очухался? Давай твою авоську, я ваш паёк складу.

— Тётя Ань, а как я отсюда теперь выберусь?

— По головам полезешь. Ничего, ничего! Выдержат. Смогли придавить, теперь пусть терпят. Ничего с их дубовыми головами не случится. Держи-ка свою авоську крепче. Бабы разойдитесь, у Малаховых четверо мал-мала меньше.

Да как толкнёт Володю сверху на толпу! Люди его словно мешок, передавая с рук на руки через головы, вынесли на улицу. Володя оказался в сугробе, крепко прижимая к себе авоську с хлебом. Стараясь не стонать от боли, медленно пошagal домой.

В этот момент он представлял себя на месте отца. Тогда отец целый день, раненый в плечо, один выходил из окружения. Падал. Поднимался. Из последних сил шёл к своим. Вот уж ему было больно! Намного больнее, чем ему сейчас. Он шёл и думал об отце, не замечая, что ручонки, торчащие из коротковатых рукавов, замерзают. Дрожь пробегала по телу. То ли оттого, что случилось в магазине, то ли от холода, который, кажется, становился всё сильнее и злее.

Не говоря матери, что случилось, стараясь не показывать боль, он пошёл за водой к колонке, вокруг которой образовалась большая наледь. Оскальзываясь и падая, Володя с трудом ухватился за рычаг. Отдышался. Налил в ведро воды и осторожно присев на корточки, съехал с пригорка.

Затем пошёл в сараюшку за углём. Здесь было отцовское и Володино царство. В нём они пилили, строгали, мастерили для дома и соседей всякую мелочёвку. Вешалки для одежды, скамеечки, а то и табуретки, если кто попросит. Даже для малышни кровать соорудили. Загляденье. Крепкая, из горбылей. Володя работал с отцом на равных! Отец его приучал к работе. Объяснял, показывал, работая вместе с ним. Стружки пахнут замечательно, вкусно. Володя с усердием старался всё перенять, запомнить.

Поглядел на заготовки лыж, зажатые в струбцинах. Погладил их рукой. Ещё недельку так полежат, а потом начнём их дальше делать. Отец всегда говорит, что ни к чему деньги тратить, если что можно сделать своими руками. Хорошо здесь. Деревом пахнет, смолой. Едва уловимый запах скипидара в воздухе. Уходить не хочется. Ещё раз по-хозяйски огляделся, и, набрав в закуске в ведро куски угля, пошёл домой. Скоро должен прийти отец.

— Мам, мам! Давай папке сюрприз устроим? Он домой придёт, сядет ужинать, ты ему огурцы и картошку поставь, и всё. А потом селёдку положим, когда он уже кушать начнёт. Ох, как он ей обрадуется!

— Тогда беги в сарай. Набери из бочки огурчиков и капусты. Соседка немного маслица постного дала, капусточку заправим. Устроим нашему отцу праздник. А ты сиди, уроки повторяй. Пробежал по морозу. Ещё не хватало, чтобы заболел, как Слава.

Вовка отправился в сарай. С трудом открыл примёрзшую крышку люка и спустился по лесенке в холодную темноту. На ощупь набрал в кастрюльку капусты, огурцов. Вылез наружу. Взял огурчик для себя, не утерпел. Ух, как он был хорош! Холодный, хрустящий, вкусный, аж зубы ломит. Крепкий. С привкусом укропа, смородиновых листьев, кореньев.

Огурцы хранились в бочке, сделанной отцом. Соседки завидовали матери, говоря, что им бы такого мужа. Нет уж! Он один у нас такой.

— Мам, можно я возьму папину книжку поглядеть?

— Володенька, осторожней с ней будь. Не порви. Ты же знаешь, как отец её бережёт.

Володя об этом знал. Эту книгу, как делать всякую пищу, отец привёз с войны. И очень берёт её. Книжка была большая, толстая. Старая книга, некоторые слова с твёрдым знаком на конце. Но главное — картинки. Сколько всякой красивой еды там было нарисовано! Володя сел за стол около окна. Раскрыл и осторожно начал перелистывать, подолгу останавливаясь на страницах с рисунками. Хмуря брови, как отец, он шевелил губами, стараясь правильно прочесть и понять незнакомые слова. Он решил, что скоро научится готовить красиво и много, когда будут в магазине разные продукты. Вот отец обрадуется! И братишки, и мама, и все-все. Иногда, под настроение, отец детей баловал.

Съездит в город, привезёт с рынка кусочек мяса и начинает колдовать у плиты. В такие моменты он не подпускал к себе никого, даже мать. Сам моет, режет, отбивает, жарит, парит. Из выдвижного ящичка в стареньком буфете достанет какие-то порошки, травки, корешки. Мурлыкая под нос, перемешивает, пробует, чмокая губами. По комнате разносятся ароматы, язык проглотишь. Наконец приглашает за стол. Расставит тарелки, ложки разложит. Медленно несёт большое, закрытое крышкой блюдо, торжественно ставит на середину стола. Откроет. Ребятишки, притихнув, ждут. Отец не торопясь разложит еду по тарелкам. А сам сядет у печки, жмурясь и улыбаясь, наблюдает, как ребятишки жуют, счастливо поглядывая на него. В такой день отец редко садился за стол. Всё делалось для ребятишек и мамы. Для отца было большой радостью видеть, как они всё съедали, а потом старательно возили корками хлеба по тарелкам, собирая вкусную подливку. Отец немного печалился, потому что, поев, дети не вылезали из-за стола, а долго и молча, изредка облизываясь, смотрели на него. Отец кивал, вздыхал и разводил руками. Хорошая еда почему-то очень быстро кончается. Потом сгребёт всех в охапку, повалит на кровать и начинает рассказывать свои нескончаемые сказки да истории. Редко ему удавалось устраивать такие праздники. Работал он много, а с продуктами в семье было туговато. И всё же, хоть чем-нибудь, но отец всегда старался их побаловать. Принесёт пять яиц. И напечёт их в печке, в золе. Коричневые, вкусные...

Володя мельком взглянул на окно.

Темнеет.

Нужно печку посильнее растопить. Нагреть воды, чтобы отец помылся после работы.

В печку, вниз, подложил щепок и бересты, а сверху — небольшие кусочки угля. Огонёк весело побежал по щепкам, береста скручивалась. Совком с длинной ручкой набросал на неё уголь, огонь с каждой секундой набирал силу. Вскоре в печке загудело, вокруг распространяя жар и горьковатый запах угля. Володька подбросил еще угля, поставил на плиту ведро с водой.

Мать собирала на стол. Варёная в мундирах картошка, три пупыристых огурца, на боку одного прилипла веточка укропа. Капуста с маслом и две очищенных луковицы. Чёрный хлеб крупными ломтями. В солонке — соль, крупная, серая, хорошая. Отдельно на газете — копчёная, словно позолоченная, селёдка. Две длинных, тёмных молюки пластами лежали отдельно — это только для отца. Отец любит селёдку. Сколько мать его ни просит похлевать хоть немного супа, так нет. Дай картошку! И всё тут.

В коридоре слышались шаги, шум, топот. С грохотом на своей тележке с подшипниками проехал дядя Семён, инвалид. Соседи по бараку возвращаются с работы, а дядя Семён — из пивнушки. Хлопали двери. Гомон, ребятишки бегали по коридору. Барак оживал. Со звоном упал с гвоздя таз. Это безногий дядя Семён сшиб его. Такая у него привычка.

Володя прислушивался к шагам. Отца он сразу узнавал по его походке. Вот раздались неторопливые тяжёлые шаги. Так мог ходить только его отец. Подождал, когда шаги приблизились, распахнул дверь. Вошёл отец, держа на руках закутанных по самые глаза малышкой Галинку и Шурку:

— Пополнение принимаете? — раздался весёлый голос отца.

— Так точно! Принимаем!

Володя вытянулся в струнку, стараясь говорить солидно, басом.

— Докладывай, заместитель. Что произошло в моё отсутствие? — продолжал шутить отец. — Всё ли в порядке? Не было ли каких происшествий? Вольно!

— Все на месте. Потерь нет. Уголь и воду натаскал. Уроки с Юркой выучили. Паёк получил. Только Славик у нас заболел. Температурит. А так больше никаких происшествий не произошло.

— Мать! Слышишь? А почему, Володь, не расскажешь, как тебя в магазине чуть не задавили? Выдержал атаку?

— Мелочи, товарищ командир. Всё заживёт как на собаке. Все трудности преодолены.

— Геро-о-ой, — улыбаясь, сказал отец. — Представим к награде.

Он вынул из кармана конфету в красном фантике:

— Вот тебе.

— Володенька, сынок, а что там произошло? Почему мне не сказал? А я тебя ещё после этого в погреб, да за водой... Где болит?

— Нормально всё, мам. Чуть-чуть прижали, делов-то. Я прорвался!

— Мать, мне сейчас продавщица рассказала вот что. Если бы не она, то нашего Володьку бабы там могли задавить, как котёнка. Анка схватила гирию, бросилась на них, защитила пацана. Выручила. Отчаянная баба. Не побоялась. Не зря на фронте в разведке была. Молодец она! А ты, Вовка, в другой раз будь осторожней. Понятно? Не лезь на рожон, соблюдай тактику и стратегию.

— Есть соблюдать тактику и стратегию! Пап, давай я ребят раздену, а ты пока помойся. Вон вода на плите, ведро. Сейчас я тебе полью.

Скрестив руки на груди, мама с улыбкой глядела на них. Володя развязал путаные узлы, размотал шали, стянул с ребят пальтишки и отправил их в дальний угол на лавку, чтобы не мешались.

Отец, раздевшись по пояс, стоял, наклонившись над тазом. Володя подождал, пока он отмоеет от мазута руки, сменил воду и принялся осторожно тереть мочалкой его спину, покрытую кривыми шрамами. Тёмно-бурые рубцы шли от самой шеи, изгибались и заканчивались на середине спины. Володя не представлял себе, как с такими ранами, без воды и еды, папка весь день по жаре брёл по бездорожью. Лишь бы добраться к нашим, а вокруг стрельба, взрывы. Танки подбитые горят. Дым валит из них чёрный. Шальные пули свистели вокруг. А он шёл, не обращая внимания, что творится вокруг. Вот он у нас какой, отец! Володя смыл пену тёплой водой, подал отцу полотенце. Тот растёрся, накинул на плечи рубашку, медленно прошёл в комнату. Сел во главе стола:

— Ну, главнокомандующий? Чем войско кормить будешь? Чувствую, пахнет вкусно.

Мать откинула холстинку со стола, но при этом оставила копчёную селёдку прикрытой.

— Э, Аннушка! А что ты там от меня такое прячешь? Давай-ка, выкладывай на стол. Показывай, не скрывай.

Увидев селёдку, отец зажмурился от предвкушения:

— Вот уважила, так уважила. Где же ты её достала? Из города привезли? Кто? Ух, ты, хозяйшка моя, — сказал он и приобнял мать. — Молодец, порадовала! Да ещё с молоками... Ты у нас просто героиня-добытчица.

— Ты ешь, Ваня, а ребят я после накормлю, что останется. Пусть пока поиграют. Наиграются вдоволь, набегаются. Проголодаются, и я их покормлю. Сейчас ты ребят не заставишь сесть за стол.

— Не заставишь, говоришь? Гляди, Аннушка, как их нужно заманивать кушать. Даже звать не придётся. Сами мигом прибегут. Ставь табуретки к столу.

Он начал приготовления.

Аккуратно очистил картошку. Ладонями раздавил головку лука и в комнате сразу образовался резкий, вкусный запах. Селёдку порезал крупными кусками. Взяв один, начал есть, аппетитно причмокивая и обсасывая каждую косточку, рассматривая её. При этом хрустел огурцом, луком. Откусывал от ломтя хлеба куски. Заедая всё капустой, отец охал от удовольствия.

— А молоки — это для наших деток!

Мальши не выдержали. Увидев, с каким аппетитом ест отец, они быстро забрались на табуретки, стоящие у стола, и стали уминать всё подряд, что под руку попадалось. Молоки исчезли моментально. Володя терпел, терпел и тоже не выдержал. В животе урчало от запахов, и он вместе с ребятами принялся за еду.

— Ну что, Аннушка? Видишь теперь, как надо их заманивать? А ты говоришь, что не хотят. Им на стол сейчас положи булку хлеба с солью, так они и её вмиг сметут. Глазом не успеешь моргнуть. Здесь главное не что ешь, а как ешь. Понятно?

Наконец отвалились от стола, оставив после себя пустые тарелки и горки мусора. Ребятишки побежали играть в свой угол.

Володя сказал матери, что всё уберёт сам. Мать пошла нянчиться со Славиком, а отец сел на скамеечку около печки, закурив папиросу.

Шумы жизни в бараке стали затихать.

Соседи загоняли расшалившихся ребят по комнатам.

Пора было готовиться ко сну. Мать занималась с ребятами, укладывая их в кровать.

Сегодня отец обещал рассказать продолжение истории про войну. Пока он ушёл к малышне с очередной сказкой, Володя выключил свет, сел на отцовское место у печки. В ту же позу, в какой обычно сидел отец: облокотясь на одно колено

и задумчиво глядя на огонь. Он с нетерпением ждал, когда отец доскажет сказку малышам. Потом поднялся, сел на лавку у окна и стал смотреть в окно, там была темнота. Два фонаря освещали тусклым светом пустынную улицу. Отец прошёл на своё место у печки. Володька повернулся к нему. Ожидая, позовёт его отец или нет. Отец молча, не глядя на Володю, прикурил папиросу и по кухоньке поплыл резкий запах табака. Курил и, как обычно, глядел на огонь, задумавшись о чём-то своём. Бросил недокуренную папиросу в печку, повернулся к Володе. Тот не шевелясь, сидел на лавке. Отец, внимательно поглядел на него и тихо, жестом руки позвал к себе. Володя понял этот жест. Сердечко его затрепетало, и он медленно пошёл к отцу.

— Садись, — сказал папа. — Ну, так вот... Когда мы...

— Наши доблестные шахтеры... — говорила чёрная тарелка.

— Аннушка, мать! — сказал отец. — Выключи радио.

Донеслись тихие шаги, было слышно, как мать выдернула вилку из розетки, и Володя почувствовал, что она обняла их и шепотом сказала:

— Ванюша, долго не засиживайтесь. Хорошо?

— Ладно... Как Славик?

— Немного полегче, — сказала мать, — ничего, всё будет нормально. Не волнуйся. Я пошла, что-то наш малыш захныкал.

Они услышали, как мать присела на кровать и начала тихо напевать, укачивая и успокаивая Славика.

Отец сидел, смотрел на огонь в печке, курил едкую махорку, о чём-то думая. Потом повернулся к Володе:

— Грудь-то болит, сынок?

— А-а-а, ерунда! — махнул рукой Володя. — Ты же нас приучил, если тяжело, больно или плохо, всегда думай о близких, тогда полегчает. Это же правда, пап?

— Да, Вовка, так и есть, — сказал отец, выбросил окурочек, достал из кармана жестяную баночку, свёрнутую газету, быстро скрутил новую сигарку, прикурил и взглянул на сына. — Я прошёл всю войну, думая о родителях, нашей мамке, тебе, и знаю, что вы оберегали меня от смерти.

— Ты же далеко был от нас, — сказал Володя и, прижавшись к отцу, незаметно прикоснулся к большому уродливому шраму на спине. — Пап, я не понял, как — берегли?

Володя видел, как сошлись густые брови, образуя на переносице злую насупинку, взгляд стал каким-то тяжёлым, жёстким, чужим — не тем, как всегда смотрел на них, а страшным, обжигающим.

— Пап, не смотри так, не надо. Лучше скажи, как могли тебя беречь?

Отец затянулся, выпустил едкий дым и медленно сказал:

— Знаешь, Вовка, трудно и сложно это объяснить. Ты сейчас не поймёшь. С Аннушкой, нашей мамкой, мы прожили после свадьбы всего месяц или два, а потом меня призвали в армию. Она осталась жить с моими родителями. Сначала меня отправили учиться в полковую школу, затем в дивизионную. Хотели послать на офицерские курсы, но я отказался, сославшись на маленькое образование. Так и остался старшиной. Командиром у нас был толковый, умный мужик. С ним нашёл как-то общий язык. Он старался мне помогать, ну и я платил ему той же монетой. Через несколько месяцев пришло письмо, где мамка написала, что ты родился. Ух, как я обрадовался, Вовка! Не знаю, каким образом, но командир об этом прослышал. Вызвал к себе и сказал:

— Слушай, Иван. Иди в канцелярию и оформляй отпуск. Съездишь домой, родителей, жену с сыном повидаешь.

Мне очень хотелось съездить на побывку, но стал отказываться. Говорил, что много дел останется незавершёнными, но командир голос повысил и уже в приказном порядке строго так:

— Старшина, слушай мою команду! Взять документы — и в путь. Не могу тебе объяснить, но если ты сейчас не съездишь, может так получиться, что не скоро ещё домой попадёшь. Ничего не спрашивай, а быстро выполняй мой приказ. Всё, свободен!

На поезде, попутках, а где и пешком я торопился домой. Всю дорогу мечтал, как буду тебя нянчить. Чуть ли не бегом бежал по деревенской улице, когда добрался. Открыл дверь, сбросил вещмешок и остановился, словно вкопанный, глядя, как наша мамка тебя кормила. А ты лежал на руках и только побряхтывал, причмокивая.

Все сразу бросились обниматься, а я мамку крепко-крепко прижал, смотрю на тебя, а ты будто почувствовал, что папка вернулся. Агукать начал, улыбаться ртом беззубым. Подхватил, лицом прижался, а от тебя материнским молоком пахнет, и сам ещё малюсенький, а потом захныкал, когда задел тебя щекой небритой. Губёнки кривишь, слезы на глазах...

— Пап, пап, — перебил Володя, — я это помню.

— Нет, Вовка, ошибаешься. Ты же грудной был...

— Помню, помню.... — упрямо твердил Володя.

Отец взглянул на него, прижал к себе худенького Володю и снова отвернулся к печке, наблюдая за пляшущими язычками пламени.

— Да, не удалось мне вволю с тобой понынькаться и в родном доме побыть: наступила пора назад возвращаться. Взял я листок бумаги, прижал к нему твою кроху-ладошку, обвёл её чернилами и сунул в карман, чтобы всегда о тебе помнить. Моя мать сняла с себя иконку, надела мне и сказала:

— Береги её, Ваня. Она беду отведёт. Не потеряй.

И, перекрестив, поцеловала.

Со всеми попрощался, нашу мамку поцеловал, тебя, пахнущего молоком, вдохнул, чтобы не забыть этот запах, и вышел, сказав, чтобы меня не провожали. Понимаешь, Вовка, словно камень на душе лежал.

— Почему? — тихо спросил Володя, прижавшись к отцу.

— Предчувствия были нехорошие, — снова нахмурился отец.

— Какие?

— Плохие, Вовка, плохие, — подумав, сказал отец. — Вернулся в часть, а через три недели началась война.

— Расскажи, пап.

— Тяжело вспоминать, да и не люблю, — сказал отец и, просыпая махорку на пол, свернул сигарку и прикурил. — До сих пор снятся ребята. Из тех, с кем я был с самого начала войны, наверное, единицы в живых остались. Да и они разбросаны судьбой во все стороны. Сколько раз искал, так никто и не отозвался. Многих потеряли за первые дни войны, очень многих. Страх, неразбериха, растерянность была. Фашисты беспрерывно бомбили, десант в тыл сбрасывали. Мы не понимали, что творится. Порой казалось, что эти выродки со всех сторон наступали. Нам отдали приказ, чтобы отходили на восток, а куда именно, никто не знал. Так и шли, отбиваясь. А фашисты то сзади, то с флангов на нас пёрли или вообще впереди оказывались. Жутко было, непонятно...

— Пап, ты говоришь, что было страшно, а у самого-то вон сколько орденов и медалей на гимнастёрке! Значит, ты хорошо воевал?

— Все воевали. Бились за нашу землю, за матерей и отцов, за детей своих. Дрались, себя не жалея, чтобы войну выиграть. И мы смогли победить, хоть и очень много людей погибло. Но вначале было страшно. Убивали наших солдат, в плен попадали, в окружение...

— И ты, пап, находился в окружении? — перебил Володя.

— Да, довелось, — медленно, с неохотой, сказал отец. — Первый раз угодили в конце июня сорок первого года, потом на следующий год пробивались с тяжёлыми боями, а последний раз попали, когда Венгрию освобождали. Нас тогда в болото заманили, и мы три дня не могли из него выйти, такой

ураганный огонь вели фашисты, что нельзя было голову под-
нять. Когда помощь подоспела, оказалось, что от всего пол-
ка лишь рота осталась, да и то почти все были ранены. Вот
так-то, Вовка...

— Пап, расскажи, а? — стал просить Володя. — Ты ни разу
об этом не говорил.

Отец поморщился, словно от боли, растёр лицо ладонями,
шумно выдохнул:

— Не хочу вспоминать. Тяжело...

— Ну пап! Хотя бы как в первый раз попал...

Отцовский взгляд из-под густых бровей сделался колю-
чим, будто чужой человек рядом сидел. Он глухим голосом
начал рассказывать, изредка замолкая:

— Летом жара стояла несусветная. Мы отступали от са-
мой границы. Нашу часть почти полностью разбили, а ост-
альные получили приказ отходить на восток. А куда? Место
назначения никто не знал. Просто — на восток.

Творилось что-то невообразимое. Давят фашисты, проры-
вают оборону... Стрельба ни на минуту не прекращалась.
Меня ранило под ключицу. Осколок вышел со спины, выр-
вало кусок мяса. Санитары остановили кровь, замотали — и
всё. Сказали, что надо срочно в госпиталь. А где его искать-
то? Никто об этом не знал. И мне пришлось ещё два дня идти
со своим подразделением. От жары началось нагноение, стал
бредить от высокой температуры. Очнусь, а мне говорят, что
я какого-то Вовку звал и с ним разговаривал, а сам шёл в это
время вместе со всеми. Знал, если упаду, уже не смогу под-
няться.

В следующий раз очнулся, ткнувшись головой в спину
солдата. Все стояли, пропуская колонну санитарных машин.
Наши остановили одну, кое-как затолкали меня в перепол-
ненный кузов, и я сразу потерял сознание. Пришёл в себя от
громких взрывов. Фашистские самолеты, несмотря на то, что
на машинах были нарисованы красные кресты, сбрасывали
на колонну бомбы. Такая карусель в воздухе крутилась, что
смотреть было жутко. Все лежали и ждали, попадут в нас или
нет. Это, Вовка, хуже всего. Оружия мы не имели, только до-
кументы находились с нами. Лишь у меня наган лежал на
всякий случай.

— Какой случай?

— Лучше застрелиться, чем в плен попасть к фашистам, —
сказал отец и замолчал, задумавшись.

Володя осторожно к нему прижался. Тихо, чтобы не заме-
тил отец, ладошкой нащупал на спине глубокий шрам и на-
чал его гладить, едва касаясь пальцами.

— Проклятые фашисты весь день за нами охотились. Повезло, что на пути встретился лесочек. Машины, уцелевшие после бомбежек, быстро в нём скрылись. Ближе к вечеру ещё появились новые машины с тяжелоранеными. Водители сказали, что мы попали в окружение. Посовещавшись, решили прорываться ночью. Единственный шанс, что пробьёмся к нашим. Пока не стемнело, нас санитары перевязали, мёртвых похоронили в лесу, подлатали машины и стали ждать.

После двенадцати ночи, когда стало темно, колонна тронулась в путь. Выехали на дорогу, словно язвами, усеянную воронками от бомб и снарядов. Без света, тихо поехали на восток. Тридцать или сорок машин было, и в каждой битком лежали раненые. Ты представляешь, Вовка, сколько везли наших бойцов? Уйма!

Колонна растянулась по дороге, и вдруг раздалась выстрелы из танковых орудий, словно нас специально ждали. Подожгли первую и последнюю машины, а затем не торопясь начали расстреливать всю колонну, будто в тире. Видно было, как всё ближе и ближе к нам разлетались машины от взрывов, вспыхивая как свечи. Жутко в кузове лежать и ждать своей очереди...

В нашей машине ехал молоденький лейтенант. Он заметил при всполохах, что в одном месте можно прорваться. Закричал шоферу, чтобы тот выворачивал в степь. Машина съехала с дороги, за нами ещё одна успела выскочить — и всё. Остальных накрыло снарядами. Только мы и увидели, как в воздух взлетали обломки от машин и то, что осталось от наших солдат. У меня до сих пор эта картина стоит перед глазами...

Снова отец замолчал. Володе было видно, как дрожали его руки, стараясь удержать баночку с махоркой. Володя забрал её, оторвал кусочек газеты, свернул сигарку, провёл по краешку языком и помог отцу прикурить. Тот сделал несколько глубоких затяжек и, обжигаясь, выбросил окурочек в печку, продолжая молчать.

Глядя на огонь, Володя терпеливо ждал, стараясь не потревожить отца. Незаметно свернул ещё одну сигарку и положил ему на ладонь. Отец вздрогнул от неожиданности, с недоумением взглянул на самокрутку и опять закурил, забыв, что только сейчас выбросил окурочек. Долго он сидел, не шевелясь, потом продолжил свой рассказ:

— Гнали мы в степь. Лежали в кузове, ударяясь друг о друга, и терпели, стараясь не застонать от боли. Думал, что удалось вырваться, и вдруг почувствовал сильный удар, и я куда-то в темноте полетел. Потом ещё удар обо что-то острое — и потерял сознание...

Очнулся от солнечных лучей, бьющих в глаза. Стал подниматься, и не получается. В грудь что-то упёрлось и колет. Приподнял голову и вижу, как чья-то винтовка своим штыком — и откуда она взялась, не пойму? — пропоролла мне плащ, гимнастёрку и, проткнув иконку, упёрлась в грудь. Тогда я повернулся медленно на бок и, изгибаясь, как червяк, еле-еле поднялся на ноги. Смотрю, а вокруг все, кто со мной в кузове находились, мёртвые лежат. В озере лишь одно крыло виднелось от машины. Медленно развернулся, а позади — высоченный обрыв, с которого мы упали. Я лежал-то с краю и первым вылетел из кузова, поэтому и остался в живых, а на других взглянуть было страшно. Разбросало их по всему берегу.

Стон услышал, когда хотел взобраться на обрывистый берег. Потом кто-то меня тихим голосом позвал. Посмотрел, а в стороне от всех лежит сержант. Рукой пошевелил, чтобы я подошёл. Добрался до него, и страшно стало от его вида. Показал он на мой наган и зашептал: мол, застрели.

— Да ты что, сержант? — сказал ему. — Сейчас тебя чем-нибудь перемотаю, и потихонечку начнём выбираться. Потерпи, до своих дотянем, а там сразу в госпиталь.

Он стал опять шептать, а на губах пена кровавая пузырилась:

— Старшина, я уже не жилец. Отдай наган и уходи. Доберёшься до наших, расскажи, что произошло. Оставь и иди. Плохо мне. Немного жить осталось. Наши где-то рядом. Если останешься в живых, отомсти за нас. Уходи...

Отдал я наган. Попрощался, зная, что больше не увидимся, и побрёл. Кое-как взобрался на обрыв, оглянулся, а он уже и не дышит, и оружие не понадобилось. Стоял на краю, Вовка, и не знал, что делать. Пустота внутри. Один остался. И так тошно было на душе, хоть волком вой! Хотел уже назад спуститься, взять оружие и... И тут словно кто-то в сердце кольнул. Как же вы останетесь без меня, как жить будете? Не выдержал, взвыл по-звериному, любым способом, хоть ползком, решил добраться до наших. Я обязан был выжить, обязан был вернуться домой, чтобы ты сиротой не остался.

Оглядываться начал по сторонам. Определил по солнцу, где восток находился, и пошёл, а к ногам будто гири привязаны, и с каждым шагом они всё тяжелее и тяжелее. Иногда прямо на ходу терял сознание. Очнусь — и вижу по следам, что на одном месте топтался. Снова на солнце взгляну и бреду на восток. Вокруг везде стрельба шла, разрывы снарядов слышны, мёртвые лежали, танки, машины горели, и я в этом аду весь день двигался в сторону наших.

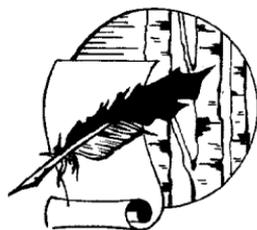
Ночью добрался до своих. Смутно помню, как сразу меня на машине отправили в госпиталь. Потом рассказывали, когда стали снимать с меня одежду, весь персонал сбежался. Всё, начиная от сапог и заканчивая плащом, было превращено пулями в решето, а на мне врачи не нашли ни одной царапины — кроме той, первой, раны. Когда узнали, откуда я вернулся, вообще удивились. Из той колонны добрался я один живым. Врачи заметили перед операцией мой сильно сжатый кулак. Долго мучились, чтобы пальцы разогнуть, а когда получилось, увидели в ладони свёрнутый листок бумаги, на котором был рисунок детской ручонки. Получается, Вовка, что ты меня вывел из окружения, словно за руку держал.

Кто был со мной в тот день, все погибли. Их не пересчитать. А за всю войну? Воевали и умирали, чтобы всех фашистов уничтожить. За нашу землю дрались, за всех родственников. Для того, чтобы мы вот как сейчас могли сидеть у печки и разговаривать. Воевали, чтобы вам мирно жилось. Понял, Вовка? А теперь иди. Разбередил ты мне душу своими расспросами. Я немного ещё посижу, потом мамке помогу.

— Чем поможешь? — спросил Володя, вставая и тихо направляясь в комнату.

— Понянькаюсь с малышом, чтобы мамка отдохнула, — донёсся голос отца. — Хочу наверстать упущенное, если получится. Иди, сынок, иди...

г. Салават, Башкортостан

Лариса НИКОЛЬСКАЯ

Лариса Антоновна Никольская родилась в Ленинграде в 1935 году. Ее отец был репрессирован в 1937 году, а в 1940 году умерла мать. Девочку воспитывала бабушка. В начале Великой Отечественной войны она была эвакуирована в детский дом в селе Бикбарда Пермской области.

Училась в Литературном институте им. А.М. Горького. В 1964 году был издан ее первый сборник стихов «Зарницы». Публиковалась в ленинградских и московских газетах и журналах. Работала журналисткой в ленинградских СМИ. При жизни вышли еще два поэтических сборника: «Искренность» (1981) и «Золотая пора» (1989). После издания второй книги была принята в Союз писателей СССР. Скончалась в 1992 году. Книга избранных стихов и прозы Ларисы Никольской «Первый снег — последний снег» увидела свет в 2017 году.

СРЕДИ НЕОГЛЯДНЫХ ПОЛЕЙ

* * *

Ничего не бывает потом.
Вспомним давних ли дней прегрешенья —
Ах, напишем, попросим прощенья,
Разберёмся, друг друга поймём.

Разделить ли чужую беду
Иль помочь совершиться успеху —
Пожалеем, поможем, не к спеху!
Ну, не в этом, так в новом году.

Вот закончим дела и придём
Добрый вечером в дружеский дом,
А дела, как всегда, бесконечны,
А земные пути быстротечны...

Ничего не бывает потом.

* * *

Хочется тихого берега,
Лодки на тихой волне,
Тихого, лунного дерева
В заветеревшем окне.

Чтоб за сырой луговиною,
Тронутой звонкой косой,
В чаще леска комариного
Пахло недавней грозой.

Хочется счастья негромкого,
Тихой, неброской судьбы.
Мальвы да грядки с укропами
Возле тесовой избы.

Хочется самого малого:
Нежно, как только могу,
Поцеловать бы, усталого,
В самые краешки губ...

НОЧЛЕГ

Весь день вдоль дороги тянулись то рожь, то овсы.
Плелась лошаде́нка, протяжно скрипела телега.
Когда отсырели поляны от поздней росы,
Заброшенный хутор нам двери открыл для ночлега.

В саду одичавшем крапива, кипрей, лебеда.
Изба-пятистенка над ними сутулится зябка.
...А мне рассказали, что прямо с венчанья сюда
Вошла как хозяйка моя молодая прабабка.

Куда всё девалось? В какую сгорело грозу?..
Теперь в этом доме безродная, видно, старуха
Живёт терпеливо, пасёт на задворках козу,
Не спит по ночам, что-то шепчет и кашляет глухо.

На свежее сено она постелила рядно,
Гостей уложила и рядом приткнулась, вздыхая.
А ночь сквозь забитые ставни сочилась в окно,
От полной луны, от прохлады речной — колдовская.

Я помню внезапный, сдавивший дыхание страх,
Который, наверно, лишь в детстве и может явиться:

Шуршало за печью, невнятно шептало в сенях,
И в комнате дальней поскрипывали половицы.

Как будто в тот странный, однажды бывающий час
Суровые предки, закончив дневные работы,
Сошлись за столом и внимательно смотрят на нас,
И жизнь нашу судят, и словно жалеют за что-то...

Давно это было, но детская память жива.
Не с той ли поры, с ночеванья в гнезде опустелом
Во мне, горожанке, неизбежно чувство родства
К дымящейся пашне, к крестьянским рукам загрубелым.

И те, что уходят навеки из жизни моей,
Мне кажется, там и живут, под прадедовской крышей,
Среди перелесков, среди неоглядных полей,
Где близится осень и дни убывают неслышно...

ПЕСНИ ВОЙНЫ

Я песню полюбила с детства,
С того уральского села,
Где пихты зимами одеты
В ненарушимые снега,

Где наш детдом стоял у речки,
В саду гнездились вороньё,
Где начиналось всё — от печки,
В буквальном смысле от неё.

После убежищ и теплушек,
Воздушных и иных тревог
Она казалась доброй клушей,
Собравшей нас под тёплый бок.

Когда дрова сгорали в уголь
И сытный жар от них крепчал,
Мы собирались в печкин угол,
К её белёным кирпичам.

Над грудой стриженных затылков
Бессонной нянькой на посту
Мерцала язычком копилка,
Чуть раздвигая темноту.

Мы ждали знака: жеста, слова,
И, сердцем что-то уловив,
Вступала Галя Иванова,
Знакомый выводя мотив.

Мы ей нестройно подпевали.
Одной подхвачены волной,
Мы все, пожалуй, песни знали,
Что были сложены войной.

Сквозь обожжённую Европу
Что им добраться помогло
Через фронты, по смертным тропам
В глухое снежное село?

Они пьянили нас, как брага,
Вздымали, словно два крыла,
Такая в них была отвага,
Такая вера в них жила.

Мы пели трепетно и гордо
«Бушлат», «Землянку», «Огонёк»,
Нам перехватывала горло
Нагая выстраданность строк.

Уже работа — не забава:
Запомнить, выучить, успеть.
Чтоб только не лишили права
В субботу в госпитале петь.

УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Памяти Г.А. Патрашева

...Помню, в школьном нетопленном зале,
Отстранив посторонние звуки,
Поднимается крышка рояля,
Погружаются в клавиши руки.

Только-только война отгремела,
Где отцы наши были убиты.
Мы театров не знали в то время
В круговерти нелёгкого быта.

И в каком-то святом нетерпенье,
Ощувив себя в оперной ложе,
Мы внимали учителю пенья
До ознобных мурашек на коже.

Он водил нас по сказочным странам,
Раскрывая талант человека,
Ликовал победившим Русланом,
И покинутым плакал Алеко.

Даже голос его хрипловатый
Становился прекрасным и чистым.
Он казался не бывшим солдатом,
А почти что знакомым артистом.

Замирали мажорные шквалы,
Подарив нам страданье и ласку.
Он вставал от рояля усталый
И взволнованно кланялся классу.

В тесной стайке столпившихся школьниц,
Недокормленных, плохо одетых,
Он блистательных видел поклонниц —
Мы ему благодарны за это.

Он таким был учителем пенья,
Так будил наши детские души,
Словно в музыке видел спасенье
От жестокости, лжи, равнодушья.

И когда, проходя коридором,
Неумелые слышал фокстроты,
Усмехался он бледным тапёрам
И прощал им фальшивые ноты.

БАЛЛАДА ПОГИБШЕГО СЫНА

Я во сне прихожу к тебе снова,
Поседевшая мама моя.
Материнскому скорбному зову
Бесконечно верны сыновья.

Будто не было той похоронки,
Будто встреча у нас — наяву.
Выйдем в поле да сядем в сторонке,
В росяную густую траву.

Приласкай меня, мама, как прежде.
Как рука твоя стала легка!..
Ты давно ли в любви и надежде
Той рукою качала сынка?

Только старость твоя не согрета,
Только добрый твой дом — одиноч.
Ты прости меня, мама, за это —
В том бою я иначе не мог.

Ты всё та же — в платочке из ситца,
Загорелые ноги в пыли.
Я к тебе припадаю частицей
Отвоёванной кровью земли.

И легко мне, родная, под осень
Ощутить на груди на своей
Урожайную тяжесть колосьев
Да прохладную поступь дождей.

Пусть могила моя безымянна,
Но весной, с незапамятных пор,
Чья-то старая-старая мама
Мне приносит цветы на бугор.

И за вечные ваши тревоги,
За нелёгкую верность судьбе
Я ей травами кланяюсь в ноги,
Будто кланяюсь, мама, тебе...

* * *

Когда мне становится грустно,
Неведомо почему, —
Я приезжаю в гости
К товарищу одному.

Он греет мне чёрный кофе
На синем цветке огня,
В мохнатую тёплую кофту
Укутывает меня.

Его небогатый ужин
Делим мы пополам.
Потом сидим и читаем,
И просто молчим по углам.

И нам не кажутся тесными
Четыре тесных стены,
И мы друг в друга нисколько,
Нисколько не влюблены.

Потом, намолчавшись вдоволь,
Я встану и тихо скажу:
«Закрой, пожалуйста, двери.
Я уже ухожу».

Он крепко пожмёт мне руку
И постоит в дверях.
Он любит мою подругу.
Она придет на днях.

И этот волшебный замок
Рассыплется на ветру..

«Мне вовсе не хочется замуж» —
Кому-нибудь я совру.

* * *

Не подойду. Не потревожу.
А только издали взгляну.
С годами вдумчивей и строже
Мы постигаем глубину.

Уйдут бравада и небрежность.
Мы в зрелые свои года
Приносим бережную нежность,
Какой не ведали тогда.

Не смотрим, много или мало
Любовь дарила нам тепла.
Спасибо, что не миновала.
Уйдёт. Но все-таки была...

* * *

Найти и в самом разном можно
Примету общую одну.
Так осень поздняя похожа
На очень раннюю весну.

Их сходство разглядишь не сразу:
Оно — в звучанье голосов,
В свечении неярких красок,
Сквозном сиянии лесов.

В одном лишь осень несравнима:
В последней красоте земли
Как бережёт она ревниво
И каждый луч, и каждый лист, —

Всё, чем,
Сгорая в ярком свете,
В неистовом стремленье жить,
Весна за тысячи столетий
Не научилась дорожить.

СЕНТЯБРЬ

И осень природы, и осень души
В предвечной печали равны.
Уже в золотистой кленовой глуши
Просторно,
И ночи темны.

Покинуты дачи, не звякнет ведром
Замшелый колодезный сруб.
Но вкус одиночества в доме сыром
Желанен
И сладок для губ.

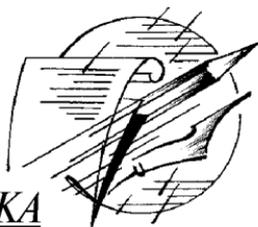
Читаю, пишу, привалившись внаклон
К слоновьей громаде стола.
Какие-то звуки за тёмным стеклом —
И жуть, как озноб, сотрясла.

Листва ль осыпается, дождь ли идёт —
Глухой, обложной, без конца,
Душа ли скулит вечера напролёт
Щенком у чужого крыльца...

ВО ИМЯ ПРОЦЕНТОВ, ВЫГОД И ПРИБЫЛЕЙ

28 июня, на пятом году Донбасской войны полпред российской «не-стороны конфликта» на минских переговорах г-н Грызлов радостно и бодро сообщил: «На сегодняшнем заседании контактной группы принято заявление о режиме прекращения огня в связи с началом уборки урожая. В заявлении отмечается важность обеспечения мира и спокойствия для населения в зоне конфликта. Подтверждается полная приверженность сторон конфликта всеобъемлющему, устойчивому и бессрочному режиму прекращения огня начиная с 1 июля 2018 года 00 часов 01 минуты по киевскому времени. Также подтверждается общая и твердая приверженность полному выполнению минских соглашений».

Только вот беда, обязательства, данные «партнерской» стороной «не-стороне», равны нулю, но страдают под огнем «перемирия» вовсе не инициаторы и участники столь плодотворных переговоров, а невинные жители Донбасса. По зловещей иронии судьбы именно 1 июля, в результате «общей и твердой приверженности полному выполнению минских соглашений» скончался от полученных ран Андрей Уличкин, мир-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ный водитель «КамАЗа», развозивший мирным людям питьевую воду. Излишне говорить, что раны были нанесены украинскими снарядом. Кто ответил за эту смерть? Никто. Что нашим «озабоченным» министрам до таких мелочей, как человеческая жизнь, тем более что «войны в Донбассе нет»? А как прокомментировал эту ужасную трагедию г-н Грызлов, вдохновенный певец перемирий и режимов прекращения огня? Никак. Главное — прокукарекать, а там хоть не рассветай.

И за четыре года войны, убедившись, что им можно всё, «уважаемые украинские партнеры» Кремля продолжили соблюдать очередное «хлебное перемирие» в свойственной бандеровцам кровавой и наглой манере. Так, официальный представитель ВС ДНР Даниил Безсонов сообщил, что 36-я отдельная бригада морской пехоты украинцев 7 июля в Новоазовском районе осуществила минометный обстрел полей сельскохозяйственного назначения, засеянных пшеницей: «В ходе разбирательства было установлено, что противник целенаправленно применил зажигательные мины для уничтожения посевов. Возникший пожар удалось ликвидировать, однако в результате диверсии было полностью уничтожено 120 га пшеницы». Что для блокадного, непризнанного и воюющего края означает потеря хлеба, нормальным людям объяснять не надо, а господам грызловым — бесполезно.

В тот же день замглавы миссии ОБСЕ Александр Хуг заявил, что устойчивого перемирия в Донбассе достигнуть не получится, потому что не устранены первопричины насилия, в числе которых он со свойственной его организации уклончивостью назвал близкое расположение позиций вооруженных сил противостоящих сторон и размещение тяжелого вооружения.

В данном случае слепоглухонемой обэсешник абсолютно прав: никакого устойчивого перемирия в Донбассе не будет, пока не устранена первопричина войны. Вот только где и в чем эта первопричина? Вот, например, главполицией «древнейшей страны» пан Аваков предложил альтернативу минским соглашениям: «Деоккупация и реинтеграция Донбасса должны происходить по принципу «мелких шагов». Каждый шаг должен доказывать нашим гражданам Украины, которые живут в Донбассе, что с Украиной им лучше, чем с оккупационным режимом: качество жизни, доступ к коммунальным, образовательным, пенсионным услугам, социальным гарантиям, доступ к украинским биометрическим паспортам, которые позволяют свободно передвигаться по странам».

Ну, о «мелких шагах» украинцев, захватывающих населенные пункты в так называемой «серой зоне» и террори-

зирующих его жителей, Донбасс наслышан более чем достаточно, а равно и о проекте закона «о коллаборационистах» и предполагаемой «фильтрации сепаратистов», так что про «окупационный режим» пан Аваков пусть поболтает с кем-нибудь более доверчивым, желательно тем, кто не стыдится озвучивать *«достигнутые договоренности об устойчивом, бессрочном и всеобъемлющем перемирии»*. Тем паче, что российские представители просто спят и видят, как было бы здорово, если бы Русская весна так и осталась крымской, а «неправильная» Новороссия не потянулась вслед за «правильным» полуостровом на Родину. А еще более неуважаемый, чем заезжий полицей, пан Кравчук, участник беловежского стовора, разорвавшего Русский мир по живому, считает, что по вопросу донбасской войны кремлевские гроссмейстеры и киевская хунта вполне способны найти общий язык и привести к взаимовыгодному знаменателю восставший против бандеровцев русский шахтерский край, провозгласивший такие опасные лозунги как «Капиталы олигархов — на службу народу!» и лелеявший прочие «несбыточные мечтания», одинаково неприятные партнерам со всех сторон и «не-сторон».

«Идея» Кравчука проста и знакома до боли: сей «государственный» деятель предлагает привлечь к плану Авакова по возвращению Донбасса под контроль киевской хунты «по десять авторитетов из Украины и России»: «Берем десять авторитетов из Украины, и десять из России. Они прорабатывают некую концептуальную схему. И выделив восемь-десять вопросов, идут к народу и власти. Еще не исчерпан весь арсенал наших возможностей». Вот и весь «хитрый план» неуважаемого «беловежца»: сделать сейчас точно так же, как он и его поделщики поступили в Вискулях в 1991 году, сторговавшись через голову народа. А почему бы и нет? Кто сейчас вспомнит, что «основываясь на исторической общности народов и сложившихся между ними связях, намереваясь развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы, экономических или любых других методов давления, других общепризнанных принципов и норм международного права», Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР) и Украина договорились образовать Содружество Независимых Государств (СНГ)?

При этом, подписывая это историческое соглашение, столь же «безальтернативное», как и нынешнее минское, каждая из «сторон» гарантировала «равные права и свободы сво-

им гражданам независимо от их национальности или иных различий и защиту населяющих их территории национальных меньшинств и сложившихся уникальных этнокультурных регионов с целью способствовать выражению, сохранению и развитию их этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности»...

Позже неуважаемый пан Кравчук в интервью Радио Свобода по случаю 20-й годовщины подписания Беловежского соглашения признается, что в Беловежской пуше он, Борис Ельцин и Станислав Шушкевич мирно осуществили государственный переворот, с которым их и поздравил тогдашний президент США Джордж Буш-старший: «Соединенные Штаты приветствуют и поддерживают исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами Содружества. Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам».

Разве не через голову народа «десять авторитетов» разорвали СССР в «национальных интересах США» в «святые 90-е»? И разве сейчас не без ведома жителей Донбасса некий кремлевский гроссмейстер, чье имя нельзя называть, со всем «уважением» к результатам всенародного Референдума о независимости навязал им «безальтернативные» минские соглашения, инициативы миротворческой миссии ООН и таких «советников», «кураторов» и наместников, которых только вероятному врагу можно пожелать, но уже в собственных национальных интересах?

Так что методы, цели и задачи у *партнеров* были и есть одинаковы, о чем недвусмысленно сказал Кравчук, а на мнение народа, как и в 1991 году, «десяти авторитетам» плевать, как сейчас плевать на сожженные в результате «перемирия» пшеничные поля, плевать на могилы невинных людей, которые просто трудились на благо своей земли и защищались от нацизма как умели, плевать на чувства, стремления и чаяния народные, держа в приоритете «национальные интересы США».

В фильме «Миропорядок-2018», который задумывался как пропаганда, а стал обличением кремлевской политики, президент РФ Путин обвинил Соединенные Штаты в «грубом и наглom обмане» в 2014 году, когда Вашингтон поддержал украинский майдан. Он заявил, что США тогда просили о том, чтобы Россия сделала всё, лишь бы тогдашний президент Украины, а ныне «беженец и переселенец» Янукович не использовал армию, на что Москва дала согласие, «однако уже через день в Украине был совершен переворот». Одновремен-

но гарант подчеркнул, что Америка «фактически своими руками совершила переворот, поэтому вынуждена поддерживать сегодняшнюю власть в Киеве», и этим «загнала себя в угол».

Кто кого куда загнал, это очень интересный вопрос, но пока в геополитическом углу любой желающий мог наблюдать законодательный орган власти сверхдержавной РФ. Стоя и аплодисментами встретили американских конгрессменов депутаты нижней палаты российского парламента, когда выступление аудитора Счетной палаты РФ Михаила Меня было прервано предложением встать и поприветствовать конгрессменов США, приглашенных в Госдуму Вячеславом Володиным.

Один из участников слушаний остановил доклад следующими словами: «Минуточку внимания. Я обращаю внимание, что на балконе... вот Вячеслав Викторович Володин пригласил конгрессменов и сенаторов США. Давайте поприветствуем наших коллег». Услышав эти слова, депутаты начали подниматься со своих мест и аплодировать американцам.

А ведь именно в Конгрессе США разрабатывались и принимались законы, вводящие санкции против России за так называемую «аннексию» Крыма, так что кого и в каком качестве приветствовали «народные избранники» — то ли уважаемых западных коллег, то ли представителей вероятного противника — это очень интересная информация к размышлению. Впрочем, «коллеги» в очередной раз проявили черную неблагодарность, ибо сенатор-республиканец Джон Кеннеди, которому в составе делегации так увлеченно рукоплескали российские депутаты, сравнил кремлевскую власть с мафией после своего визита в Москву: «Это как задаваться вопросом, в чём состоит политическая философия мафии. Их философия — это деньги и власть. Такова философия Путина», — сказал сенатор, как будто его собственная философия чем-то принципиально отличается. Но с мировоззрением Кеннеди пусть американские налогоплательщики разбираются — это их проблема.

А вот российский электорат несколько озадачился, мол, не может этого быть: неужели нами управляет мафия, ибо еще с 1991 года приучен свято верить словам «западных партнеров». Но Путин не растерялся и по заведенному обычаю выслал к недоумевающим гражданам своего незаменимого пресс-«пургоносца», который в очередной раз повел себя как неверная жена, застигнутая с поличным: «Это не то, что вы думаете, я всё могу объяснить». В частности, г-н Песков сказал, что в курсе того, что американский истеблшмент нахо-

дится под властью «стереотипов и русофобии». Он также подчеркнул, что в Москве не «носят розовых очков», а у сенатора Кеннеди во время визита была возможность пообщаться с российским руководством. «Конечно, трудно понять такие слова, я не знаю, в каком контексте они были сказаны», — добавил пресс-секретарь президента, в очередной раз проявив неприятную привычку нести «пургу» и подменять всей страной узкий круг ее кремлевских «эффективных менеджеров». Кеннеди безусловно не пылает любовью к России, но где в представлении г-на Пескова заканчивается Путин и начинается русский народ? В конце концов президент — еще не Отечество, а «привет» сенатора был предельно адресным, точечным и высказанным по результатам общения с «руководством», а не с ширнармассами, и объяснять его русофобией, которая, конечно же, присуща сенатору, столь же лукаво, сколь и неумно. Как если бы на заборе кто-то написал: «Пупкин — нехороший человек», а пресс-секретарь этого гипотетического Пупкина разъяснил, что перед нами типичный пример русофобии, а может быть, даже проявление неприязни к млекопитающим или позвоночным, ибо условный Пупкин неизъяснимой волею судеб относится и к тем, и к другим.

Как там говорил г-н Хуг насчет «устранения первопричины насилия» в Донбассе? А первопричина — на виду, это властная постсоветская народоненавистническая «мафия» в составе тех пресловутых «десяти авторитетов» — представителей сторон и «не-сторон», о которых говорил Кравчук, у которой нет Родины и нет идеалов, для которой вся философия бытия — это деньги и власть, которая действует в «национальных интересах» вероятного противника, для которой жизнь человеческая не бесценна, а бесплатна. «Мафия», демонстрирующая гражданам собственное полное нравственное оскудение и оскотинивание. И прежде чем «устранять» какое-либо явление, его следует правильно понять и правильно наименовать, иначе донбасская война, поистине народная и священная, поднявшая на решительный бой с «мафией десяти авторитетов» не только русских патриотов, но и людей доброй воли со всего мира, так и останется бесконечной «хлебной» бойней в интересах геополитических аферистов и подлецов всех мастей и калибров, пока в этой гибридной мясорубке не падет последний, до смертного конца оставшийся непокоренным защитник правды и справедливости великого Русского мира и Русской весны.

Спецпредставитель Госдепа США Курт Волкер заявил, что «Украина имеет право открывать огонь на собственной тер-

ритории». Такое мнение он высказал в интервью Bild в ответ на вопрос об отчетах СММ ОБСЕ, согласно которым огонь в Донбассе ведут как представители республиканских войск, так и украинские карательные подразделения.

«Конечно, украинцы тоже стреляют, но вы должны иметь в виду, что всё это происходит на территории Украины. Для страны совершенно нормально иметь солдат в своей стране. И это не нормально для одной страны иметь своих солдат в другой стране. Такова ситуация на востоке Украины. На украинской стороне происходят нарушения прекращения огня. Но подавляющее большинство и самые серьезные нарушения происходят на оккупированной Россией территории», — сказал он.

Волкер по принятому США обыкновению сунулся не в свое дело, как бы не замечая вседонбасского Референдума о независимости 2014 года, освящённого Уставом ООН. И воюющий против всего мира Донбасс посмел возмутиться словами обнаглевшего американца, а нейтральная РФ, незаслуженно наделенная титулами «агрессора» и «оккупанта», скромно промолчала. Странно, что г-н Грызлов, еще какой-нибудь уполномоченный представитель «страны-агрессора» или даже целая группировка официальных и высокопоставленных сверхдержавников в составе условных «десяти авторитетов» не приветствовали хамское заявление Волкера вставанием и аплодисментами (продолжительными, бурными и даже где-то переходящими в овации).

Плохи дела у «древнейшей» страны Укропии, как ни крути, плохи. Вот и объем прямых иностранных инвестиций в экономику Украины в 2013—2016 годах снизился на 60% — до 27,5 с 67,3 млрд. дол. Об этом говорится в исследовании, проведенном по методологии Международного валютного фонда Немецкой консультативной группой на Украине и Институтом экономических исследований и политических консультаций, результаты которых на пресс-конференции представил эксперт Немецкой группы советников при правительстве Украины Дэвид Заха. «Объем иностранных инвестиций в Украину в 2016 году составил 27,5 миллиарда долларов. Эта сумма выглядит большой, но если сделать сравнительный анализ, она становится небольшой, потому что этот объем составляет 650 долларов на жителя Украины. В Беларуси, например, на одного жителя приходится почти 2 тысячи долларов прямых иностранных инвестиций, а в Эстонии — почти 15 тысяч», — сказал он.

И уже, казалось бы, совсем близко и возможно то, о чём годами Донбассу и «дорогим россиянам» рассказывают про-

пагандисты: мол, Украина замерзнет, развалится, обанкротится, сама на коленях с повинной в Кремль приползет, как вдруг пришла беда, откуда не ждали. Оказывается, этот самый Кремль ужасно не заинтересован ни в замерзании, ни в развале, ни в покаянии, ни в прочих акциях, сопровождающих известный тезис «нам нужна вся Украина», поэтому Донбасс пусть пока терпит и умирает, желательно без криков и призывов о помощи, потому что надоел. Как сказал непогрешимый кремлевский гарант, «там все наши», вот между собой и разбирайтесь, раз вы там все «ваши», кто вы и что вы — малороссия, новороссия, староукраиния или вообще полный ордилосос (отдельные районы Донецкой и Луганской областей с особым статусом).

Да и как Украине замерзнуть и развалиться, если путинский Кремль и есть ее самый что ни на есть уважаемый партнер, который усиленно держит на плаву невнятную псевдогосударственную конструкцию «древнейшей» страны? Ведь оборот внешней торговли между Россией и Украиной в январе-мае 2018 года составил 5,838 млрд. дол., показав рост на 28,7% в годовом выражении. Об этом свидетельствуют данные Федеральной таможенной службы России.

Экспорт России на Украину составил 3,629 млрд. дол. (рост на 30,3%), импорт в Россию с Украины — 2,209 млрд. дол. (рост на 26,3%). Доля Украины в общем обороте внешней торговли России выросла до 2,2% с 2,1% годом ранее.

А 5 июня фондовая площадка «Украинская биржа» направила письмо президенту Украины Порошенко с предложением отменить санкций в части использования биржевых торговых систем, произведенных ПАО «Московская биржа», или отсрочить санкции на один год. Отмечается, что санкции фактически действуют против украинских субъектов хозяйствования. «Сегодня биржевой совет принял решения инициировать проект создания дочерней товарной биржи и объявить публичный международный тендер на покупку новой торгово-клиринговой системы», — сказано в сообщении. А по итогам 2017 года Россия стала крупнейшим торговым партнером Украины. Значительный рост наблюдался как по экспорту, так и по импорту товаров. Такие данные были опубликованы на сайте Государственной службы статистики Украины. Это насчет «развалиться». А теперь насчет замерзнуть: 74% угля на электростанции Украины в 2017 году поставила Россия, которая, собственно, являлась главным поставщиком угля на Украину.

Как тут развалиться или замерзнуть, когда такая мощная поддержка идет? Тут захочешь — не развалишься. А вот рус-

ский Донбасс и немногие пришедшие ему на помощь в тяжкую годину люди доброй воли, которые пятый год поливают своей кровью донецкие степи за тот самый Русский мир, который напялила на себя, как самозванец, слишком тяжелую для пустой головы шапку Мономаха путинская РФ, — не вечен, потому что неотвратимо сжимается как бальзаковская шагреневая кожа. Сначала от Донбасса гроссмейстер-многоходовочник в ходе начертания безальтернативных минских соглашений оторвал две трети региона, дружно голосовавшего на вседонбасском Референдуме за независимость от нацистской внаукраины. Затем его лучшие «уважаемые украинские партнеры» начали отгрызать по куску от так называемой «серой зоны». А всякие последующие предательские проценты невероятного роста торгового оборота между псевдогосударственным укронацистским образованием и сверхдержавной «страной-агрессором», которая его якобы злостно «аннексировала» и «оккупировала», густо замешаны на крови дончан и луганчан, потому что очередное «перемирие» — оно весьма «хлебное» для всех сторон «минского соглашения», кроме ЛДНР, погибающих, отчаявшихся, с каждым днем гибридной войны теряющих близких, силы, веру и надежду, но упрямо не сдающихся.

И это не просто капитализм, который за 300% прибыли готов на любое преступление, это сознательная морально-нравственная, а точнее аморально-безнравственная позиция кремлевских временщиков и киевской хунты, которые помимо взаимных выгод еще и удовольствие получают от того, что пятый год в гибридной мясорубке войны погибают люди, способные на возмущение и протест, жаждущие свободы и справедливости, бесстрашные и уверенные в своей правоте. Потому что и Киев, и Кремль прекрасно понимают, в чей персональный адрес по итогам будет направлен народный гнев, если вдруг войне придет конец. И не будет тогда ни прибылей, ни взаимовыгодных сделок, ни дружеских рукопожатий, ни откатов, ни распилов, ни кредитов МВФ — ничего не будет. Нет, что-то в любом случае будет, но уже без виолончелей, золотых батончиков, собачьих самолетов и прочих привычных ништяков.

Потому и суждено длиться Донбасской войне до последнего жителя Донбасса, которому и впрямь отступать некуда, потому что впереди у него бандеровцы, «ординосос» и фильтрационные лагеря, а за спиной, прикрываясь женщинами и детьми, нерушимо стоит путинская Москва и ее обработанный останкинской иглой 76%-ный электорат, который бодро выталкивает дончан, луганчан и им сочувствующую

щих немногих оставшихся русских богатырей-добровольцев обратно в пекло войны, потому что «сами виноваты», «неправильно встали», «никто ничего не обещал» и «самим жрать нечего».

А ведь всё так хорошо начиналось — кто еще это помнит? Русский мир, Русская весна, «Донбасс — Россия!», «Сначала Крым, затем Донбасс!», «Новороссия, живи!», «Капиталы олигархов — на службу народу!» и прочие хорошие слова, чистые мысли и высокие принципы. Где всё это?

Эта ложка целительного меда незаметно за четыре года необъявленной войны растворилась в бездонной бочке гибридной грязи вроде признания Кремлем киевской хунты легитимным правительством, в безальтернативных минских соглашениях, рукопожатиях кремлевского стратега с детоубийцей Порошенко и процентах роста торгового оборота между нейтральной ко всякому злу РФ и украицистами, в убийствах подлинно народных командиров «неуловимыми» укродРГ, в бесконечных флешмобах и нелепых конкурсах, в нищете одних и патологическом ожирении других. **Всё опошлено, предано, продано, искалечено во имя процентов, выгод и прибылей.**

И никто бы не выжил четыре года на этой кровавой бойне и в этой непроходимой грязи, кроме богатырского трудового и боевого Донбасса, который, как его ни шельмуют и ни облыжничают, как ни предают и ни продают, как ни убивают и ни калечат, всё еще остается чист, всё еще свободен, всё еще стоит с гордо поднятой головой и открытым взглядом, всё еще сражается и живет, так что геополитическим стервятникам, жадно ожидающим его окончательной гибели и смертельной остановки «сердца России», придется повременить. До последнего непокоренного защитника непокоренного Донбасса.

г. Донецк

ГОЛУБИ

РАССКАЗ

Жил Толян, как все люди, — работал на стройке, неплохо зарабатывал, деньги отдавал своей мамаше, с которой и жил в родном доме, построенном его рано ушедшим из жизни отцом. Каждый год с наступлением тепла он затевал в своём хозяйстве ремонт — штукатурил, белил, красил, подливал фундамент, дорожки, обновлял новыми штакетинами забор, и оттого вся его усадьба всегда выглядела опрятно и веселила глаз гаммой красок, что подбирал хозяин на крышу, наличники, ставни и ворота. Тут он не жалел ни средств, ни сил. Но главным сооружением на дворе была голубятня, она возносилась выше крыши дома на четырёх, вкопанных в землю столбах. Ярко раскрашенная, будто девичья светёлка, она была видна издалека и требовала внимания всякого прохожего, что оказывался невзначай рядом с домом Толяна. Все постройки замечательно сочетались с зеленью ухоженного сада, с его весенним цветом, а осенью с плодами хозяйского труда — жёлтыми грушами и краснобокими яблоками, вишней, черешней, сливой, да мало ли чего росло в саду у Толяна.

ПРОЗА

Всё это богатство стерегли, верно и честно неся свою службу, четыре собаки-овчарки, учтивые к хозяину, как воспитанные люди. Они принадлежали к чистокровной породе восточноевропейских овчарок, имели соответствующий окрас, нешуточную мощь тела, не лаяли попусту, плодились, и за их щенками выстраивалась очередь из жителей города. Толян отдавал щенков за символическую цену и каждому из будущих хозяев выдавал своё рукописное пособие по воспитанию животного. Для чего это ему было надобно, он и сам не знал, но верил, что люди, взявшие к себе чистопородную собаку, воспользуются его советами. Он просто желал этого.

Не подумайте, что Толян проживал жизнь неким скрягой, жадиной и потому держал свору собак для охраны собственного имущества. Нет, просто он любил голубей. Собак и людей — тоже. Эта любовь пришла к нему из детства, передавалась от отца и навыки по уходу за птицей и воспитанию собак явились тоже отблуда, от родного человека, которого Толян повторял как облупленным, так и чертами характера. Он был добряк по натуре и не скрывал этого, и к нему тянулся народ, особенно мальчишки. Все звали его просто по имени и это, наверное, было лучшим признанием некоего человеческого родства между ним и окружающими людьми, сознание близости его чистых помыслов к Божьей милости. Обращались за помощью к нему многие люди, когда нужно было что-нибудь подправить, пристроить, а иногда просто спрашивали совета, и на всех языцах уважительно говорилось о нём: мол, Толян знает, Толян поможет.

А каких только голубей не водилось на Толяновой голубятне. Все голубиные породы и цвета были представлены в этой живой коллекции. Важные трубочи с хвостами, как у павлина, чубатые, носочубые и двухчубые, лохмоногие и голоногие и даже «чайки» с голубыми крыльями и шеей, будто закутанной в модные белые меха. Когда вся эта стая поднималась в небо, то начинало твориться действие, которое иначе как чудесным не назовёшь. Одни летуны уходили ввысь и превращались в едва видимую глазу точку, другие, набрав высоту, становились «на столба» и кувыркались чуть не до земли, некоторые «бились» в ленту, вдоль земли. У каждой пары голубей было какое-то своё природное задание, и за качественное выполнение оно эти особи ценились, и выражалось это восторгом зрителей и в деньгах, когда голубятники собирались на городском рынке, где меняли, продавали и покупали птицу, необходимую для спаривания и пополнения стаи. Все эти, немного отрешённые от дикой человеческой суеты люди разговаривали между собой на своём осо-

бом языке, не голубином, но относящимся только к птице, её параметрам — длине лохм на лапках, величине клюва, цвету и умению кувыркаться в воздушном пространстве неба. И только к концу дня, наговорившись, купив или продав, а то и просто приятно проведя время среди единомышленников, расходились по домам.

Толян тоже чтит воскресный день, никогда не занимал это время работой, а собирал в клетку лишнюю птицу и выходил на рынок, не обязательно что-то продать, а пообщаться, глянуть и обсудить качества выставленной на просмотр пернатой живности и показать своих голубей. Возле клеток с голубями всегда толпились разновозрастные мужики и пацаны, но дискриминация по старшинству здесь отсутствовала напроочь. Иногда солидные дяди собирались вокруг сопливого мальчишки и слушали его рассказ о необычном голубе, что привлёк внимание неадекватным поведением в полёте. Записывались адреса, номера телефонов для дальнейшего знакомства, а, может быть, и дружбы.

Иногда Толян уезжал в командировку со своей бригадой, а он был мастером по должности, и в его подчинении находилось с десятков рабочих, и тогда за птицей ухаживала мамаша: это было нетрудное занятие — кормила-то она курочек, а вместе с ними зерно клевали и голуби. Гонял голубей в отсутствие хозяина соседский парнишка, наученный Толяном, сам голубятник, делал это строго по расписанию — два раза в день, чтобы птица не зажилела и не потеряла лётных качеств. За его труды, по возвращению из командировки Толян дарил ему пару молодых голубей, и тот был несказанно рад такому щедрому подарку.

На работе Толян был немногословен и строг, но когда разговор заходил о голубях или собаках, тут проявлялось всё его красноречие, и со знанием дела он мог часами объяснять поведение птиц в небе, говорить о преданности собак, их здоровом уме и человеческой глупости, что в своей гордыне не даёт понять животный мир как равный себе. Многие люди, конечно, считали его блаженным, некоторые посмеивались над дружбой с пацанами, но не препятствовали этому доброму согласию разного возраста и не запрещали своим детям «водиться» с Толяном, он просто не мог научить плохому потому, что относился к голубям, собакам и людям одинаково — с любовью.

Ещё был у Толяна сад, где он ухаживал за грушами, яблонями, малиной, смородиной, вишней... Всё это множество деревьев и кустарника зеленело, цвело и давало плоды замечательные, на зависть всей округи и на радость мальчиш-

кам, что всегда получали свою долю урожая по доброму согласию хозяина, то есть беспрепятственно заходили в ограду и лакомились плодами Толянова труда, доставляя владельцу сада, в понимании соседей, необычное удовольствие. Его собаки своим чутьём и, несомненно, разумом сразу же узнавали в заглянувшем к хозяину человеке своего или чужого, доброго или злого, и при виде последних у них топорщилась шерсть на загривке, и они принимались рычать, обнажая клыки, и вели себя очень неприветливо до времени ухода недоброго гостя и в такие моменты не обращали внимания на окрики Толяна. Они оберегали его от людя, хоронившего в себе недобрые мысли. А вот детвора чувствовала себя во дворе у Толяна как у себя дома, запросто могла трепать собак за уши, садиться на их спины, пытаясь прокатиться на безгласных животных. Редко во дворе дома был слышен собачий лай: иногда кто-то из псов взлаивал, но, наверное, только для того, чтобы не забыть язык собачьего общения.

И всё было хорошо, и прожил бы Толян свою жизнь в добре и довольстве земным времяпрепровождением, с любовью созерцая людей и всякую другую земную тварь. Но померла его мамаша, тихая женщина, нищая духом и потому страстно верующая в Господа, посещающая Божий храм и не тревожащая Отца небесного никакими мольбами, кроме как о здравии и благолепии своего сына. Хранимый её молитвами и заботой в домашнем быту, жил Толян не ведая беды, не досадуя на мелкие житейские неприятности, которые всегда заканчивались за порогом дома, от одного только тёплого материнского взгляда.

Но вот матушки не стало, и он загрустил. Проводил самого родного человека Толян достойно, по-христиански, с баянкой, с отпеванием церковным и поминки провел, не скупясь и привечая всех, кто пожелал прийти на тризну, на девятый день и сороковины. В дом его по-прежнему заходили люди, знающие толк в голубях, собаках, садоводстве и нередко в строительстве. Забегали шумной ордой пацаны, наперебой о чём-то спрашивали, пытаясь понять всё сразу на всём белом свете, но Толян быстро приводил их непокой к порядку и они рассаживались на крыльце, фундаменте, скамейке и, жуя яблоки, а то и просто разинув рты, слушали рассказы о голубях, собаках и просто о жизни. Но в доме уже поселилась неизбывная тоска одиночества, досажая хозяйну бессонницей, а то и неожиданным общим нежеланием видеть своё присутствие в пустых комнатах да и среди глупой человеческой суety тоже. Он увлёкся чтением книг, оставшихся от матушки, — Библии, Евангелия и Жития свя-

тых подвижников, и это помогало на время забыть о своей потерянности в мире.

Постепенно он начал привыкать к замкнутому кругу жизни — работа, дом, голуби, собаки, но теперь нужно было самому обслуживать и себя, и свои любимые увлечения. За полгода научился неплохо готовить еду и себе и собакам, мог принять гостей и совсем уже было уверился в своей судьбе холостяка-голубятника, но тут как-то на базаре, воскресным днём, когда он дежурил у клетки с голубями, что вынес на продажу, к нему подошла женщина и стала задавать вопросы относительно пернатых, косящих на неё взглядом из своего убежища. Она проявила некоторые познания и желала узнать больше о птице, породах голубей и, конечно, о ценах на них, но никак не могла отличить турмана от простого летуна. Толян неожиданно осмелел, хотя рядом с женщинами всегда чувствовал себя стеснённо, и пригласил её к себе домой, назвал адрес и время — следующий субботний день.

Потом, на неделе, рабочими днями, он то каялся, что совершил этот необдуманный поступок, то, наоборот, радостно трепетал сердцем в ожидании встречи. У него были, конечно, как у всякого нормального взрослого мужчины отношения с женщинами, но чтобы приглашать домой — никогда. Может быть, причиной тому была покойная мамаша, что не жаловала ласковым словом заглядывающихся на её сына красавиц, но и сама не подыскивала Толяну невесту, ну, в общем, не срасталась у него долгая взаимолюбовь с противоположным полом — мешали тому и мать, и голуби, и собаки, и работа.

Иногда он влюблялся, но скоро женщина из любимой превращалась в обыденную потребность, позже и вовсе надоедала, и Толян возвращался на свободу, немного повзрослевший от нового разочарования. Его друзья-пацаны тоже не одобряли дружбы своего кумира с женщинами. Бабы, как они считали, отнимают у друга много времени, которое он мог бы приятно потратить на общение с ними, голубями и собаками, в чём, в общем-то, были правы, потому как Толян после знакомства с новой, очаровавшей его бабёнкой, исчез из круга общения и обязанностей, и когда его величество король-голубятник вернётся в свой мир — долго оставалось неизвестным, а жизнь, между тем, проходила в пустых хлопотах по вызволению старшего товарища из любовного плена. Какие только средства для этого ни употреблялись — ловили Толяна на пути к невесте и завлекали его совсем в другую сторону, якобы оценить осаждённую прошлым днём птицу чудной красоты и вытворяющую в небе такое, что душа голубятника вздрагивала, и он шёл, куда его вела ушлая па-

цанва. Хваленый голубь оказывался заурядным летуном, но идти на просмотр нужно было на другой конец города, время свидания переносилось на другой день, и так происходило часто, невеста сердилась, но Толян и не думал подозревать в действиях своих друзей злого умысла.

Устраивали они тёмным вечером под окнами дома, где скрывался Толян, тилим-бом — привязывали на нитку гайку, нитку притыкали гвоздём к раме так, чтобы груз опускался на стекло, от гайки тянулась нитка, и конец её прятался во тьме обочины улицы, заросшей кустарником. Спрятавшиеся в этом укромном месте, пацаны дёргали за нитку, гайка стучала в окно, на стук выходила хозяйка и спрашивала: «Кто там?» и, не услышав ответа, уходила в дом. Так повторялось несколько раз, но потом выходил сам Толян, отрывал все причины беспокойного стука и бросал их прямо в то место, где находились маленькие проказники. Но и эти проделки он считал простым баловством юных бездельников.

Но тут он сам пригласил женщину домой — случай небывалый. Надо было подготовиться, а он не знал, как это делается, бабы в гости к нему не заглядывали, он сам посещал их квартиры. Как они его встречали? Бутылка водки, коньяка и шампанское бывало, но пить Толян не любил: так, глоток-два для приличия сделает, откусает еды, что хозяйка на стол поставила, и потом шуры-амуры, но как у себя женщину принять — непонятно. Всю неделю он волновался, клял себя за язык болтливый, но дело было сделано, и женщина обещала прийти, и надо, стало быть, готовиться к встрече.

И вот день свидания наступил. С самого утра Толян суетился, ходил на рынок, в магазин, что-то приносил, вынес из дома весь мусор, размёл дорожки, а после полудня присел на крыльцо и стал ждать, нередко поднимаясь и заглядывая в дом от мыслей, что чего-то недостаёт на столе. Приходили пацаны, пытались увлечь друга своими делами, но Толян «делал» озабоченное лицо, угощал малолеток конфетами и отправлял на улицу, ссылаясь на занятость своего времени. Ребята недоверчиво косились на своего кумира, обсуждая необычное поведение старшего товарища, мол, суббота сегодня, а он о каких-то занятиях говорит, и им было невдомёк, что их друг скоро начнёт другую жизнь, совсем непохожую на нынешнюю. Если бы они знали, какие угрозы таит в себе будущее для Толяна, они бы ни днём, ни ночью не выходили из его двора, охраняя покой и свободу любимого друга. А пока они поверили в неизвестную занятость выходного дня и оставили Толяна в покое, справедливо рассудив, что вся жизнь впереди и не стоит печалиться из-за мелких препятствий на

пути к исполнению своих желаний, а встречу можно перенести на следующий день — завтра воскресенье, будет базар, и там будет Толян.

Но наутро Толян на базар не явился, не пришёл он и к обеду, когда основные голубиные торги уже закончились и остались у клеток с птицей только хозяева и любопытные зеваки да пацаны, так и не дождавшиеся своего кумира. Толпы народа на рынке поредели, и ребята, отправившись по домам, завернули ко двору Толяна, с надеждой увидеться с ним. Но лучше бы не ходили. Они увидели и дом, и сад, голубей и собак и разгуливающую между всем этим... женщину. Такое видение незнакомого предмета, между вещей привычных и приятных зрению, повергло разум малолетних голубятников в состояние, близкое к шоку. Они и не подозревали, что такие неожиданные перемены могут произойти на гостеприимном пространстве территории, где обитал их друг. Как это существо, совершенно чуждое всему здешнему миру, могло пробраться, прокрасться сюда, без ведома хозяина и его друзей? Так они думали потому, что Толян в поле их зрения отсутствовал, и все вопросы оставались без ответа. Не спрашивать же о местонахождении хозяина совсем чужую женщину. И они замерли всей своей пёстрой, голопузой компанией у изгороди хозяйской усадьбы, разглядывая через дыры в штaketнике чудное видение на Толяновом дворе.

А женщина, между тем, не обращала внимания на орду разновеликих Толяновых друзей, облепивших забор, и спокойно и даже по-хозяйски, как показалось пацанам, оглядывала голубятню, потом пошла по дорожке в сад и остановилась у старой яблони, держащей на себе добрый урожай ещё незрелых, но уже начинающих краснеть боком плодов апорта — самых замечательных яблок на свете. Она, казалось, считала яблоки, ясно повисшие на ветвях, пригнувшихся от этой тяжести к земле, водила по воздуху рукой, выписывая какие-то замысловатые фигуры, потом подпрыгнула, желая дотянуться до сочного яблока, но не сумела и стала готовиться ко второй попытке сорвать плод, смешно присела, глядя вверх и вытянув туда же руку, но тут раздался звонкий мальчишеский голос:

— Рано ещё, яблоко-то зелёное!

Женщина замерла на полусогнутых ногах и обернулась в сторону слов предостережения от ненужного поступка. Осторожно подошла к забору, заглянула сверху него и, увидев мальчишек, как ни в чём не бывало, спросила:

— А почему зелёное-то? Бочок уже покраснел.

— Не поспел апорт. Не время ему. Укусите разок и сразу расхочется есть. Кислое яблоко, потому что зелёное.

— Но почему зелёное? А спелое тогда как называется? — допытывалась женщина.

— Так и называется — спелое или наливное. Вон те яблоки уже поспели, — пацаны показали на яблони, что стояли ближе к дому. — Там пеструшка, столовка, белый налив — всё летние. А зимние только поздней осенью поспеют.

— А я-то думала зимние яблоки среди снега на ветвях висят. Вот красота-то была бы, — раз мечталась женщина.

— Зимой яблоки в подвале лежат. Тоже красота. На Новый год можно на ёлку повесить, и будет как в саду, — потакали пацаны её желанию.

— А вы кто, такие умные?

— Друзья Толяна, а сам-то он где? — общинно представились ребята, не забыв спросить о друге.

— А он отдыхает после обеда, а я погулять вышла, да вас встретила, — улыбнулась незнакомка.

— А вы кто? — в упор спросили мальчишки, желая ясности в происходящем моменте.

— Так, знакомая Анатолия Ивановича. Он в гости пригласил. А зовут меня Зинаида Петровна, — назвалась она.

— Кого, кого вы знакомая? — не поняли малолетки, не уловив в имени ничего родного.

— Анатолия Ивановича, ну, по-вашему, наверное, Толяна, оправдалась женщина.

— Голубей он что, сегодня не гонял? — спросили они, начиная выискивать промахи в непонятном поведении друга.

— Поутру свистел на улице, но не знаю, для чего, я ещё спала, — ответила женщина.

— А вы что, здесь живёте? — ухватились пацаны за её слова.

— Нет. Говорю же, в гости пришла, — начала сердиться от их любопытства Зинаида.

— Может, вы ему родня? — с надеждой спросили малолетки.

— Может быть, и роднёй стану. Скоро. — И, махнув рукой, она пошла к дому.

Пацаны тоже, без всякой радости, отправились домой, по дороге обсуждая её ответ, прозвучавший для них вопросом: «Как это так — буду роднёй? Родня — она всегда родня. Родился и сразу же ей обзавёлся. Отец, мама, дяди, тети, сёстры и братья, они всегда были и есть. А она говорит — буду роднёй. Ну, это мы ещё посмотрим. Так ведь просто ничего не бывает. В родню не записываются, ею бывают от рождения. А тут один день погостила и уже родня. Поживём, увидим», — решили они на всякий случай.

Но этот самый случай никак не мог представиться. Толян запропал — выпала ему какая-то долгая командировка, а в доме его теперь хозяйничала всё та же Зинаида. Она сразу же ввела в жизнь свои порядки, перестала пускать шумную ватагу пацанов не только в дом, но и во двор, ссылаясь на отсутствие хозяина, и только соседский мальчишка иногда заходил туда, чтобы гонять голубей, но и ему были назначены урочные часы для этого дела, вроде как подневольному работнику. Но он ходил и делал своё дело из уважения к старшему другу и из жалости к птице, что без привычки к полёту может потерять товарный вид, попросту — зажиреть. Когда он приходил, чтобы исполнить обязанности своей дружбы, женщина не спускала с него глаз, будто это и вправду был чужой человек и мог что-нибудь стащить, но мальчишка терпел её недоверие, всячески оправдывая свою повинность доверием самого Толяна. О переменах в доме друга малолетняя братва узнавала из рассказов этого единственного человека, который мог войти во двор дома, но только для исполнения обязанностей, взятых им добровольно. А происходило там много непонятного для юного разума; весь урожай яблок и груш собрали незнакомые люди и увели на машине, как позже выяснилось, — в стольный город, на продажу, голубей закрывали в голубятне и выпускали только утром и вечером для разлёта, собаки стали попусту лаять на прохожих с каким-то тоскливым подвыванием. Дом, в осенней поре пустого сада смотрелся сиротливым строением прошлой жизни, будто собирался вскоре уйти от привычного места, а его жёлтая крыша, без голубиной суеты на ней, казалась безжизненной, заскучавшей без надобности осенней поляной, зачем-то приподнявшейся над землёю. Одиночеством всего живого веяло от когда-то шумно населённого двора, дома, сада...

Толян появлялся редко, был чем-то озабочен и мало общался с людьми, а потом снова куда-то уезжал. Бабы судачили о нём, что, мол, мужик женился, остепенился, приналёт на работу и бросил несерьёзные занятия — голубей, собак, перестал водиться с пацанвой и должен служить примером для других охламонов-мужей, что кроме бутылки да пустой болтовни других дел не знают. На их упрёки мужики отвечали мудрёно: что, мол, время покажет, стоило ли Толяну менять всегда желанную свободу действий на бесконечные разговоры о ней. И добавляли разъяснение: мол, когда появляется жена, ты уже не вправе двинуться в ту сторону, куда желаешь. А баба, говорили они, только изначально хороша и мила, а потом... И, помолчав, добавляли: «Хуже иных баб только черти».

Пацаны не были уверены в правильности такого мужского откровения, благодаря отсутствию опыта, и даже когда мальчишка, исполнявший просьбу хозяина голубиной стаи и регулярно поднимавший птицу в небо, вдруг, понуро опустив голову, сообщил, что голубей больше нет, — таким голосом, будто сам был повинен в их пропаже, они не сразу поверили в катастрофу своих мечтаний. Плохого вестника трясали, заглядывали в глаза, тыкали под рёбра — хотели узнать желанную правду, поколотить его за враньё о пропаже голубей, а потом посмеяться над обманом. Но такого признания не удалось вытрясти из виновника жестокой правды, он твердил своё: мол, пришёл к воротам дома, а ему сказали, что голубей нет и больше ему здесь делать нечего. В своём дворе он влез на дерево, долго наблюдал за голубятней, но жизни в ней не обнаружил и пришёл об этом рассказать.

Голубей и вправду больше никто не увидел, а потом пропали собаки, вернее, три из дружной четвёрки. Одна же, оставшаяся, громко скулила по ночам, наводя тоску на жителей квартала. Толян в своём дворе появился неожиданно, видимо, приехал ночью, потерянно бродил по двору, лазил на голубятню, потом вышел на улицу и долго ходил по городу, заглядывал во дворы, на крыши домов, не замечая, что за ним следует ватага мальчишек, молчаливо озабоченных поведением своего друга, боясь рассказать ему свои худшие знания о том, что голубей и собак они уже искали, но не нашли ни в сараях, ни под крышами домов тоже. Так и ходили они по городу, разделённые некоторым расстоянием, заполненным чувством боязни того, что своими рассказами отнимут у старшего друга последнюю надежду на возврат к привычной жизни, и тогда случится что-то непоправимое. А пока Толян ходит, ищет и надеется отыскать пропажу, они будут молчать и сочувствовать его горю, в котором он ещё не совсем уверен.

Но вот Толян остановился посреди улицы, о чём-то размышляя, и, развернувшись к центру города, зашагал, больше не обращая внимания по сторонам. Толпа мальчишек едва поспевала за его скорым ходом. Всё так же уверенно и ходко он прошёл по центральной улице к железнодорожной станции и вошёл в двери привокзального ресторана, именуемого в народе кабаком. Малышня потопталась у входа — незрелых особей, пусть даже и мужского пола, в ресторан не пускали и они не могли ничего узнать о действиях своего друга, но понимали, что если мужик такой уверенной походкой вошёл в кабак, то ждать его возвращения в обыденный, серый мир придётся долго. Но предчувствие беды, что может произойти с Толяном, не покидало голову его юных друзей, и

они, оставив караул из нескольких добровольцев, ушли по своим делам, чтобы потом прийти на смену. Такая предосторожность была нужна для контроля над поступками своего кумира, так как ребята знали, что, прожив много лет вольной и доброй жизни с людьми, друзьями, собаками и голубями, нельзя вот так просто, без протеста, принять разорение мира, где ты совсем недавно был любим и сам любил это светлое пространство души, распростёртое до самых небес.

Часовые менялись на посту дружеской взаимовыручки, но Толян появился только в сумерках вечера, когда зажглись уличные фонари: его вывели из дверей ресторана какие-то люди, усадили на скамейку, а сами ушли обратно. Пацаны окружили друга, пытались с ним заговорить, но он лишь дико вращал глазами и вскрикивал нечленораздельные фразы. Пока они решали, что с ним теперь делать, подошёл милиционер и отогнал их от скамьи с раскинувшимся на ней пьяным голубятником. Мальчишки пытались доказать служителям правопорядка, что они друзья этому человеку и смогут отвести его домой, называли имя и адрес, но милиционер с ними не согласился и, думая по-своему, вызвал подмогу, и скоро Толяна увезли в машине куда-то в сгустившуюся темноту. Пацанов мент обозвал шпаной и сказал, что видел, как они целый день дежурили у кабака, поджидая пьяную добычу. Потом приказал им идти по домам, иначе машина скоро вернётся уже за ними.

После этих событий Толяна больше никто не видел, стали ходить слухи, что он болен, но не знали, какой болезнью, только говорили, что, дескать, совсем плох и даже не встает с постели. После занятий в школе мальчишки толпою нарезали круги у его дома, но выведать о жизни и самочувствии кумира ничего не удавалось, и они решили действовать по-своему дерзко, чтобы увидеть друга и узнать что-то такое, что им не позволяют знать.

Дождались, когда Зинаида ушла из дому, выставили караул, а сами проникли через ограду во двор, благо собака ещё не забыла друзей хозяина и не прониклась злыми чувствами своей хозяйки, обрадовалась старым знакомым и, припадая на передние лапы, восторженно взлаивала, видимо думая, что вернулись добрые времена, и её собачьему одиночеству пришёл конец. Ребята отблагодарили дружескую памятьливость пса медовым пряником, вошли в дом, увидели своего друга, но его беспомощное состояние наполнило юные сердца, может быть, первой горькой мукой невыносимо-тревожной печали. Толян лежал в постели, укрытый одеялом, а лицо его даже на белой подушке отливало смертельной бледностью.

Щёки запали, будто у человека, лишившегося всех зубов, нос заострился и только огромные глаза, ожившие радостью при виде неожиданных, но дорогих гостей, говорили, что жизнь в этом непохожем на себя человеке ещё не угасла совсем. Он зашевелился, пытаясь подняться, губы его что-то шептали, а глаза, глаза наполнились слезами, что, не удержавшись даже в глубоких впадинах глазниц, потекли по щекам, и этот жалкий вид его слабости так поразили чувства мальчуганов, что они приросли ногами к полу без движения и понимания происходящего. Когда взгляды пацанов немного привыкли к образу смерти, никак не подходящему к светлым юным мыслям о своём добром друге, они с опаской придвинулись к одру, на котором, будто нелепое напоминание о самом себе, лежал Толян и стали прислушиваться к его шёпоту, пытаясь понять невнятные слова, что он силился сказать. Наступила тишина, было слышно, как горло Толяна с хрипом заглатывало воздух и выдыхало слова: «Г-голуби, г-голуби улл-летели...», — и больше ничего.

От этих тихих слов сперва задрожали стены, потом затрясся пол под ногами сразу подросших на пространстве боли мальчишек, и они зарыдали в голос, не пряча слёз, в едином порыве бессилия перед открывшейся им бедой, что случилась в их малом мире в самом начале познания самоотверженности человеческой доброты. Это само их доброе, честное и милое детство умирало вместе с Толяном, погибала вера в непобедимо вечное таинство будущей жизни.

Разве могут поверить дети в смерть отца? Никогда. Верят в смерть взрослые и, увы, передают это своё неверие в светлую, вечную жизнь своим детям, но кто-то должен перехватить эстафету и умчаться в светлые дали бессмертия, увлекая за собой лучшую часть человечества — наших детей. Кто будет этот смелый человек, а, может быть, совсем и не homo sapiens станет нашим поводырем в голубеющую Небом вечность, а голубь, собака или дерево, что преподают нам лучшие уроки бескорыстия доброты своей. Мы перестанем тогда отделять себя от прочих земных тварей, деревьев и трав и исполним мечту Всевышнего — станем его лучшим творением на Земле. И царство Небесное воцарится прямо здесь, сейчас и восстанет с одра Толян и скажет: «Айда, братва, на улицу, гонять голубей». И выбежав на улицу, снова увидим, как огромен мир, взлетим вместе с птицами ввысь, оглядывая пространство радостного счастья земли, где ждут нашего возвращения добрые улыбки любимых людей.

Но среди этих детских фантазий с улицы раздался свист, предупреждающий о приближении сил, не признающих бес-

корыстной любви к жизни и её обитателям. Пацаны, пяťась, отошли к двери и по одному исчезли из дому. Зинаида приближалась, и они свернули в переулок, чтобы не встречаться с неприятным человеком, так как убедились, что её мысли и дела принесли горе в дом друга. На дороге домой они размышляли вслух, как и водится у мальчишек, ещё не умеющих прятать свои мысли. Думали они о словах Толяна и не понимали, почему он решил, что голуби улетели сами. Где это видано, чтобы голуби покинули свои гнёзда и доброго хозяина. Такого не бывало в их мире. «Наверное, это она ему так сказала, а он поверил», — высказался один из голубятников и все ухватились за эту спасительную мысль, обрывающую их тяжёлые раздумья. Но как восстановить истину в голове Толяна — они не знали, как не знали, куда на самом деле подевались голуби и собаки.

Дома, не выдерживая напряжения в голове, отвлекающего от занятий и домашних дел, дети делились своей бедой с родителями, но от отцов и матерей услышали противоречивые ответы. Женщины жалели Толяна и, промокнув глаза платком, говорили: «Нешто можно так убиваться из-за голубейто. Ну, понятно, если бы корова пропала или там поросёнок. А то была лишняя обуза и нет. Радоваться надо. А что, он совсем худой?» — спрашивали с тревогой. «Худой, худой и ему очень плохо», — отвечали дети и шли к отцам. Те, серьёзно обдумав переданные им слова Толяна, высказывались не очень понятно: «Ну, если он так думает, оно и лучше. Улетели сами, и Бог с ними. Прозреет, таких дров наломает, что и подумать страшно», — почти в лад твердили мужчины, но по лицам было видно, что думают они каждый по-своему.

О смерти Толяна округа узнала почти тотчас. Ночью завыла оставшаяся на дворе собака, да так страшно, что проснулись не только соседи, но и жители ближней окрестности, многие даже повыходили из домов и, предчувствуя дурную весть, обращали взгляды в сторону Толянова жилища, откуда нёсся нескончаемый вой, и в окнах горел свет. Все понимали, что неспроста люди не спят и собаки не воют зря, тем более с такой надрывной тоской. А утром, разлетевшаяся по городу молва подтвердила ночные опасения друзей и знакомых — Толян помер, ушла добрейшая душа, скорбящая о людях, что не понимали и не принимали его жизненного пути, блаженной его веры в равенство Божьей милости ко всем земным тварям и любящая разнотравное и разношёрстное население Земли.

Дни малолетних друзей Толяна опустели, будто что-то не-обходимое изъяли из пространства жизни, а заменить оказалось нечем, некем, да и где ещё можно найти другого взрос-

лого человека, что был бы готов в любой час идти с пацанвой на край города, чтобы выбрать пару голубю для спаривания, будто от этого зависела судьба родного человека. А, может быть, она и зависит, эта самая судьба маленького человека от нашей туговатой на ухо взрослой отзывчивости? Мы заняты «великими делами», а чем занят ребячий ум — и знать не хотим, не интересно нам чужое детство. И всё-то у них не так, как прежде у нас было. А вот Толян детство с взрослостью не сравнивал, он жил и там, и здесь, и везде успевал — и взрослым помочь, и с детьми поговорить. И мужики, и пацаны его уважали, а спросить, почему, так и те и другие ответят и старики подтвердят: «Толян — это человек».

Но и такие люди умирают и оставляют после себя частичку мира, что менее всего тронут коррозией свободы от лучшего человеческого чувства — совести. И печалятся люди на тризне у блаженных, зрящих Господа, ибо остаются сиротами в многонаселённом мире, потому что без совести нет и любви. А без любви все сироты. Плачут, плачут люди у гроба «придурка» (так называли они его ещё вчера за его бескорыстие и отзывчивость на все стороны белого света), а сами и не верят, что плачет их душа о них самих, а не о смерти соседа, о сиротстве своём льют они слёзы, о непотребной жизни своей, где и светлого-то было только разговоров о таких вот людях, что посмели жить по образу и подобию Господа в путях жизни, что неисповедимы.

Похоронили Толяна. Народа много пришло проводить человека в последний путь. Директор школы сам пришёл и ребята, что дружны были с покойным, привёл, а, может, это они его привели — показать последнего человека в городе. Да и то уже неживого. Когда гроб с телом в яму опустили, пацаны выпустили в небо белых голубей, тех самых, что когда-то дарил им их друг — Толян. Голуби некоторое время кружили над кладбищем, а люди, задрав к небу лица, следили за их полётом, желая увидеть душу Толяна, что теперь уже тоже взмыла в небеса Господние. Но не дано грешному человеку видеть чистую душу, для того надобно свою хранить в доброй отзывчивости к людям. Так, наверное, многие думали, глядя в небо, а как голуби в стаю сбились и улетели в сторону города, народ тоже зашевелился, разобрался по машинам, автобусам, и мысли совсем другие заёрзали в головах — как бы, где бы, да чего добыть, да поболее, подешевле. А голуби — птицы Божьи, им легче жить, а нам, людям каково приходится на белом свете? И Отца Небесного у нас нет — сироты.

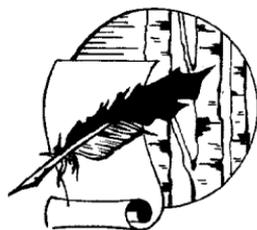
Ещё осенью усадьбу Толяна обнесли каменным забором, таким высоким, что и дома-то видно не стало, и только пус-

тая голубятня торчала памятью прошлого, но краски на её фасаде потускнели, облезли, а к зиме от долгих дождей её некогда весёлое лицо и вовсе почернело, будто покрылось тёмной печалью пустоты и одиночества. Зима выдалась снежная и недобрая — солнце показывалось редко, снег от ядовитых испражнений цивилизации покрылся серо-бурым налётом, лежал на земле клочками по низинам и огородам и грязный его вид вызывал у жителей города нерадостное чувство вины за эту непохожесть природы на самоё себя. Но время шло своим чередом, в нём жили люди, мужали и крепили мальчишки, наполняя голову познаниями добра и зла, и выбирали дороги земные среди многих путей, что неисповедимы от начала и до конца. Намерения вступить на пути добра стали встречать активное сопротивление других их поступков, не соответствующих помыслам юности о тайной доброте познаваемого мира. Одним из этих примеров для мальчишек-голубятников стала смерть Толяна — доброго кумира их детства.

Опустевшая голубятня ещё долго высилась над забором, надевши на свою крышу шапку из грязного снега, неряшливую и набекрень, а потом и эта память о добром друге канула в небытие. Голубятню весной снесли, сад вырубил, а на том месте выросло необъятных размеров строение, может быть, дома, а скорее тюрьмы, так как толстенные решётки на окнах и колючая проволока поверх забора не позволяли думать, что за ними живёт человеческое счастье.

Наступало другое время на этой земле, и здесь не находилось места голубям, собакам, деревьям — простой человеческой радости.

г. Талгар, Казахстан

Диана КАН

Кан Диана Елисеевна — известная российская поэтесса, автор книг «Високосная весна», «Подданная русских захолюстий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Звёзды окликаю» и др. Член редколлегий литературно-художественных журналов России — «Подъём» (Воронеж), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Арина» (Нижегород), «Волга-21 век» (Саратов), «Гостинный Двор» (Оренбург), «Парус» (Москва). Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

ЛЮБИМОЙ МЕНЯ НЕ ЗОВИ

* * *

Багрец всему — и тополям, и клёнам,
Калине, что пустили на вино.
И нам, столь непростительно влюблённым
Во всё, что смертно и обречено.

В преддверье неизбежной вечной стужи
Ни мускулом не дрогни, ни лицом,
Когда стоишь, боса и безоружна,
Лицом к лицу с кровавым багрецом.

Пойми, ревнуя к малахитам лета,
В себе попутно лучшее губя,
Он по стихам твоим и по приметам
Прицельно выждал, выследил тебя.

Он не забыл, как ты, пренебрегая
Его огнём, что царственно горит,
Смеясь, простоволосая-босая
Сбежала в летний звонкий малахит.

Ты не привыкла жить наполовину,
Помилованья, стало быть, не жди...

Любуясь кистью пламенной калины,
По ягодке с улыбкой в рот клади.

Пусть ветер-конвоир толкает в спину
Навстречу золотому багрецу...
...Кровавая окалина калины
Парадоксально Родине к лицу.

ПОЭТУ АНАТОЛИЮ ПЕРЕДРЕЕВУ

Переезды. Перегоны.
Пересуды. Передреев...
Кто такой? Поэт в законе,
Чьи стихи в морозы греют.

Только ты предпочитаешь,
Мой попутчик, греться водкой.
Тольку вряд ли ты читаешь.
Только был поэт не кроткий.

Впрочем, он тебя бы вряд ли
Осудил — был сам не промах
Горечь намахнуть до капли
Средь знакомцев незнакомых.

Дух околиц и окраин
Овевает наши лица...
Не тоскою странствий ранен,
Едет мой сосед в столицы.

Не считая километры,
В Уренгой из Оренбурга
Едет он по белу свету..
Говорит, с деньгами туго.

Выживаем, выживаем,
Но не из ума, надеюсь,
Хоть стихи воспринимаем,
Как неслыханную ересь.

Пахарь и поэт-изгнанник...
Перед небом все едины.
Что ж ты наши души ранишь,
Анатолий Константиныч?

Душ людских путеводитель,
Как положено поэту,
Носит в сердце (не хотите ль?)
Еретическую мету.

Перемены. Передряги...
Но сердца стихами греет
Вдохновенный работяга
Анатолий Передреев.

* * *

Даже не важно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять —
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно, самозабвенно.

Ну почему не спешит он сюда —
Тот, самый лучший на свете мужчина,
Что не разлюбит меня никогда,
Хоть и мечтал видеть первенцем сына?..

Где ж королевич мой, свет-Елисей?
Что ж он никак не вернётся из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

* * *

Ох уж эти пестравские бабушки,
Что тебя называют «желанная».
Наколдуют такие оладушки,
Что сидишь, аки гостыюшка званая.

А ведь ты нежданно-непрощено
Заскочила узнать, сколько времечка?
«Ешь оладьи, моя хорошая!»
И тебя поцелует в темечко.

И, забыв, что зашла ты наскоро,
Наклонишься над старенькой чашкою.
И навстречу качнётся ласково
Духовитый чаёк ромашковый.

В нём степные просторы пестравские
Уместились, вовек неоглядные...
И сидишь, словно гостя заправская,
Ешь оладушки, бабушку радуя.

Угощаешься всласть смородиной.
Ищешь повод продлить гостевание.
Хоть Пестравка тебе не родина.
Разве знала ты это заранее?..

* * *

Любимой меня не зови:
Не холодно мне и не жарко!
Давай посидим визави
Над нашей прощальной чаркой.

Напрасно, заученно рад,
Улыбчиво нам докучая,
Услужливый официант
Шампанское вновь предлагает.

Ты скажешь: «Тащи ананас!
Шампанское — нет! Мораторий!..»
Печальная сказка про нас —
Одна из обычных историй.

Историй про то и о том,
Что вечного нет и не будет.
Иллюзии пустим на слом...
Делов-то! От нас не убудет!

Смеясь, ананас доедим,
Запьем поминальную чаркой...

И пыли веков предадим
Всё то, что искрилось так ярко.

Всё то, что ты мне не простил,
Лукавою славой обласкан...
И в сумерки цвета чернил
Глушил ананасы с шампанским.

Не прячь опечаленных глаз.
Не важно, кто более ранен...
О нас и задолго до нас
Поведал поэт Северянин.

* * *

Накануне ночью, жестко жизнь итожа,
Я была жесточе, но зато моложе.
И, бордо с бургундским намешав по-русски,
Я пила азартно, то есть без закуски.

Своевольно губы закусив до боли,
Всех, кто были любы, вспомнила невольно...
Ах, любовь-чахотка! Ты неизлечима!
Не спасала водка, не спасут и вина.

Вовсе не пытаюсь врачевать печали,
Вновь бордо с бургундским кровно воевали.
Не щадя постылых, не жалея милых,
Ледяным коктейлем закипали в жилах.

Кто сказал, что вина уврачуют вины?
Грянет день январский с брызгами рябины...
И любовь склонится тихо к изголовью,
В белую перчатку покашливая кровью.

* * *

Причешись, причепурись,
Улыбнись, примерь обновы!...
— Свет мой, зеркальце, заткнись!
Мне и без тебя хреново.

По спирали жизнь бежит...
Поспирали, поспирали

Годы юный шёлк ланит,
Что остался в зазеркалье.

Эвон дочка подросла,
Красотой меня затмила...
Всё вы врете, зеркала!
Хоть я правды не просила!

Строчка встала на крыло
И далёко улетела...
Ах ты, мерзкое стекло!
Ну твоё какое дело?

Бон суар, мон шер ами?
Ни фига! Ещё не вечер!
Свет мой, зеркальце, храни
Память нашей первой встречи.

В зазеркальных тайниках
Пусть живёт девчушка эта,
Что не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи приبلудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились —
Их сорвать хотела — да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

* * *

Пусть вы не торжество добра и света,
Как ни крути, вас не любить нельзя —
Сценичные циничные поэты.
Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
Хотела б откреститься, да никак!
Разбойные запойные ребята,
Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
Ах да, Сиротин! Как забыла я!
Немало вы попортили бумаги...
...И Семичев — особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом «Жигули».
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры — увы и слава Богу! —
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали стрАнницы-стрАнИцы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие советы
И больше не желая быть, как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

* * *

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака —

Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь — слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака

* * *

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки — удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через Млечный мост.

Михаил ЛОКОЩЕНКО

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ

Памяти Л.В. Трегубовой

В далёком ушедшем отрочестве было ослепительно солнечное утро, новое первое сентября. Пронзительные звонки, успевшие забыться за долгое лето, охапки цветов, говор и суета. В наш весёлый шестой класс впервые вошла новая учительница истории, Любовь Васильевна. Простое и круглое курносое лицо под кудрявой причёской, слегка прищуренные глаза — добрые и умные. Немного растерянная робкая улыбка. Мы уже знаем, что Любовь Васильевна недавно вернулась из Китайской Народной Республики, где работала в советском посольстве. И, конечно, весело смеёмся над её немного узкими близорукими глазами — дескать, это общение с китайцами так повлияло на нашу новую учительницу! Любовь Васильевна поочерёдно смотрит на нас и пытается с ходу запомнить имена и фамилии. Её уже назначили нашей классной руководителем. Она хочет стать другом и

ПРОЗА

наставником, войти со своей улыбкой в наши маленькие детские души. Ей так много предстоит нам рассказать. Впереди — бесконечная вереница уроков, экскурсий, торжественных линеек и разговоров за чаем. Любовь Васильевна начинает осторожно приоткрывать перед нами завесы над тайнами прошлого, где всё так красиво и ясно соединяется в простые и понятные схемы. Производительные силы — производственные отношения. Мел скрипит в руках Любови Васильевны, и на доске в который уже раз появляется знакомая нам конструкция из аккуратных прямоугольников с перекрёстными стрелками: ПС и ПО. И весь огромный сонм разноплеменных народов и их правителей, воинов, землепашцев с наделами и ремесленников, бесстрашных мореплавателей и бунтовщиков послушно ложатся в приготовленное для них классиками прокрустово ложе стрелок и схем.

Это же так просто и понятно! И красиво как симфония: первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, а теперь — социализм. Частная собственность сменяется общественной с непреложностью законов природы — с той же самой очевидностью, с которой Земля вращается вокруг Солнца, а яблоко падает на голову великого Ньютона. И ещё — архитектурные стили, мрачноватые романские развалины и весёлые, тонкие кипарисы готических соборов, рвущиеся в небо. И ещё — многоликие религии, расы и направления в живописи, и всё на свете. И всё это — история, мой любимый предмет!

Кто там теперь говорит, будто советская история была плохой дисциплиной, скучной и неполной? Да ничего подобного, история преподавалась просто замечательно! Я всегда отвечал первым, тянул руку вверх наперегонки с Митькой Либманом. Мы с ним наперебой рассказываем всякие интересные сведения, которых нет в школьном учебнике, из прочитанных книжек. А Любовь Васильевна снисходительно улыбается, слушая наши лукавые вопросы с левой резьбой — а ну-ка, что на них ответит учитель истории? И терпеливо, спокойно объясняет всё, как было на самом деле, осторожно ведёт за ручку наши неопытные души сквозь лабиринты неясностей, противоречий в отдельных книжках и стыдливых недомолвок официальной идеологии.

Интересно, а как там, на Западе, учат свою историю? Разве непонятно ещё кому-нибудь на свете, что капитализм непременно сменяется социализмом? Это же ясно как дважды два! Как таблица Менделеева или теория Дарвина! До чего же несчастны, должно быть, ИХ учителя истории — там, за рубежом! Вот кому, видимо, приходится отбиваться от насущ-

ных вопросов пытливых детей и бормотать что-то несуразное, вопреки всякой очевидности! Правда, сейчас у нас этап мирного сосуществования, и этап этот будет исторически длительным, потому что сегодняшний капитализм за границей перестал вдруг чахнуть и умирать и даже временно обнаружил какие-то дополнительные источники для своего развития, как было сказано на последнем съезде КПСС. Но это уже — высокая теория за пределами школьной программы. За нашими учебниками где-то впереди маячит и манит сияющая даль высот человеческой мысли — политическая экономия, диалектический материализм, а ещё дальше и выше, как заоблачный Эверест, — научный коммунизм. Но всё это будет ещё нескоро, в университете, а пока мы только учим простые схемы: производительные силы — производственные отношения. И слушаем нашу милую Любовь Васильевну, и продираемся вместе с нею сквозь дебри времён и народов. Кажется, она была в нашей школе парторгом.

Идёт время, вот уже восьмой класс. Любовь Васильевна меняется на глазах. Тяжёлые горькие складки легли у рта, лицо осунулось и посерело. Кто-то сообщает шёпотом, что у нашей учительницы — несчастье в семье: ушёл муж. Кто-то слышал какие-то разговоры. Любовь Васильевна нездорова. Вот её снова нет на уроке, опять заменяют. Она лежит в больнице на обследовании. Но проходит месяц, другой, и наша учительница — снова вместе с нами со своей доброй и всезнающей улыбкой. Всё в порядке — она говорит, что просто сильно простудилась ещё в мае, когда стояла сильная жара, и в классе открывали окна. Всё почти так же, как и прежде, разве что свет в глазах Любви Васильевны слегка поблек, и кожа на лице стала какого-то странного жёлтого цвета. Но уроки продолжаютя. Мы взрослеем, мужаем, всё так же задаём ей каверзные вопросы и внутренне торжествуем, что спросили, и радуемся, и интересно — что ответит учитель истории? И всё та же мудрая понимающая улыбка лучится на губах Любви Васильевны.

На столе лежат чёрно-белые фотографии нашего класса с ободком портретов учителей наверху. Как же она сильно изменилась, Любовь Васильевна, с шестого по восьмой класс — теперь это хорошо видно на старых снимках. В девятом нашей классной руководительницей становится учительница литературы. Любовь Васильевна часто болеет. Её не было на нашем выпускном вечере, она уже не могла к нам прийти. А в первую зимнюю сессию первого курса по телефону прилетела чёрная весть — Любви Васильевны не стало, рак съел её до конца. Надо было поехать и проститься, весь наш класс собирался в то утро ехать в морг. Но у меня в это самое утро

был экзамен по картографии, и перенести его на другой день не удалось. И краска стыда до сих пор заливает лицо. Я, её любимый ученик, не попрощался со своей учительницей! Да, конечно, был экзамен, но можно было ответить самым первым и примчаться на такси, прилететь — может быть, ещё и успеть на прощание. Хотя, наверное, всё равно не успел бы. Да, говорили потом одноклассники, конечно, мы всё понимаем! У тебя был экзамен, ты не мог. И отворачивались.

Был самый последний её урок в конце восьмого класса. Любовь Васильевна в тот день с особой торжественностью приоткрыла для нас суть основных законов диалектики — венца философской мудрости, фундамента теории марксизма-ленинизма. Закон перехода количества в качество, закон отрицания отрицания... Отрицание отрицания! Яйцо отрицает курицу, курица отрицает яйцо. В мире происходит бесконечная череда взаимных превращений и отрицаний. И вот, когда урок закончился, я подошёл в опустевшем классе к уставшей учительнице и спросил её об этом странном законе:

— А как же быть с общественной собственностью, Любовь Васильевна? Сначала была общественная собственность в первобытнообщинном строе, потом частная, а теперь — снова общественная. А что же будет потом? Неужели снова вернётся частная? Ведь вы же вот сами говорите — отрицание отрицания!

Красивое блестящее здание передовой и единственно верной теории вдруг зашаталось и заходило ходуном из-за одного этого непонятного и странного закона, заложенного в его основе. Я с весёлым замиранием сердца ждал, что мне ответит всезнающая учительница истории, парторг образцово-показательной советской школы в центре Москвы, на Кутузовском проспекте, учительница, которая всегда так страстно разоблачала фальсификации бессовестных буржуазных фальсификаторов.

Любовь Васильевна, однако, ничуть не удивилась моему вопросу.

— А этого никто не знает! — спокойно и просто ответила она.

— То есть, как никто не знает? — Я никак не унимался, поражённый услышанным — Это что же, частная собственность может снова возникнуть и сменить общественную?

— Это никому не известно! Всё может быть — сказала учительница.

Время тронулось с места, закружилось и понеслось. И я, словно бумажный кораблик в бурном потоке, оторвался от далёкого причала и поплыл вперёд, вместе со своим временем. Своим и чужим. А Любовь Васильевна навсегда оста-

лась на том берегу. Вот она стоит там, тихая и задумчивая, и вглядывается в даль своими мудрыми глазами, словно внимательно смотрит на далёкого меня:

— Этого никто не знает! Неизвестно, что ждёт нас в будущем. Через три года в СССР началась перестройка.

СТАНЦИЯ ГРЯЗИ

Где же была эта станция? На каком перегоне, в каком году она оказалась на твоём пути? Станция с неромантическим названием — Грязи. Кажется, по дороге из Тамбова в Липецк. А может быть — из Мичуринска в Тамбов, точно уже не помню. Зимняя холодная электричка. Я сижу со своим огромным чемоданом анкет. Напротив — мужичок с острым лисьим лицом в блестящих очочках. Общие слова, обмен фразами.

— Вы откуда? — спрашивает он.

— Я из Москвы.

Всю жизнь у меня этот недостаток — говорить правду. Ну какого чёрта я ляпнул ему, откуда еду? Кто меня за язык тянул? Мужичок вспыхивает и краснеет, бегающие цепкие глазки наливаются кровью, сверлят меня буравчиками. Он шипит и цедит сквозь зубы: «Всех бы я вас, москвичей, расстрелял! Всех бы к стенке поставил, был бы у меня пулемёт!», и так далее, всё в том же духе.

Сижу с невозмутимым видом. Не реагирую никак, отвечать глупо.

Стучат колёса холодной зимней электрички, мчащейся по холодной стране с холодными городами и холодными гостиницами, в которых невозможно зимой согреться даже под двумя одеялами. Пустой вагон. Мы лишь вдвоём — я и мой замолкнувший, наконец, сосед, смотрящий на меня угрюмо и насупившись. Однако расписания станций в вагоне нет, за окнами — поздний вечер, в темноте ничего не видно, а громкая связь, как водится, не работает. И никого больше, ни единой души. Придётся его спросить, он ведь местный.

— Не подскажете, скоро ли будет станция Грязи?

На этой станции мне выходить, а электричка — последняя. Сосед вдруг оживляется, лицо его светлеет:

— Конечно, скажу! На следующей остановке!

— Как, прямо сейчас?

— Да-да, вот прямо сейчас! На ближайшей остановке, сразу!

Благодарю соседа и иду в тамбур. В тамбуре — тоже никого. Заглядываю в следующий вагон — ни души. А вот и моя станция. Шипят тормоза, распахиваются двери, и я оказыва-

ваюсь на совершенно пустой платформе среди высоких елей и сосен под морозным ночным небом. Глухая тишина, зимняя лесная ночь, последняя электричка. Вокруг — ни огонька, ни деревень никаких нет. Густая чащоба. Заподозрив неладное, бегу по платформе к следующему тамбуру. Слава Богу, там стоят и курят какие-то люди.

— Ребята! Это — станция Грязи?

— Какие Грязи?! Это — девяносто третий километр, полустанок! Здесь вообще никто не живёт. Прыгай скорее в вагон, пока двери не закрылись! Грязи будут через две остановки на третью!

Успеваю запрыгнуть обратно. Выходим на станции Грязи и спешим всей гурьбой к маршрутному такси. Сажусь и вижу прямо напротив себя своего недавнего попутчика. Лёгкая тень удивления пробегает под его очками. Нельзя ничего говорить, ни единого слова. Надо быть спокойным. Смотрю на него молча, в упор и, чуть заметно, подмигиваю левым глазом.

Вот и всё, доехал я до станции Грязи. Мир не без добрых людей.

УЛАН-УДЭ И АГОСТИНЬО НЕТО

Точно выверенный математический расчёт далеко не всегда помогает на деле. И не всегда оправдывает ожидания. Настоящая жизнь полна неожиданностей, и все расчёты могут взлететь на воздух в одну секунду. Легко. Вспоминается один реальный сюжет из новейшей истории. Если ошибаюсь, пусть историки меня поправят.

После революции алых гвоздик в семьдесят четвёртом году новая власть в Португалии решила оставить свои заморские колонии, за которые так упорно цеплялся престарелый Салазар. Ангола, наконец, становилась независимой. Португальцы должны были покинуть Луанду, кажется, 15 ноября. Об этом знали все. И расистский режим ЮАР — царство апартеида, изгой международного сообщества, незаконно удерживавший Намибию вопреки резолюциям ООН, — решил захватить ещё и Анголу. На всякий случай. С намибийской границы на север, в сторону Луанды, двинулся корпус вооружённых до зубов африканеров. Они точно рассчитали весь путь до 15 ноября и шли неспешным маршем, отмеряя каждый день расстояние, строго пропорциональное оставшемуся времени. Именно пятнадцатого числа южноафриканский корпус должен был войти в столицу молодой Анголы. Всё в этом походе было точно рассчитано до мелочей. Всё,

кроме одного. Молодые португальские офицеры — конечно же, левые — спустили колониальный флаг и покинули Анголу не 15-го, а 11-го числа — на четыре дня раньше обещанного срока. И точно в этот день в бухту Луанды вошёл военный корабль с бравыми кубинскими добровольцами на борту. Совершенно случайное совпадение, разумеется. Африканеры рванули было на север что было сил, но поздно — к власти в Анголе уже пришёл дорогой товарищ Агостиньо Нето — пламенный революционер и поэт. При поддержке братского кубинского народа. Ну и, конечно, далёких и могучих старших товарищей где-то на самом севере этой планеты.

К чему я это вспомнил? В две тысячи первом году я собрался полететь на Международный научный симпозиум в Иркутск. Время моего доклада было известно заранее — утром часов где-то в одиннадцать. Самолёт приземлялся в шесть утра. Всё было продумано мною до мелочей. В шесть я выхожу из самолёта. Ожидание багажа и всякие формальности — часов до семи, не позже. Дорога в город — полчаса. Без чего-то восемь, самое позднее, я буду в институтской гостинице. Затем — принять освежающий душ, побриться, надеть белую рубашку и выходной костюм для доклада — тот, что так аккуратно выглажен и сложен на дне моего чемодана. Завтрак в гостинице — и в институт. Правда, поспать уже не удастся. А может быть, и повезёт выкроить на сон час-полтора, если всё пойдёт быстрее.

И вот я лечу ночью над просторами нашей необъятной Родины и готовлюсь к своему докладу на английском языке. Листаю иллюстрации и графики, проговариваю их про себя. Никаких неожиданностей быть не может. Ровно в одиннадцать утра я буду стоять на трибуне в любимом костюме — чистый, свежесвыбранный и с вымытой хорошим шампунем головой.

Готовлюсь, повторяю доклад. Настроение отличное. А вот и Байкал внизу. Как на карте. Самолёт делает над озером круг, идёт на снижение. Ещё круг. Снова круг. Что-то долго. Сколько можно кружить? Объявление по громкой связи: «Наш самолёт идёт на посадку в Улан-Удэ, в Иркутске туман! Ждите сообщений». Приземляемся в столице славной Бурятии. Выходим из самолёта. Ждём в аэропорту. Вокруг очень много монголоидных лиц — это действительно Улан-Удэ.

Каждые полчаса — новое громкое объявление: вылет в Иркутск задерживается ещё на 30 минут! В Иркутске туман. Сижу, повторяю доклад. Весь разумный запас времени, предусмотренный и рассчитанный заранее, тает на глазах. Да, подремать уже не успею точно.

«Вниманию пассажиров! Над Иркутском по-прежнему туман! Ждите сообщений!». Да, придётся без завтрака. Толь-

ко душ, переодеться — и сразу в институт. А время продолжает уходить. Семь часов, восемь, полдевятого, девять. «Граждане пассажиры! Вылет задерживается из-за тумана. Ждите сообщений!» Теперь только в гостиницу одной ногой — бросить вещи, наспех надеть костюм — и скорее на доклад. А если отсюда домчаться в Иркутск на попутке? Нет, выйдет ещё дольше. Приходится покориться судьбе.

Наконец, объявлена посадка. Летим в Иркутск. Это — уже время моего доклада. Поминутно подношу к глазам часы, представляя себе заседание секции. Объявляют мой доклад. Где докладчик? Кто-нибудь его видел? Все пожимают плечами. Эй, подождите, я уже иду на посадку! Здесь я уже, здесь! Рывком хватаю с багажной ленты чемодан и бегу к выходу. Обгоняя всех, мчусь прямо через лётное поле вон к той калитке, за которой остановка маршрутного такси. Мне в такой-то институт! Да, побыстрее! Чёрт побери, институт на вершине сопки. Бегу прыжками вверх с огромным чемоданом — мокрый как мышь, взмыленный, растрёпанный, небритый, одетый словно бомж, со всклокоченными волосами и синим цветом лица после бессонной ночи. Вбегаю, наконец, в институт.

— Вы участник симпозиума? На регистрацию, пожалуйста, сюда!

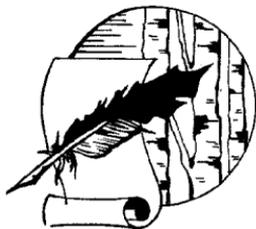
— К чёрту регистрацию! Где проходит такая-то секция? Ещё идёт? Где, в какой аудитории?

Бросаю у стойки регистрации чемодан с красивым костюмом внутри и бегу на указанный этаж. Пот льёт градом, вены вздулись, ртом хватаю воздух. Врываюсь в зал заседаний. Кто ведущий? Вон тот? Подбегаю. Да, я такой-то! Да, доклад сорок минут назад, я только что из аэропорта, самолёт опоздал! Все доклады на моей секции просто сдвинулись назад, и дырка во времени размером в мои законные двадцать минут кочует от одного докладчика к другому. Ведущий, наконец, встаёт:

— Товарищи! Только что прибыл наш уважаемый гость из Москвы!

Бегу к трибуне и начинаю своё выступление. Слава Богу, секция моя ещё не закончилась.

Вот так! Жизнь всегда непредсказуема. Никогда не знаешь наперёд, не ждёшь ни сном, ни духом, что окажешься вдруг в Улан-Удэ. Где весёлые буряты будут смотреть на тебя с лукавым прищуром своих восточных глаз. И дорогой товарищ Агостиньо Нето ласково подмигнёт тебе с чёрно-белой фотографии...

Николай РАЧКОВ

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

* * *

Пусть многие в странной остуде
Забыли фамильную честь.
Но есть ещё русские люди,
А значит — и Родина есть.

Возьмёмся же за руки, братья,
Посмотрим друг другу в глаза.
Сгребла нас в лихие объятия
Опять мировая гроза.

«Распни!» — не сдержась, закричали,
Чего уж там о мелочах.
И крест исполинской печали
Не мы ли несём на плечах?

Родные! Нас мало. И доля
Пробита известным гвоздём.
Земля станет мёртвой от горя,
Когда мы уйдём...

ГЕНЕРАЛ СКОБЕЛЕВ

Знал боевой солдатский строй,
Где ни случись беседа,
Что там, где Скобелев-герой,
Там слава и победа.

Об этом помнят до сих пор
И Туркестан, и Плевна,

Где штык решал известный спор
Стремительно и верно.

В пороховом дыму, в огне,
Как грозная комета,
Летел на белом он коне
Перед полками света.

Не красовался, не играл,
Не ждал за подвиг платы.
«Вот генерал так генерал!» —
И шли в огонь солдаты.

Он за редутом брал редут,
Но обронил за чашей:
«Я слишком русский. Не дадут
Мне жить в России нашей...»

Он службу мог бы сослужить
Великую Державе.
Но он был прав. Не дали жить
Ему в растущей славе.

Какая тьма со всех сторон
Нагрянет — видел это.
Был отнят у России он
Как полководец света.

Но и в незримой стороне
Не позабыт он нами:
...Летел на белом он коне,
Летел перед полками!

* * *

Белые — красные, красные — белые,
Все были храбрые, все были смелые.

Все у России сыны были кровные,
Да вот дорожки достались неровные.

Шли напролом, на ухабы досадуя,
Все спотыкались, в историю падая...

Красные — белые, белые — красные,
Что же такие вы все несогласные?

Кровь-то у всех не случайно солёная,
После неё только травка зелёная...

* * *

Мне не найти следа
там, где моя гармошка,
И плача, и смеясь,
рвалась из-под руки.
Мне хочется туда,
где тополь у окошка,
Мне хочется туда,
где рожь и васильки.

Не объяснить тоски,
а может, и не надо.
Давно забыть пора,
что сквозь года пронёс:
Пожатие руки
твоей у палисада
И робкий взмах ресниц,
волнующий до слёз.

Ни васильков, ни ржи...
И грустно мне немножко,
Что воцарилась новь,
былое заслоня.
И всё же я там был,
была моя гармошка,
И ты была, тогда
любившая меня.

ЛУЖСКИЙ РУБЕЖ

...И обнажилась, огнём полыхая,
В армии нашей смертельная брешь.
Враг шёл победно, бронёй громыхая,
Но обломился о Лужский рубеж.

Лужский рубеж — батальоны и роты,
Грозных, прицельных орудий стена.

Лужский рубеж — ленинградской пехоты
Воинский подвиг на все времена.

Спят в этих далях сквозь годы и даты
Ни перед кем с той поры не в долгу
Насмерть стоявшие наши солдаты,
Не уступавшие пяди врагу.

Спят и в песке, и в болоте, и в глине...
Нет, не исчезнет в преданьях теперь
Бешенство Гитлера в волчьем Берлине,
Не ожидавшего страшных потерь.

Стал неприступным, вошедший в балладу,
Город, от ветра балтийского свеж.
Дал подготовиться в бой Ленинграду
Лужский рубеж,
Лужский рубеж.

МАЙОР

Он горькую пил, этот старый майор.
Блуждал где-то в прошлом израненный взор,
В том огненном пекле:
«Вторая Ударная? Это кремень.
Мы шли на прорыв то ли в ночь, то ли в день,
Не помню — ослепли.

Ослепли от взрывов фугасных и мин.
Плевали на Власова — сукин он сын.
Мы шли на погибель...»
Всё ниже клонилась, сутулясь, спина.
Он бредил. И еле держал ордена
Изношенный китель.

Без устали цепи выкашивал дот.
Из той мясорубки, из шедших двухсот
Их вырвалось трое.
Их били свои по зубам и под дых.
«В штрафную! — кричал особист. — Всех троих,
Вот там — все герои...»

Седой, как полынь, в ста смертях закалён,
Гвардейский он вёл на Берлин батальон.

Но нет горше темы:
«Постойте. На Сталина зла не держу.
Он вождь, и когда бы ослабил вожду, —
Погибли бы все мы...»

Изнадал наветов удушливый чад.
«За что ж меня власовцем люди кричат?
Мне так, братец, плохо...»

Какая война! И какая страна!
Какие сверкнули во мгле имена!
Какая эпоха!

* * *

Я думал: умерла война
В том самом сорок пятом годе,
Когда польнь, пьяней вина,
В слезах качалась в огороде.

Я думал: умерла война,
Когда пришёл сосед безногий,
И плакала его жена,
Обняв солдата на пороге.

Я думал: умерла война...
Но вот с гнилого встав матраса,
Она взглянула из окна
В упор глазницами Донбасса.

Я думал: умерла война,
В крови солдатской утонула,
Зарылась в пепел... А она
Всего лишь только отдохнула.

* * *

Я вам о славе,
я о мире прежнем,
Который ныне где-то вдалеке...
Я говорю на русском, на безбрежном,
А не на зарубежном языке.

Его нетленный клад, его основу
Священная держала лития.

Я, к слову, уважаю вашу мову,
Но в мове нет державного литья.

А потому, когда распались скрепы
Любви и дружбы, помните о том,
Что недруги лукавы и свирепы,
Что, разделившись,
может рухнуть дом.

Падут опоры. Разорвутся нити.
Кто вас поймёт среди вселенских драм?
Не отвергайте русский.
Берегите.
Ещё не раз он пригодится вам.

ПАРАД 9 МАЯ

Вместе с живыми и павшие встали
В нашем Бессмертном полку..
Сколько и крови,
и крупповской стали
Видел народ на веку!
Небо в дыму. Пепелища. Могилы.
Голод и холод в дому.
Но поднялись светоносные силы
И одолели тьму.
Помните, фюреры и бонапарты,
К новой готовясь войне:
Брошены будут все ваши штандарты
К нашей Кремлёвской стене.
Ни под какой чужеземной пятою,
Знайте, не будет страна.
Ей и свободной стоять, и святою
Долго —
на все времена.

ЧИТАЯ БИБЛИЮ

— Что в Вавилоне?..
— Торгуют, глумятся,
Пляшут, поют, в чужеземье стремятся,
Буйствует знать, торжествуют пороки,
Лживы вожди и продажны пророки,

Души открыты безверью и блуду..
— Я им потворствовать больше не буду.
Я утоплю их в крови и во пепле,
Сделаю так, чтоб оглохли, ослепли,
Чтоб до печёнок их всех прознобило!..
— Господи, это не раз уже было..
— К Небу приближу и храмы построю,
Новую, вечную жизнь им открою,
Дам я им новое Слово Завета..
— Господи, разве поможет им это?..

* * *

Живёт в душе средь песнопений,
Среди волнений и тревог
Есенин — музыкой осенней
И зимней музыкаю — Блок.

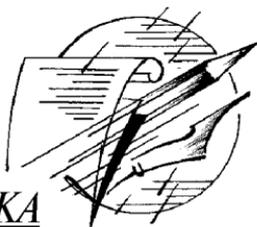
И Лермонтов — как дух поэта,
Когда кипят страстей грома.
И Пушкин — ощущеньем света,
Когда владычествует тьма.

г. Санкт-Петербург

ТАРАС ШЕВЧЕНКО И БАНДЕРА

Обучаясь в средней школе, я вынужден был «учить» украинский язык и «проходить» украинскую литературу, поскольку дело было в Ялте, отданной Никитой Хрущёвым вместе со всем Крымом Советской Украине под ее оккупацию, продлившуюся 60 лет. Учились мы на русском языке, но стихи украинских поэтов должны были читать и запоминать на том говоре, на котором они были написаны. Разумеется, первым по списку шёл Тарас Шевченко, поэт средний, невнятный, стихи которого лишены глубокого поэтического содержания. Тогда я так, конечно, не мог сформулировать своё отношение к главному классику украинской литературы, но прекрасно понимал, что стихи его по сравнению со стихами Пушкина попросту никакие. А нам объясняли, что это великий поэт, украинский Пушкин, светило, исполин духа и корифей.

Мы учили его «Заповит» («Як умру, то поховайтэ мэнэ на могиле, сэрэд стэпу широкого, на Вкраине мылой», который заканчивался строчками: «Поховайтэ та вставайэе, кайданы порвытэ, и вражою злою кровью волю окропятэ»), и узнавали от учительницы, что «поховайте» — это «похо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

роните», а не «спрячьте» или «сохраните», потому что на самом деле «ховать» по-малороссийски — значит «прятать» (на украинских вокзалах на дверях камер хранения висели таблички: «камера схову»), а «могила» на мове — это курган. Что же касается пожелания рвать кайданы (цепи) и кропить вражеской злой кровью волю, то мы даже не вдавались в смысл этого людоедского призыва, удовлетворяясь объяснением: Шевченко был революционером и таким образом боролся с царизмом.

Именно за его «революционность», за поношение царизма и вообще русофобию Тараса так любили украинские националисты, всевозможные «демократы» того времени и революционеры, а также будущие большевики, во главе которых (особенно при Ленине) собственно русских было меньшинство. Именно поэтому, а не за его поэтический вклад в мировую словесность его именем названы улицы, площади, набережные, населённые пункты — в одном только Казахстане два города на Каспии носили (в советское время) имя этого деятеля: Форт-Шевченко и просто Шевченко, а также район, аулсовет, рыбколхоз, национальная галерея, три школы и даже морской залив, не говоря уже об улицах. В каждой столице каждой советской социалистической республики, в каждой автономной республике были улицы и площади его имени.

Что же касается и России, то в ней, насколько мне известно, улицы, площади, бульвары, набережные имени Тараса Шевченко, к нашему стыду и радости украинских националистов, так и остались непереименованными. В городе Душанбе, столице советского Таджикистана, я жил одно время на улице Шевченко, хотя о существовании таджиков и тем более о возникновении в будущем Таджикистана малограмотный Тарас, скорее всего, и не подозревал. Как и таджики — о нём. На Украине же количество памятников ему зашкаливает и превышает количество памятников всем остальным деятелям культуры, установленным во всём остальном бывшем Советском Союзе.

Практически в каждом городе Крыма от Ялты до Керчи (о которых Шевченко даже не читал, потому что читать не любил), никогда не имевшем никакого отношения ни к Украине, ни к украинской культуре, ни к самому Шевченко, вот уже два года как возвратившемся в состав России, по-прежнему стоят унылые памятники человеку, ненавидевшему всё русское. Кроме, разве что, денег.

Про Киев и говорить нечего. Количество больших и маленьких памятников Тарасу там вообще трудно подсчитать: в сквере имени Шевченко на бульваре Шевченко напротив киевского университета имени Шевченко, где, как и в любом украинском университете, имеется кафедра шевченко-

ведения. (Интересно, на каком языке на таких кафедрах изучают основное его литературное наследие, на 80% созданное по-русски? Ведь русский язык в университете запрещён!). Огромный бюст Шевченко можно без труда обнаружить и в киевском театре оперы и балета имени Шевченко и ещё в огромном количестве культурных и присутственных мест.

Тарас Шевченко был человеком в общем-то невежественным (посмотрите хотя бы представленные в книге Олеся Бузины «Вурдалак Тарас Шевченко» ксерокопии фрагментов его рукописей). Он был «мобилизован» большевиками почти сразу после захвата власти. Памятник ему как «великому деятелю социализма» был по распоряжению Ленина поставлен в Москве уже в 1918 году.

Но революционером он не был. Да, участвовал в тайном обществе, которое называлось «Кирилло-Мефодиевское братство» — полонофильская организация, существовавшая в Киеве и ставившая утопические задачи. Главой «братков» был полтавский дворянин Гулак. В числе около тридцати входивших туда молодых людей, кроме Шевченко, были Костомаров и Кулиш. Когда «братство» разогнали, всех, опять же кроме Шевченко, сослали в разные города, чтобы они не могли общаться между собой. Но не на Камчатку или в Магадан, а во вполне цивилизованные места: Кулиша — в Тулу, где он написал, в частности, «Записки о жизни Н.В. Гоголя», а Костомарова — в прекрасный город Саратов, где он благополучно закончил монографию о Богдане Хмельницком.

В солдаты определили одного только Шевченко. Чем же конкретно провинилось будущее светило украинской поэзии? Вот что пишет в своих заметках генерал Дубельт, начальник штаба корпуса жандармов: «В 1847 году был обнаружен заговор некоторых малороссиян против правительства... При осмотре бумаг этих господ найдены в портфеле Шевченки дурно нарисованные, самые безнравственные картинки, большая часть из них составляла карикатуры на особ Императорской фамилии, и, в особенности, на государыню императрицу, и самые неблагопристойные стихи насчёт её величества. Когда спросили Шевченку: что это? он отвечал: «Простите, вперёд не буду!». (Журнал «Голос минувшего» № 3 за 1913 г., цитата по кн. Олеся Бузины «Вурдалак Тарас Шевченко».) А вот цитата из приговора суда: «Художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений как одарённого крепким телосложением определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений...»

Кстати, в большой степени за деньги именно царской семьи был выкуплен из крепостного состояния молодой способный художник Тарас Шевченко. (Он действительно был неплохим художником. В 1988 году я видел большое количество его рисунков, сделанных на Арале, в музее Тараса Шевченко каракалпакского города Муйнака.) Олень Бузина, ссылаясь на документы, пишет: «Имеется и соответствующее свидетельство в камер-фурьерском журнале — дневнике, описывающем каждый день императорской семьи. Императрица потратила на лотерею четыреста рублей, наследник престола Александр Николаевич и великая княгиня Елена Павловна — по триста. Остальные тысячу четыреста доплатили гости. И уже через восемь дней полковник в отставке Павел Энгельгардт документально засвидетельствовал, что даёт свободу своему крепостному».

Хорошо же отблагодарил своих освободителей Тарас, особенно императрицу! Посвятил ей порнографические рисунки, в своих стихах назвал её «сукой». Даже император возмущался. Но, как говорят поляки, а вслед за ними и украинцы, «из хама не будет пана». Правда, иногда «светило» трезвело (многочисленные свидетельства говорят о том, что Шевченко был запойным алкоголиком; он умер в возрасте 47 лет вследствие хронического цирроза и хронической же гонореи) и начинало каяться: «Эх! То-то було б, дурний Тарасе, не писать було б поганых виршив та не впиваться почасти горилочкою, а учиться було б чому-небудь доброму»... (В письме к Гулаку-Артемовскому, 15 июля 1853 года.) Любопытно в этом смысле смотрится его же поэтическое заявление: «Караюсь, мучаюсь, алэ нэ каюсь». Каялся, каялся!

Любопытен в этом смысле его «Дневник», пропитанный желчью и, как точно выразился Гоголь о его стихах, дёгтем. И ложью. «Дневника», по естественным причинам, Гоголь прочесть не мог. Хотя, вроде бы, зачем врать самому себе, ведь дневник, вроде бы, вещь глубоко личная, интимная? Но, с другой стороны, имеются там и весьма примечательные признания. «Я и прежде не был даже и посредственным живописцем». (Запись от 26 июня 1857 г.) «...Я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил (абсолютная неправда. П.И. Мартос вспоминает: «...с изданием «Кобзаря» у Тараса завелись грошенията». — В.З.) и за которые наконец лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я всё-таки втихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тиснении (разумеется, под другим именем) этих плаксивых, тощих детей своих». (От 1 июля 1857 г.)

Работая над своей книгой «Аральский тупик», я узнал, как замечательно «ссылный, будущий украинский поэт рядо-

вой Т.Г. Шевченко», (так его именует И.С. Зонн в «Аральской энциклопедии», написанной совместно с М.Г. Гланцем и изданной в 2008 г.), проводил время своей службы. «Рядовой Русской армии был включен в описную Аральскую экспедицию А.И. Бутакова в качестве художника, чтобы зарисовать все берега, острова, проливы, селения, местных жителей». Тем самым Алексей Иванович нарушил требование самого императора находиться опальному художнику «под строжайшим надзором и с запрещением писать и рисовать». А фотографию ещё не придумали. Летом и осенью 1848 года в составе экипажа из 27 человек на шхуне «Константин» Шевченко обошёл весь Арал, тогда ещё богатый рыбой и плодородный. Капитан Бутаков описал северный, западный и южный берега моря, а позднее открыл множество островов, ныне не существующих. Позднее в Оренбурге он составил первую карту моря в проекции Меркатора, приложив к ней альбомы с рисунками. И получил выговор императора за привлечение рядового Шевченко к работе.

Служба начиналась увлекательно и весело. Когда он вернулся в Новопетровское — укрепление на полуострове Мангышлак, то и там его было особенно не обременён. Как пишет он в дневнике, за всё время десятилетней службы не выучил ни одного ружейного приёма. И при этом сетует, что ему не присвоили даже какого-нибудь унтер-офицерского звания. А ведь он был определён на службу «с правом выслуги», то есть мог закончить свою армейскую эпопею прапорщиком, а значит — и дворянином. По свидетельству самого Шевченко, жил он отдельно от остальных солдат (а летом вообще «под вербой», где у него был даже огород), ходил, как правило, в штатском, ел и пил, что хотел (деньги ему присылали). Да ещё и заказные портреты офицеров и их жён делал, тоже совсем не бесплатно.

Рядового Т.Г. Шевченко принимали у себя дома комендант Новопетровского укрепления А.П. Маевский, а потом сменивший его И.А. Усков. Все свои русские повести числом восемь штук он написал там и там же начал дневник, кстати, тоже по-русски. Все его сочинения прошли существенную редактуру, так как автором он был во всех отношениях крайне неграмотным — даже свои имя и фамилию писал с маленькой буквы. А вот отчество почему-то с большой — классик украинской литературы не имел никакого представления о синтаксисе и пунктуации. Заинтересовавшись дневником (дурно написанным, это очевидно и после основательной редактуры), я понял, что вообще-то Тарас Шевченко — русский писатель, а не украинский. Кроме повестей, он извлял одну очень слабую пьесу (до сих пор ни один театр не решился её поста-

вить), и даже стихи писал на русском языке. Правда, тоже весьма посредственно. Но поскольку многие русские литераторы и художники, благодаря его хозяину Энгельгардту (тот заметил тягу Тараса к рисованию и даже отправил его, ещё крепостного, учиться в Варшаву; это потом, став свободным, он получил право учиться в Академии художеств), с самого начала носились с ним, как с писаной торбой. Первая же вышедшая под его именем книжка стихов не осталась незамеченной. Малороссийская община Санкт-Петербурга тут же провозгласила Шевченко самородком и гением, серьёзные же люди считали иначе. Белинский отреагировал на «Кобзаря» так: «Если господа Кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотчичей, то в этом они очень ошибаются; их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всем плохим пиитам, часто нисколько не народные, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, следовательно, по всем этим признакам — они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего». Н.И. Ульянов замечает: «Лет через сорок почти то же самое повторил Драгоманов, полагавший, что «Кобзарь» «не может стать книгою ни вполне народной, ни такой, которая бы вполне служила проповеди «новой правды» среди народа». Тот же Драгоманов свидетельствует о полном провале попыток довести Шевченко до народных низов. Все опыты чтения стихов мужикам кончались неудачей».

Автор этих драматических заметок подтверждает, что и в начале двадцать первого века мои попытки выяснить отношение к поэту Шевченко считающих себя украинцами граждан Украины, которые нигде, кроме, как в школе, его не читали, заканчивались тем же: собеседники заявляли хором: не читали, потому что «скучно и ни о чём».

Будучи в ноябре 2015 года в составе группы писателей в обстреливаемом вооружёнными силами Украины городе Горловка Донецкой Народной Республики и выступая там в центральной библиотеке им. Т.Г. Шевченко, я поинтересовался у присутствующих, читал ли кто-нибудь из них — после окончания школы — стихи этого классика и основоположника. (В зале находилось человек сто, и все — не с улицы люди: поэты, прозаики, журналисты, преподаватели, студенты, библиотекари...) Поднялось две руки, а потом, как-то нерешительно, третья. Всё.

Мнение Гоголя о Тарасе известно, наверное, всем, кто читал Гоголя и слышал о Шевченко. Г.П. Данилевский, тогда молодой писатель, пишет в своём «Знакомстве с Гоголем»,

как они посещали вместе с профессором Московского университета О.М. Бодянским Николая Васильевича: «А Шевченко?» — спросил Бодянский. Гоголь на этот вопрос с секунду помолчал и нахохлился. На нас из-за конторки снова посмотрел осторожный аист. «Как вы его находите?» — повторил Бодянский. — «Хорошо, что и говорить, — ответил Гоголь, — только не обидьтесь, друг мой... Вы — его поклонник, а его личная судьба достойна всякого участия и сожаления...» — «Но зачем вы примешиваете сюда личную судьбу? — с неудовольствием возразил Бодянский. — Это постороннее... Скажите о таланте, о его поэзии...» — «Дёгтю много, — негромко, но прямо проговорил Гоголь, — и даже прибавлю, дёгтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Да и язык...» Бодянский не выдержал, стал возражать и разгорячился. Гоголь отвечал ему спокойно. «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, — сказал он, — надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племён. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какую является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров. А вы хотите провансальского поэта Жасмена поставить в уровень с Мольером и Шатобрианом». — «Да какой же это Жасмен? — крикнул Бодянский. — Разве их можно равнять? Что вы? Вы же сами малоросс!» — «Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, — продолжал Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь на неё спиной, — нетленная поэзия правды, добра и красоты. Я знаю и люблю Шевченко как земляка и даровитого художника; мне удалось и самому кое-чем помочь в первом устройстве его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они всё ещё дождывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой невозможно. Нет, Осип Максимович, не то нам нужно, не то. Всякий пишущий теперь должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицом Того, Кто дал нам вечное человеческое слово...» Долго ещё Гоголь говорил в этом духе. Бодянский молчал, но, очевидно, далеко не соглашался с ним. «Ну, мы вам мешаем, пора нам и по домам!» — сказал наконец Бодянский, вставая.

Шевченко, этот воинственный и кровожадный монстр малороссийской, с позволения сказать, словесности (его творчество на русском языке мы здесь не рассматриваем не

потому, что действительно скучно, а потому, что речь идёт о Шевченко — певце казачества и, как бы сейчас выразились, певце терроризма), практически везде пишущий только об одном («Як Москали, Орда, Ляхы Былысь с Козаками»), оказался очень везучим человеком. Вначале ему повезло, что он попал в «казачки» к Энгельгардту, потом, уже в Петербурге, его обнаружил срисовывающим в Летнем саду статуи художник Сошенко, потом русские аристократы подарили ему свободу, и не просто аристократы, а такие знаменитые тогда уже люди как скульптор И.П. Мартос, Брюллов, Жуковский (в то время — воспитатель наследника престола), и он смог поступить в Академию художеств, и так далее.

Шевченко стал учеником Брюллова и уже неплохо зарабатывал. И как-то к нему зашёл заказать свой портрет Пётр Иванович Мартос, малороссийский помещик и крепостник, отставной штабс-ротмистр, принимавший в 1831 году участие в подавлении польского восстания. Этот «непрогрессивный» человек обратил внимание на разбросанные на полу исписанные бумажки, не поленился поднять некоторые из них и прочесть. Оказалось, это стихи. Неизвестно, почему, но он, никогда не занимавшийся издательским делом предложил выпустить их отдельным изданием. Мартос их подправил, привлек к этому делу поэта Евгения Гребёнку (помните «Очи чёрные, очи страстные»? — его), писавшего также и по-малороссийски, тот отредактировал полуграмотные строчки, где-то что-то дописал, и книжка под названием «Кобзарь» в 1840 году увидела свет. За счёт Мартоса, разумеется. Случай в мировой истории не просто редкий, но редчайший. Позднее шефство над Шевченко взял Кулиш, тогда — воинствующий украинский националист, но человек образованный во всех, пожалуй, отношениях — этнограф, историк, литератор. И уже он редактировал Тараса.

Пантелеймон Александрович — тот самый кирилло-мифодьевец, который, прожив долгую жизнь (почти восемьдесят лет), постоянно менял свои взгляды, оставаясь, впрочем, по убеждению республиканцем. Будучи не просто редактором, но апологетом шевченковской поэзии (он даже сравнивал его с Шекспиром!) в середине своей жизни, к сожалению, уже после смерти Шевченко, в результате длительного и серьёзного изучения истории Малороссии, он, по мнению Костомарова, «совершенно изменил свои воззрения на всё малорусское — и на прошедшее, и на современное». Музу своего друга Тараса Кулиш теперь называл «полупьяною и распущенною», а тень поэта, по его же словам, «должна скорбеть на берегах Ахерона о былом умоизступлении своём».

К Пантелеймону Кулишу мы ещё вернёмся, а пока обратимся к собственно поэтическому творчеству главного украинского поэта и «мыслителя». В стихах человека, провалявшего дурака в течение десяти лет в армии и в полном смысле этого слова не нюхавшего пороха (вот строки из его «Дневника»: «Я не только глубоко, даже и поверхностно не изучил ни одного оружейного приёма. И это льстит моему самолюбию...»), обнаруживается столько насилия и крови, зачастую бессмысленно пролитой, что... просто диву даёшься. Его любимые герои — гайдамаки, они же запорожцы. Взглянем на последствие победы такого бандформирования с точки зрения поэта: зашло солнце, убитые, естественно, не встали, вороны летят с полей, чтобы их съесть, и начинают выклевывать глаза, а казаки заводят песню:

*Прокынулысь ляшкы-панкы,
Та й не повставалы:
Зийшло сонце — ляшкы-панкы
Покотом лежали.*

*Закрякалы чорни крукы,
Выймаючы очи;
Заспывалы козаченькы
Писню тийи ночи...*

Из экономии места цитирую в строку: «Вси поляглы, вси покотом; Ни души живої Шляхэтської й жывидської. А пожар удвое Розгорився, розпалався До самої хмары. А Галайда, згай, гукає: «Кары ляхам, кары!» Мов скажэный, мэртвых рижэ, Мэртвых виша, палить. «Дайтэ ляха, дайтэ жыда! Мало мэни, мало! Дайтэ ляха, дайтэ крови Наточыть з поганных! Крови морэ... мало моря...»

Такие вот восторги поэта и «мыслителя». Думаю, исследователи творчества Шевченко проходили мимо этих строк.

Другой пример освободительной борьбы по-шевченковски: «Максым рижэ, а Ярэма Нэ рижэ — лютуе: З ножэм в руках, на пожарах И днюе й ночуе. Нэ мылуе, нэ мынае Нигдэ ни одного...» Ещё в одной поэме рассказывается, как гайдамаки разрушили католическую школу и «добрэ погулялы»: «...об каминня Ксьондзив розбывалы, А школярив у крыныци Жывых поховали» (в колодце живых похоронили). В другом месте желания автора, даже не тайные, а вполне себе явные, высказывает его герой Гонта: «Крови мэни, крови! Шляхэтської крови, бо хочэться пыть, Хочэться дывытысь, як вона чорние, Хочэться напытысь...»

И так далее в том же духе. Жажда крови проходит лейтмотивом через всю его поэзию. С другой стороны, а чего ждать от человека неверующего, каким и был Тарас Григорович? Он не раз подтверждает свой атеизм: «Бо немає Господа на нэби!» И даже осуждает Христа: «Отым кыргызам, отже й там Ей же богу, луччэ жыты, Ниж нам на Украины. А можэ, тым шо кыргызы, Щэ нэ хрыстыяны?... Наробыв ты, Хрыстэ, лыха!» Но в очередной раз протрезвев, снова кается: «Нэ нарикаю я на бога, Нэ нарикаю ни на кого, Я сам сэбэ, дурный, дурю, Та щэ й спиваючы...»

Не был он чужд и плагиату. Можно было бы сказать, что это всего лишь парафраз, но для человека без гуманистических идей... вряд ли. Сравните возглас пушкинского Сальери: «Нет правды на земле. Но нет ее — и выше». А вот Шевченко: «Нэма раю на всий земли, Та нэма й на нэби».

Рассматривая поэму «Гайдамаки», персонажи которой «визжащим кровожадным гопаком влетят в чахоточную украинскую литературу», Олесь Бузина пишет: «Стоит ли удивляться, что в Гражданскую войну, через семьдесят лет после написания «Гайдамаков», Украину снова зальют кровью, словно решив разыграть в лицах шевченковскую поэму?» Олесь Бузина имел в виду Гражданскую войну начала XX века. Когда он писал свою книгу, о новой гражданской войне, начавшейся в 2014 году, мало кто мог помыслить. На этой войне Олесь Бузина и погиб, как и многие политики, журналисты, писатели — граждане Украины и не только, не желавшие мириться с режимом фашистской хунты.

Человеку, никогда не читавшему Шевченко, может показаться, что автор жаждет крови («Крови мне, крови!... Хочется напиться...») тогда лишь, когда романтизирует «казацкую славу». Но нет. Пожалуй, во всех его сочинениях демонстрируются худшие проявления человеческой природы. Из чистого любопытства полистаем раннюю поэму «украинского светила» под названием «Катерина», нахально (если не сказать — нагло) посвящённую В.А. Жуковскому. Это длинное, глуповатое творение в пяти частях.

Сюжет таков. Некая селянка Катерина «Полюбыла Москалька». По Шевченко (и согласно воззрениям современных украинских националистов), москали — это вообще все русские. Если же верить, например, В.И. Далю и его словарю, «Москаль м. юж. москвич, русский; солдат, военнослужащий». Москаль здесь пишется только с заглавной буквы, так что непонятно — то ли автор демонстрирует величайшее уважение к Москалю, то ли это его, «Москаля», собственное имя. Полюбила, несмотря на предостережения автора, каким начинается поэма:

«Кохайтесь, черноброви! Та не з Москалямы, — Бо Москалямы — чужи люды, Роблять лыхо з вамы. Москаль любить жартуючы; Жартуючы кыне, Пиде в свою Московщиыну, А дивчына гыне...» Мало того, что Катерина не послушала автатора, но «Не слухала Катерина Ни батька, ни ненькы — Полюбыла Москалыка, Як знало серденько».

Нравы в той малороссийской деревне, какую знал Шевченко, были весьма фривольными, а служба у солдата (Москалыка) была, как явствует из «художественного» произведения, ещё свободнее, чем у самого рядового Шевченко позднее: «Клыче маты вечеряты, А донька не чуе (видимо, этот солдат был не только свободен от воинской службы, но и справно кормил возлюбленную, раз она даже ужинать — «вечерять» — домой не считала нужным ходить. — В.З.); Де жартуе з Москалыком, там и заночуе... Не дви ночи кари очи Любо цювала, Покы слава на все село Не добрая стала».

Видать, натуральной пофигисткой была Катерина (чтобы не сказать грубее), как, кстати, и её родители — наплевать им было на то, что она только и делала: «В садочок ходыла», где проводила дни и ночи напролёт; более того — они, родители, даже и предположить не могли, что она не только «кари очи любо цювала». Да ещё — «Москалыку». Если бы, например, был бы свой, деревенский, — проводи ты с ним в «садочку» и дни, и ночи, никто бы не заикнулся о свадьбе, и слава на всё село стала бы куда какой доброй. Но «Москалык»! Да ещё вдруг «Прыйшлы висты не добрыи — В поход затрублы, Пишов Москаль в Туреччыну...»

Она, равно, как и солдат, и предположить не могла, что военнослужащие не только валяются с «чернобровыми» в садочках, а ещё и в походы ходят, поскольку на службе находятся. Сама-то она давно забыла и о том, что работая в аграрном секторе, должна выполнять определённый круг обязанностей, как то: ухаживать за садово-огородными культурами (история, надо полагать, происходила летом, не зимой), воспитывать домашнюю птицу, а то и скотину, если таковая имелась. Тем более: мать с отцом были уже старые, как мы узнаём позднее. Да куда там! Катерине, которой было доподлинно известно, что все солдаты — люди достаточно богатые и все живут в Москве, очень захотелось (наконец-то!) за солдата замуж. Тем более, что «Обицявся чернобровый, Колы не загыне (! — В.З.), обицявся вернуться — тоди Катерина Буде соби Московкою, Забудется горе, — А покы ще, нехай люды, Щи хотять, говорять — Не журытця Катерына!...»

Катерина, дивчина не шибко образованная, никак не подозревала, чем кончаются поцелуи в садочках, и именно поэто-

му совершенно неожиданно для себя в скором времени родила сына. А Москаль-то — отсутствует. Нет бы смотаться ему в Туреччину да и («колы не загыне») обратно, командиры бы, генералы там всякие его бы поняли — Катерина ждёт! Да и то в случае, если бы был это не Москаль. Но Москали — они коварные. В общем, как пишет автор в конце первой части, «Бо вернулись Москалыкы Иншымы шляхамы».

Про реакцию односельчан на забавы Катерины мы уже знаем. Такая же — и на рождение ребёнка: хорошие люди стали смеяться над ней. Остаётся одна надежда на папу с мамой, тем более — единственная дочка. И что же хорошие родители? Мать, со слезами, прошу заметить, интересуется (она же не в курсе дела), когда состоится свадьба — весилья: « — Що весилья, доню моя! А де ж твоя пара? Де свитылка з друженьками, Старосты, бояра? (Любой москаль в описываемое автором время дружил, в основном, со старостами и боярами. — В.З.) В Московщини, доню моя!... Иды ж их шукаты, Та не кажи добрым людям, Що е в тебе маты... Иды ж, шукай У Москви свекрухы...» Не скажет Катерина, что у неё есть мать — какая же это мать, если выгоняет единственную дочь, и без того несчастное существо, с грудным ребёнком на улицу, на верную гибель. Но так называемая мать ещё и издевается: «Дытя мое любе! Иды от нас! — Ледве, ледве (еле. — В.З.) Поблагословыла: — Бог с тобою!» Ну а что скажет отец? «Обизвався старый батько: — Чого ждешь, небого? — Зарыдала Катерина, Та бух иому в ноги: — Просты мени, мий батечку!... — Нехай тебе Бог прощае, Та добрыи люды, Мольсь Богу, та йды соби — Мени лучше буде». В общем, «Осталыся сыротама Старый батько й маты», — сочувствует Шевченко.

А Катерина, промолвив, «не вернусь», отправилась в путь, ночуя «пид тыном» и собираясь. Куда, думаете, шла она? «Поспишала на Московщину». Крыша у неё от такой жизни поехала уже давно, а впоследствии и окончательно слетела. Потому что как только доводилось ей встретить «Москалыков», она начинала приставать к ним с вопросами, не встречали ли они её Ивана. (Дало всё-таки «светило» Москалю имя, правда, в конце III части. Да и то сказать: как бы она пыталась узнать, где же именно её Москаль?) И в очередной раз узнав, что где-то опять объявились Москали, мчалась к ним, не успев одеться («Полетила Катерына И не одяглася»). Однажды встретила она отряд кавалеристов: «По переду старший иде. — Любый мой Иване!.. — Та до иого, за стремена. — А вин подывывся, Та шпорама коня в боки». Долго она убеждала всадника, что он встретил именно её, свою любимую Катрусю, даже сына показать ему принесла. Но коварный

Москаль, проделавший за год или полтора головокружительную карьеру (из простого солдата превратившись в командира отряда конников; правда, воинское звание его Шевченко нам так и не сообщил) однако не согласился с тем, что эта грязная в каких-обносах нищенка его возлюбленная. А была зима. Отряд ускакал в неизвестном направлении. Расстроенная Катерина положила на дорогу ребёнка, проговорив: «Оставайся шукать батька, А я вже шукала...» После этого она добежала до первого попавшегося озера и бросилась в воду, уже тронутую льдом.

Вот такая жуткая поэма. Зато пятая её часть должна внушить читателю (если он доберётся до конца) здоровый оптимизм. В ней появляется идущий «до Киева» кобзарь (куда ж без него!) с маленьким ребёнком. Читатель, конечно, должен догадаться, что именно кобзарь нашёл на зимней дороге не успевшего окончательно замёрзнуть младенца, отогрел его и каким-то образом, как мог, воспитал, чтобы законцевать этукую неумную фантазию. А оживший младенец подлецом оказался появившийся в самом начале Москаль и как чёртик из табакерки возникший в конце. Пока кобзарь дремал, мимо него проехала карета, в которой ехал пан с семьёй. Мальчик проснулся, бросился к транспортному средству с целью выпросить какие-то деньги у проезжего богатого человека. Оказывается, за эти несколько прошедших лет тот самый Москаль, который в самом начале поэмы коварно развлекался с Катериной, стал паном. И, ясное дело, оказался отцом ребёнка: «Пизнав, препоганий, Пизнав тии кари очи, Чорни бровенята, Пизнав батько свого сына... Та не хоче взяты». Всё здесь от начала до конца притянута за уши, но украинское литературоведение упорно считает это плохо написанное сочинение шедевром украинской поэзии.

Но вернёмся к метаморфозе Кулиша. «По его словам, отвержение многого, что написано Шевченко в его худшее время, было бы со стороны общества «актом милосердия к тени поэта».

Осудил Кулиш и свою прежнюю литературную деятельность. Про «Повесть об украинском народе», где впервые ярко проявились его националистические взгляды, он выразился сурово, назвав её «компиляцией тех шкодливых для нашего разума выдумок, которые наши летописцы выдумывали про ляхов, да тех, что наши кобзари сочиняли про жидов, для возбуждения или для забавы казакам пьяницам, да тех, которые разобраны по апокрифам старинных будто бы сказаний и по подделанным ещё при наших прадедах историческим доку-

ментам. Это было одно из тех утопических и фантастических сочинений без критики, из каких сшита у нас вся история борьбы Польши с Москвой» (П. Кулиш, «Крашанка», Львов, 1882). Надобно знать благоговение, с которым Кулиш в ранние годы произносил слова «кобзарь» и «думы», чтобы понять глубину происшедшего в нём переворота... По заключению Костомарова, специально занимавшегося этим вопросом, нет ни одной малороссийской «думы» или песни, относящейся к борьбе казаков с Польшей (до Богдана Хмельницкого), в подлинности которой можно быть уверенным...

Окончательно порвать с украинизмом, которому они посвятили всю жизнь, ни Кулиш, ни Костомаров не нашли в себе сил, но во всей их поздней деятельности чувствуется стремление исправить грехи молодости, направить поднятое ими движение в русло пристойности и благоразумия» (Н.И. Ульянов).

Одним словом, миф о Шевченко начал создаваться ещё при его жизни. Заслуги самого Шевченко в этом нет. Тарас Шевченко — такое же недоразумение, как и само украинское государство. И везение играет здесь, может быть, главную роль.

Многие русские писатели-классики служили в армии. И службу проводили не под вербой, не на собственном огороде и не на берегу моря, а чаще всего на фронтах. Граф Лев Толстой воевал в Севастополе, Бестужев-Марлинский, поэт и декабрист, сосланный на Кавказ, погиб в сражении, в бою погиб Фёдор Фёдорович Тютчев, внебрачный сын великого поэта, причём, в тот самый день, когда ему присвоили звание полковника, а с ним и потомственное дворянство. Достоевский за прегрешения меньшие, чем у Шевченко, отпахал четыре года на каторге, потом ещё служил в солдатах, причём совсем не в тепличных условиях, как наш баловень судьбы. Великий Лермонтов (Шевченко повезло родиться в один год с ним) тоже участвовал в боевых действиях на Кавказе, а не грел своё пузо на берегу моря под вербой, часто в пьянственном недоумении. К тому времени, когда «страдалец» Шевченко успел в соавторстве с Мартосом и Гребёнкой подготовить первое издание «Кобзаря», Лермонтов создал практически всё своё литературное наследие — в самом деле великое...

Это лишь несколько имён, которые нельзя не упомянуть. Но с армией было связано большое число русских писателей, классиков и не очень. Шевченко же, проведший в армии десять лет и не имевший о ней никакого представления, ненавидел всю армию, всех военных, без разбора. Особенно офицеров. Он пишет в дневнике: «Не знаю, случай ли, или оно так есть в самой вещи, только мне не удалось даже в гвар-

дии встретить порядочного человека в мундире... Естественно, что антипатия моя возросла до отвращения». В другом месте: «Сюда приезжают иногда астраханские флотские офицеры (крейсера от рыбной экспедиции). Но это такие невежды и брехуны...»

С другой стороны, чего ожидать от человека, который ненавидел Россию и всё русское, даже не задумываясь о том, кем бы он стал без русских людей, без русских писателей, без русских аристократов, без русских офицеров, без русской культуры, наконец? Очень точно, хотя всего двумя фразами, охарактеризовал Шевченко Александр Широкопад: «Уберите из творений Шевченко русофобию, богохульство и злобу. Что останется в осадке...»

Останется непрофессионализм. Именно это, кроме русофобии, богохульства и злобы, восхищало после выхода первого издания (основательно отредактированного) «Кобзаря» поклонников поэтического творчества Шевченко. Более того, его непрофессионализм умилял их: вчерашний крепостной, которого заметили благодаря его способности к рисованию, нигде не учившийся грамоте, а тоже пописывает стишки, как Пушкин и Лермонтов!

Белинский с Гоголем, независимо друг от друга, непрофессионализм Шевченко заметили сразу и в довольно мягкой манере высказались о нём. В цитатах, указанных выше, непрофессионализм может усмотреть даже не литературовед. Но приведу ещё один пример. Стихи нашего героя «Реве та стогне Днипр широкий, сердитый витер завыва...» слышали многие, хотя бы в виде песни («Ревёт и стонет Днепр широкий, сердитый ветер завывает»), а вот кто-нибудь слышал, чтобы какая-либо великая русская река — не только Днепр, а и Дон, Волга, Енисей, а также нерусские реки Нил, Ганг ревели и стонали? Я вот не слышал, разве что в районе ГЭС да порогов. Да и рёвом назвать такой шум можно лишь с очень большой натяжкой. Но в середине девятнадцатого века ДнепрогЭС украинцам ещё не построили, а потому равнинные реки всегда текли себе спокойно. В отличие от горных. И таких ляпов у Шевченко огромное количество.

Шевченко вне всякого сомнения был редкостным везунчиком. Даже когда напивался в хлам, его и в этом случае обычно не отправляли на гауптвахту. Ротный командир Т.Г. Шевченко Е.Т. Косарев вспоминает такую историю. Офицеры во главе с комендантом крепости решили отправиться на охоту. «Взяли, разумеется, с собой и Тараса», который был одет в пальто, «а на голове имел тростниковую шляпу с широкими полями». Взяли его, надо полагать, для развлечения — рядовой Шев-

ченко неплохо пел, да и сплясать мог. Однако тот на охоту не пошёл, которой не любил, с оружием обращался с трудом, и объявил, что посидит на берегу моря, порисует. Приехали в четыре утра. Комендант велел повару к полудню готовить обед. Вместе с Тарасом оставили казака для подсобных работ и четыре бутылки водки к обеду. Когда, как говорится, усталые, но довольные, вернулись пообедать, то обнаружили рядового Шевченко «в бесчувственном состоянии» и казака, который «лыка не вяжет». «Оказалось, что он с казаком выпили четыре бутылки водки!.. Смеха тут и шуткам не было конца...» Он же, когда протрезвел, отделался нарядом «не в очередь в караул».

На сегодняшней Украине сподвижника Гитлера Бандеру вполне официально называют «Тарасом Шевченко XX века». По логике вещей получается, что «Бандера — это Шевченко XIX века». День украинской армии с 2015 года на Украине празднуется 14 октября (не на Покров, как некоторые православные могут подумать), а в день образования УПА — украинской повстанческой армии, главой которой и был Бандера, пока её не ликвидировали. И это тоже логично, раз уж Шевченко провозглашён идеологом всякого рода действующих на Украине нацистских сил, запрещённых в России (а до недавнего времени и на Украине): УНА—УНСО, ВО «Свобода», СНА, «Правый сектор», «Тризуб», «Патриот Украины», «Белый молот» и т.п.

Интересно, если кто ещё не заметил, что украинский национализм изрядно отличается от всех других национализмов. Основа, стержень и, может быть, само содержание украинского национализма — пещерная ненависть к России и ко всему русскому: языку, культуре, к русскому народу как таковому. Любой другой национализм проповедует борьбу за свою свободу, но т.н «украинские националисты» всю свою историю всячески увёртывались от независимости — и при Богдане Хмельницком, и при Бандере, и при Порошенке. Так, получив в 1918 году из рук большевиков во главе с Лениным государственность в рамках Советского Союза, а затем из рук уже некоммунистического правительства России в 1992-м подлинную «незалежность и самостийность», — тут же легли под США и Евросоюз. Лишь бы против России.

Ненависть к русским в «незалежной» прививается уже в детском саду и школе, причём в такой извращённой форме, что даже Тарас Шевченко (которого без русских, русского языка и русской культуры никто бы и знать не знал), пожалуй, в гробу перевернулся бы. Полистаем смеха ради последний учебник истории для пятого класса украинских школ, победивший на конкурсе лучших учебников для 5-го клас-

са. Как всем известно, в 1918 году была создана советская Украина, границы которой советская власть постоянно расширяла. Но в учебнике толкуются детям, что «с 1918 г. продолжалась война большевистской России против Украины. Уже первые бои засвидетельствовали неслыханную жестокость новой российской власти...» Однако если война «продолжалась», то когда же она началась, ведь до 1918 года никакой Украины как государства не было? Дальше детям вдалбливается бред бывшего президента Ющенко о голодоморе. Согласно этому учебнику: «За одну только зиму—весну 1932—1933 г. на плодороднейших украинских землях от голода умерло 7—10 млн. душ». Заметим, что к этому времени территория УССР приросла Харьковской областью, Донбассом, частью Ростовской области, другими землями, увеличившись в несколько раз за счёт русского населения. При этом Западная Украина и Закарпатье, где существовало украинское население, входили в состав Польши, Румынии и Чехословакии. Интересно было бы узнать, как «новая российская власть» отделила «украинских хлеборобов» от «неукраинских», чтобы морить голодом именно «украинских»?

Само собой исключительно в розовых тонах показана в учебнике союзная гитлеровскому режиму УПА (Украинская повстанческая армия): «Отряды УПА освобождали украинские города и сёла от фашистских оккупантов, защищали мирное население. Однако советское правительство не хотело, чтобы Украина имела свою армию. Потому, когда в 1943 году (Красной армией. — В.З.) с украинских земель были изгнаны нацистские захватчики, большевики начали воевать с УПА. Эта позорная война против своего народа продолжалась до 1953 г.; она привела к новым жертвам и стала ещё одним свидетельством большевистского террора». Действительно, для бандеровцев война стала и в самом деле позорной — за время существования УПА через неё прошло примерно 100 тысяч человек. Они продолжали зверствовать и после окончания войны в 1945 году (и не только на территории СССР, но и в Польше, Чехословакии, Югославии), уничтожая в основном мирное население и по большей части — украинское. Борьба с пособниками Гитлера не закончилась и после уничтожения Шухевича в 1950 году и была фактически прекращена по указанию Хрущёва в 1953 году. А в 1954-м Хрущёв подарил Украине Крым. Видимо, в ознаменование окончания борьбы с бандеровцами...

Сейчас, когда на Украине наставили памятников Бандере чуть ли не столько же, как в советское время Ленину, возникает законный вопрос: так кто же он такой? Ну, ясное дело,

бандит. А знаменит-то чем? Почему в день его рождения в городах Украины проходят факельные шествия?

Будущий фюрер украинских националистов Степан Бандера — как сказано выше, «Шевченко XX века» — в девятнадцатилетнем возрасте вступил в УВО (Украинскую военную организацию), созданную в Праге в 1920 г. Возглавлял её Евгений Коновалец. В 1929 г. в Вене была учреждена ОУН (Организация украинских националистов), в которой после уничтожения польской полицией в 1934 г. боевиков УВО последняя полностью растворилась. ОУН стала террористической организацией, ставившей целью уничтожение поляков, русских и евреев и представлявшее реальную угрозу. Её лидер Коновалец был уничтожен в 1938 году сотрудником НКВД (в будущем генерал-лейтенантом) Павлом Судоплатовым. Преемником Коновальца стал Андрей Мельник. Бандера в это время отбывал пожизненное заключение за организацию убийства в 1934 году министра МВД Польши Бронислава Перацкого. Оккупировавшие Польшу немцы в 1939-м выпустили его из польской тюрьмы, и он стал после этого агентом абвера. В начале 1940 г. Бандера заявил о том, что принимает руководство ОУН на себя. Сергей Бунтовский, автор книги «Украинская химера. Финал антирусского проекта» (М., 1915) писал: «Конфликт между Андреем Мельником и Степаном Бандерой всё усиливался, и, в конце концов, немцам пришлось вести дела одновременно с двумя соперничающими ОУН. Интересно, как охарактеризовал украинских вождей начальник отдела абвера Берлинского округа полковник Эрвин Штольце: «Если Мельник — спокойный, интеллигентный человек, то Бандера — карьерист, фанатик и бандит».

Хотя абвер и контролировал деятельность ОУН, в погоне за своей мифической властью Бандера, редкостный мерзавец, принялся уничтожать своих же соратников, которые, как казалось ему, делали что-то не так. Немцам пришлось его изолировать. Нередко приходится слышать следующие аргументы в защиту Бандеры: да, он воевал с советской властью, но он же и с немцами воевал, они даже в тюрьму его посадили!

Да, этот мерзавец достал и немцев. (Среди бандитов он был сродни той проститутке, которую выгнали из публичного дома за аморальное поведение.) Да, его изолировали. Но сидел он не в тюрьме, а то ли в пансионате, то ли в гостинице. К нему приходили визитёры, его отпускали в город погулять... Так что «сидел» он хорошо, с комфортом. Даже УПА в конце 1942 г. создавалась без его прямого участия, хотя и по согласованию с гитлеровцами. Когда пришло время, Бандеру от-

правили в Краков, чтобы он показал, на что способен. О зверствах бандеровцев, о тотальном уничтожении евреев и поляков написано много (в Волынской резне убито 200—300 тысяч человек; украинцы вырезали полностью целые польские деревни).

Самого же Бандеру ликвидировали в 1959-м, в Мюнхене, где он скрывался после окончания войны под чужим именем. Но не ликвидировали бандеровщину. Она до сих пор жива. Между прочим, и в России тоже. Конечно, не в таком объёме, как на Украине, но всё же... А для того, чтобы покончить с ней и дать понять Украине как государству (пока оно ещё существует), что с бандеровщиной во всех её проявлениях, в том числе и на Украине, мы, Россия, будем бороться, следует развеять созданный довольно умело миф о Т. Шевченко и культ Шевченко. И вовсе не обязательно сносить ему памятники и переименовывать всё, что связано с этим именем, с таким шумом как это делается в «нэзалэжной» в отношении русских и советских государственных и военных деятелей. Например, в Казахстане избавились от наследия Шевченко тихо и мирно, никто и не заметил. А уж тем более наше молодое поколение даже не знает, кто это такой — «кобзарь» Шевченко. В отличие, например, от футболиста...

...Ну, а если бы отставной штабс-ротмистр Пётр Иванович Мартос не вздумал заказать начинающему художнику Шевченко свой портрет акварелью и не обратил бы внимания на валявшееся на грязном полу его съёмной квартиры бумажки со стишками и не решился бы эти стишки напечатать (тем более что автор был категорически против)... Мартос вспоминает, как тот реагировал на его предложение: «Ой, ни, добродию! Не хочю, далеби що не хочю! Щоб ище побили! Цур йому!» «Много труда стоило мне уговорить Шевченка», — пишет Мартос. Или не попались бы ему, участнику подавления польского восстания, на глаза именно эти полонофобские строки о том, как вороны летят ляшков-панков клевать («Щоб лэтилы круки з поля Ляшків-панків йисты»)...

Олесь Бузина задаётся вопросами: *«Был ли он гением? Нет. Вестником? Несомненно! Иногда через него вещал дьявол. Иногда — Бог. Некоторые пророчества сбылись. Другие — до сих пор висят страшным знаком вопроса, как недозвванной петлёй: «Погибнеш, згинеш, Україно, не стане знаку на землі»... Это не я сказал. Он! Пусть те, кто бьёт ему земные поклоны, помнят это. За их грехи так случится, если они не одумаются».*

МИНИАТЮРЫ

ЦЕЛОМУДРИЕ В ПРИРОДЕ

Из-за деревьев я вышел к воде. Зеркало весеннего разлива отражало закатное небо, всё было тихо в природе, как бывает, когда солнце только-только скрылось за горизонтом, но золото вечерней зари ещё ярко красит небо.

И вдруг, совсем недалеко от берега, я увидел двух неизвестных мне птиц; соприкасаясь клювами, по-лебединому изогнув длинные шеи, они изображали собой как бы сердце.

«Лебеди прилетели? — подумалось мне. — Да ведь в нашем болоте лебеди никогда не жили. Серые цапли — да, гнездились вместе с кряквами и лысухами, но лебеди — никогда.

То, что новая пара на болоте никакие не лебеди я понял, разглядев у них вокруг маленьких голов пушистые воротники из перьев.

Птицы в следующее мгновение увидели меня, погрузились в воду и поплыли в разные стороны. Нет, они не испугались, потому что не взлетели, как делают потревоженные кряквы, но они как будто... смутились, оттого что я подсмотрел такой

ПРОЗА

интимный момент в их жизни. И в подтверждение моей догадки птицы и вовсе нырнули.

Они долго не появлялись на поверхности, наверное, мину-ты три-четыре, а потом вынырнули далеко, метрах в двадца-ти, и уплывали всё дальше и дальше в сторону заката, на глазах превращавшегося из золотого в медный, и там, в даль-ней дали, еле различимые на широком разливе, они опять сотворили своё сердечко...

Я вернулся домой и начал поиск в интернете: что же за птицы прилетели на наше болото? И, конечно, нашёл — это чомги. Вспомнился мне и любимый в детстве том Брема, ещё с ятями, который я листал и перелистывал тысячу раз, — в нём я видел этих птиц, но ныне запомнил название.

И ещё подумал о том, что в самом Божьем мире изначаль-но заложено целомудрие, и интимное чувство любви доступ-но лишь двоим и не терпит соглядатая. Так в дикой природе, но в «цивилизованном» человечестве уже всё изменилось...

В ТЁПЛОЙ ВОДЕ

Я так хотел их увидеть! Почти месяц возвращался на берег, с которого впервые углядел этих необыкновенных птиц, как, заметив меня, они «смутились» и прервали брачный танец. Теперь скользил взглядом по голубой поверхности, но как ни вглядывался, принимая какую-нибудь кочку, или пенёк за-топленного дерева за моих чомг, убеждался — нет, не они...

«Неужели погибли? — думал я. — Неужели навёл кто-то чёрное дуло и бабахнул сдуру?»

Чомги не появлялись.

Уже выплывали из камышей кряквы с многочисленным — до десяти утят — потомством; кружились, вскрикивая, бе-лые чайки, камнем падали на воду, хватая неосторожных ук-леек; из ряски тарасились глазами и надували белые воз-душные пузыри болотные певуны — лягушки; молчаливые, тихие рыбаки таскали золотых карасей.

Чомги пропали.

А нынче я вдруг увидел, что вдоль берега, да прямо на меня, плыли они, родимые! Сам чомг, вытянув шею и расправив во-ротник, зорко осматривал берег; чомга, изрядно похудевшая и без своего некогда роскошного воротника, плыла со стороны большой воды, охраняя четырёх птенцов. Находясь между ро-дителями, детки, как и все дети в мире, играли и баловались. Они ныряли по очереди, а иногда и все четверо одновременно, как бы скрываясь от родительского глаза, потом, выскочив из

воды, трепетали маленькими крылышками, брызгая друг на друга. Чомга, теряя деток из виду, как любая мама, крутила головой и тревожно кудахтала. Чомг, плывя чуть впереди, заворачивал детей к маме и не давал им уплыть далеко.

Так они совершенно спокойно, не стесняясь, а скорее — гордясь собою и детками, проплыли мимо меня и направились к середине реки, где мелководье заросло водорослями, видимо, решив подкормиться.

Светило жаркое июньское солнце, в белых цветочках купыря жужжали пчёлы, в тёплой воде продолжалась жизнь.

КОРОСТЕЛЬ

Замороженный трёхметровыми сплошными заборами, я в конце концов упёрся в тупик, который перегораживал совсем уж высоченный забор, а если сказать точнее — стена, сложенная из кирпича. За стеной злобно лаял, судя по голосу, пёс-алабай. Он охранял замок, который угнетал дома садоводческого кооператива безумной архитектурой и размером.

Я оглянулся — сплошные заборы завели сюда, а сходство со стальным тоннелем нарушали лишь жёлтые одуванчики на обочинах да культияпки обломанной сирени.

«Теперь придётся тащиться обратно, — подумал я, памятуя, что никаких поворотов в пути не было. — Что же делать? Придётся вернуться!»

Брёл, глядя под ноги. Ноги ленились — не люблю возвращаться той же дорогой, которой уже шёл, — люблю двигаться вперёд и вперёд.

И вдруг передо мной на землю, откуда-то сверху, опустилась птичка, похожая одновременно на официантку — аккуратным чёрным передничком, и дирижёра — тоненьким, взмахивающим хвостиком. Трясогузка. Она поворачивала изящную головку и смотрела бусинкой глаза, будто приглашала следовать за собой. Потом, перелетев на метр, опять поворачивала головку. Я шёл за нею.

Так мы прошли метров десять, и птичка остановилась; она тоненько попискивала и дирижировала хвостиком, будто хотела что-то сообщить мне.

И действительно, когда я подошёл почти вплотную, она взлетела и уселась на ветку сирени, а передо мной открылся узкий проход вправо между заборами.

«Странно, — подумал. — Как же я мог пропустить его? Но вот как-то пропустил, да и следуя обратно, если не птичка, скорее всего опять бы проскочил мимо».

Дело в том, что кружа улочками незнакомого кооператива, я задумал выйти к лугу, который пока ещё не застроили коттеджами. Я смотрел на него с другого берега реки, плотно уже застроенного, и решил обязательно побывать там.

Мне хотелось послушать этот луг, как слушал давным-давно подобный, недалеко от дома, в котором родился и провёл детство. Тогда на нашем лугу звенели жаворонки, перепёлки звали — «пить-полоть», «спать-пора», вопрошал чибис «чьи-вы?», «чьи-вы?», а к вечеру невидимый коростель дёргал трещётку. По-другому коростеля так и называли — дергач.

Увидеть коростеля практически невозможно: он не взлетает над травами, а проворно бегаёт между ними с большой скоростью. Сколько раз тогда, в детстве, я пытался его увидеть! Услышав дергача, осторожно, стараясь не шуметь, крался на звук, но коростель замолкал на короткое время, а потом, будто посмеиваясь надо мной, радостно «дёргал» чуть ли не посредине луга. И сколько бы я ни подкрадывался, сколько бы ни кружил среди лугового разнотравья, увидеть загадочную птицу так и не удавалось; луг стрекотал кузнечиками, жужжал шмелями, пчёлами и прочим козявочным народцем... Коростеля разглядывал я лишь на картинке в толстом томе Брема.

И вот, свернув в узкий проход, где трясогузку сменили бабочки — сначала капустницы, а потом два павлиньих глаза — которые вели меня по тропинке вперёд, и действительно, вскоре я обнаружил калитку, закрытую всего лишь на проволоку. Я размотал нехитрую завёртку и распахнул её.

Перед глазами расстилался вожделенный луг, над ним по сводам опрокинутой чаши неба там и сям замерли белые облака, отчего чаша казалась расписанной художником.

Меж белых облаков завитками сияла небесная гжельская синева.

Нынешний луг не поразил меня разнотравьем, росла на нём обычная трава, никаких полевых цветов не видно, не стрекотали кузнечики, не летали шмели и пчёлы, не звенел сверху серебряным колокольчиком жаворонок. Луг дальним правым окоёмом граничил с полосой леса, а по левому его краю шагали раскоряками мачты ЛЭП, которые терялись вдаль, и на горизонте уже выступали дома-этажерки.

Но всё равно глаза радовались открывшемуся простору. Пройдя немного вперёд, я прилёг на тёплую землю, из травы стал следить за белыми облаками, которые медленно всё-таки двигались, рисуя бело-синий узор на небесной чаше.

И уже чудилось мне «небо Аустерлица», когда Андрей Болконский упал на поле боя и смотрел, наверное, на такое же

небо, и в голове моей зазвучали, выученные ещё в школе, строки из бессмертного романа: «...Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу...»

Я чуть повернул голову — по самой высокой травинке взбирался, похожий на семечку подсолнуха, жучок. Цепко перебирая лапками, он, наконец, добрался до вершины травинки, отчего она чуть наклонилась, а жук замер, но вдруг раскинул сначала лакированные, жёсткие крылья, а потом выпустил и сложенные под ними тонкие и прозрачные крылышки эльфа и легко полетел. Полетел в это «бесконечное небо»...

«Не так ли и душа улетит в своё время, — подумалось мне, — чтобы обрести жизнь вечную в том, горнем мире». Кто знает?

И тут мысли мои неожиданно прервались — я услышал знакомую песню.

Коростель радостно крутил свою неповторимую трещётку: трак-трак-трак!

Я слушал и слушал эту незатейливую песню, смотрел в бесконечное небо и ощущал, будто не было у меня такой долгой жизни с её любовями, взлётами и падениями, с детьми и внуками, с неизбежными потерями близких людей, что у меня, такого ещё маленького, почти невидимого в мироздании, всё ещё впереди, и всё ещё будет...

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

К середине лета на болоте всё шло своим чередом: водную гладь затянуло ряской, и, если подойти поближе, то можно услышать дружное чавканье карасей, для которых ряска идёт за витамины; утята крякв подросли до размеров родителей и пробуют крылья; болотные курочки, лысухи и камышницы, продолжают кормить маленьких цыплят — они чёрненькие в отличие от привычных куриных жёлтеньких.

Подросли и чомги. Они тоже вымахали до размеров родителей, но покрыты ещё серо-белым пухом, отчего выглядят нескладными подростками, а на светлых головках остались тёмные полоски. Родители-чомги птенцов кормят рыбой: непрерывно ныряя, вдруг появляются над водой, держа в клюве серебристую рыбку. Неся добычу, чомга, время от времени, окунает рыбёшку в воду, — наверное, для того, чтобы не высохла на воздухе, и птенец ловко выхватывает её из мами-

ного клюва. Почему я решил, что так кормит заботливая мама? А потому, что в отдалении другой родитель, поймав рыбку, в клюв птенцу её не суёт, а опять ныряет около, заставляя нырнуть и дитятку, и там, под водой, он, наверное, отпускает рыбку у самого его носа, предлагая поймать самому. Мне думается, что так ведёт себя папа-чомг, дающий уроки жизни.

У дальнего берега, среди мёртвых деревьев, в задумчивости стоит одинокая серая цапля. Она не случайно выбрала это место, потому что по цвету слилась с сухими деревьями и обнаружить её довольно трудно. Я просто знал, что она там где-то должна быть, потому и увидел. Но и она заметила меня, или блеснули стёкла бинокля, отчего птица неторопливо и грациозно взмахнула огромными крыльями и перелетела на новое место, где её надёжно скрыли заросли камыша.

И вдруг, продолжая осматривать поверхность воды, взгляд мой выхватил новую пару чомг. Самка, выкатив грудь, а вернее, шею и распушив крылья, сидела на гнезде, а самец, ныряя вокруг, доставал из-под воды водоросли, палочки и прочий мусор, таская добытое в гнездо. Самка своеобразно оценивала усилия самца. Когда он показывал ей то, что принёс, она мотала головой из стороны в сторону, что на человеческом языке означало бы: «Нет-нет, что за дрянь притащил!» Но на языке чомг означало прямо противоположное, потому что после этого жеста самец пристраивал находку в гнездо.

«Что же случилось? — размышлял я. — Что это взбрело им в голову в конце июля строить гнездо и заводить птенцов? Разве успеют они вывести и выкормить потомство до наступления холодов и заморозков?» Но, не обращая на меня никакого внимания, странные чомги продолжали заниматься своими делами: она сидела, а он, чомг, укреплял гнездо.

Вернувшись домой, я рассказал жене о странных чомгах, решивших начать совместную жизнь так поздно, на что она тут же ответила, имея в виду чомга: «По второму кругу, видать, пошёл. Все вы мужики одинаковые!»

СЛЁЗЫ ЗЕМЛИ

Опять на болоте стреляли.

Под вечер, в сумерках шарахался по камышам какой-то дуролом и палил по уткам. Взбрёт же в голову: среди дачных домиков, в двадцати километрах от Москвы изображать из себя «охотника». Стрелял бы тогда в Сокольниках — там, на прудах, уток больше.

«Ба-баах! Ба-баах!» — несётся с болота. С двух стволов палит, убогий.

«Ба-баах!» — И эхом по лесу «А-ахх!». И по железной крыше бани дробью, как горохом.

«Да, пусть лучше по крыше, чем по уткам!» — думаю я, и так грустно и тоскливо становится на душе.

Ещё в мае, когда только-только проклюнулись листочки, и обсохла земля, решил я заглянуть на маленькое лесное озерцо. Оно в каких-нибудь ста метрах от дачных заборов, но не накидано мусора, не натоптано вокруг тропинок. Собрав талую воду среди берёз и ёлок, смотрит озерцо чистой гладью коричневой торфяной воды в весеннее небо.

«Глаза земли», — называл Михаил Пришвин такие лесные жемчужины. Я, живущий среди подмосковных отравленных речек и ручейков, прудов и мусорных полигонов, сейчас назвал бы их — слёзы земли.

Несколько лягушек при моём приближении юркнули в воду, до этого греясь на тёплом солнышке. Я порадовался, что вода — живая, если лягушки обитают.

И тут, из-под ног взлетела, как мне показалось, огромная птица. Я не успел разглядеть её, лишь почувствовал на лице ветерок от крыльев. А прямо под ногами, на земле, скрытое еловой лапой, обнаружилось гнездо с пятью белыми яичками. Величиной они были с куриные.

«Вот тебе и раз! Это же дикая утка тут поселилась! — порадовался я сначала, но, поразмыслив, даже пожалел её. — Нашла место, глупенькая, рядом болота с островками, заливами, камышами, а она тут, считай, под дачными заборами угнездилась! Ну и ну!» — размышлял я, стараясь поскорее уйти от гнезда, не привлекая ничего внимания.

О своей находке я никому не стал рассказывать, а то, думаю, повалят любопытные. Поведал только сыну, когда он приехал через пару дней в гости. Мы взяли бинокль и направились к озерцу.

Долго я вглядывался в то место, где по моей памяти должно быть гнездо, но ничего похожего не увидел. Прошлогодние листья, новые травинки, кустики черники попадали в окуляры; гнезда не было. Я уже начал думать, что разорили его, спугнули несчастную утку, но тогда — где же кладка?

И вдруг заметил чёрную бусинку глаза, выглядывающего из-за еловой лапы, увидел и клюв её, а потом и всю уточку, неподвижно сидящую, абсолютно слившуюся окрасом с листочками, травинками, солнечными зайчиками.

— Вижу, вижу — сидит, — прошептал я сыну и передал бинокль. — Смотри внимательно.

Он тоже её увидел, а я различал уж и без бинокля.

Мы, стараясь не шуметь и не пугать наседку, вернулись домой.

Дома почитали про диких уток — крякв, оказалось, что наша-то не так и глупа, и место для гнезда выбрала не самое плохое. Скорее всего, выбирала вместе с селезнем: две головы лучше, чем одна. И место не самое плохое, потому что на болоте полно врагов: чайки, вороны заглядывают, сороки вездесущие стрекочут, крысы водяные по берегам норки нарыли — так что, в лесу, недалеко от дач, глядишь и пронесёт. Вот в такое тревожное время я и наткнулся на нашу Марусю. Так мы решили её назвать.

Раз в два-три дня приходил я в лес и издали смотрел — сидит ли Маруся? И всякий раз с трудом различал её на гнезде. Сама природа хорошо позаботилась об этом. Кряква невидимкой растворялась среди листьев, веточек и земли, и только увидав её клюв, который был светлее, я начинал выделять и всю птицу.

Птенцов Маруся высидела. Вот только момент этот я пропустил. А очень хотелось посмотреть, как ведёт заботливая мамаша к большой воде своих малышек.

Я подошёл к опустевшему гнезду. На дне лежали скорлупки, а по краям валиком — утиный пух; все двадцать восемь дней Маруся выщипывала его из себя, укрывала яйца, чтобы не остыли.

До большого болота недалеко, и я пошёл посмотреть: а вдруг и увижу Марусю с утятами?

Несмотря на раннее утро, было уже тепло, над водой слоями поднимался пар, и солнце, вынырнув из-за леса, лучилось щедро и по-летнему ярко. Прибрежный тростник ходил ходуном: нерестились караси под аккомпанемент голосистых лягушек. И чудо произошло. На середине болота всегда привлекал моё внимание небольшой островок, заросший травой и кустами. Я подолгу разглядывал его берега в бинокль, и всё время находил интересное. То ондатра что-то там собирает, то уж плывёт вдоль, а то и щука тёмным поленом притаилась у травы... И вдруг сбоку, из-под правого берега, выплывает кряква с утятами — один, два, три, четыре, пять, — ну, конечно же, это наша Маруся! Это она мне своих птенцов показывает! Проплыли чинно с метр, и обратно. Скрылись в прибрежной траве. И вправду — чудо.

Видел я утиное семейство и ещё раз. В конце августа уже, стоя дома у окна, смотрел на первые жёлтые листья берёз, ярко-красные — винограда, кремовые — орешника напро-

тив, и прямо над этим самым орешником вдруг пролетела Маруся со своим вернувшимся селезнем и, чуть приотстав, пятеро утят.

Ну, как же она могла улететь в дальние края, не попрощавшись и не показав, что не прав я был, усомнившись в её разумности. «Вот же все мы тут живы и здоровы, и утята летать научились», — казалось, говорила утка, и я им помахал вслед. И это было чудо необъяснимой связи всего живого.

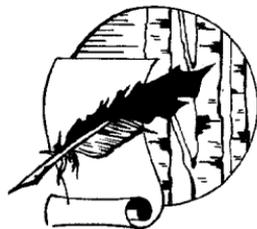
Наступил сентябрь, открыли сезон осенней охоты.

До самой ночи слышались выстрелы на болоте.

А ранним утром по нашей дороге шёл одинокий селезень. Он неуклюже переваливался с боку на бок, и я решил, что, наверное, вчера птицу ранили, и даже хотел поймать и посмотреть, в чём дело, — но нет, не даётся. Он поворачивал голову к садовым домикам и крякал, крякал, будто звал, выкликывая имя её, и понял я: ищет он и зовёт свою уточку, Марусю, которую вчера убили (именно убили, а не подстрелили).

Потом селезень поднялся и тяжело полетел над дорогой, крича надрывно и отчаянно: «Кряк! Кряк! Кряк!» — словно проклиная и это болото, и эти дачи, и этих людей, зачем-то живущих на его берегу.

Московская обл.

Наталья ЕГОРОВА

О ВЕЛИКОМ И ВЕЧНОМ

* * *

Заревет ли медведь, зазвенит ли рассвет,
Тронет душу неведомый сон —
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времен.

Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.

От Днепровских ворот в молодом сосняке
Пеплы войн на долины летят.
Треплет русые волосы в березняке.
Узнавающе щурится взгляд.

Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это — глубже меня, это — дольше земли,
Это знание древнее, чем свет.

Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.
Всё пройдет и исчезнет — но я не боюсь
Раствориться в светающей мгле.

Не рыдай о прошедшем, а тропку приметь
Через гари — в страну-старину.
Заиграет ли лось, заревет ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.

Там, на просеке, черные тени лежат,
Гривы сосен от ветра дрожат,
И медведица-матерь ревет на закат
И выводит к Днепру медвежат.

ГЖАТСК

Летел Гагарин в небе над старою.
Жила в прибрежном яворе звезда.
У кладбища за Гжатыю под луною
Цвела зеленоватая вода.

А в церкви, уцелевшей от разрухи,
Качая ив могильных корабли,
О Боге пели древние старухи
И раскрывали Небо для Земли.

Мы, дети, затаясь в речных ракетах,
Желали знать неведомое нам:
Как в звездах свечек гроб плывет открытый
И, словно космос, дышит светом храм?

Но в голосах, дрожащих перед Богом,
Такая вера била током слёз,
Что смерть ушла. И в дальнюю дорогу
Живою взял почившую Христос.

Истерлась плоть в горниле превращений.
Истерло время вкус земной беды.
Старуха, Марьей званная в крещенье,
С какой пришла, с какой ушла звезды?

...А Гжать за храмом делалась всё тише,
И говорил со звезд могучий Дух,
Что всех орбит и всех планет превыше
Вот это пенье скорбное старух.

Что где-то там, причастный тайнам Духа,
Летит Гагарин в вечной звездной мгле,
Пока поет последняя старуха
В забытой церкви Богу — о Земле.

* * *

Когда опускается ночь над твоей головой,
Огромное небо беседует внятно с тобой.

Над крышами всходит огней нескончаемый ток.
Затерянный в вечности, спит небольшой городок.

На дымы из труб лает в будке проснувшийся пёс,
А космос глаголет огнем остывающих звёзд.

И город молчит, замороженный ходом планет:
Кто смотрит из мрака? Кто сеет невидимый свет?

Но снова сквозь тучи приметит рассеянный взгляд,
Как чьи-то следочки на небе огромном блестят.

Пирог сотворив и посуду убрав со стола,
То, видно, соседка в поющую вечность ушла.

По снежной дорожке, по звездной колючей стерне
С тяжелою сумкой ушла на побывку к родне.

Дымит во всю вечность трубой там заснеженный дом.
Родня гулеват за снедью богатым столом.

Гремит телевизор которую вечность подряд.
Чадит керосинка. Сосульки на крышах звенят.

Гляжу я всю жизнь — наглядеться никак не могу.
Замерзший колодец. Дома в беловеинном снегу.

Снегирь и синица осыпали иней с ветвей.
Следы и миры замечает снежок-легковей.

Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов.
Всё больше над миром горящих огнями миров.

Земля шевельнётся в пространстве, расступится тьма,
И мир неизвестностью сводит, как в детстве, с ума.

И мир искушает, огромностью тайны маня,
Прийти приглашает для жизни — тебя и меня.

Мы сходим с крыльца — прямо в снег и трескучий мороз.
И лает нам вслед житель вечного космоса — пёс.

НИЩЕНКА С ГОЛУБЯМИ

На соборном дворе крыши белых церквей
Плавают золотом синь голубую.
Облепили убогую сто голубей —
Плечи, руки — поют и воркуют.

Восседают, как ангелы на облаках —
Божьей стае легко и счастливо
На корявых руках, на убогих платках,
На кофтёнке, заштопанной криво.

Эта нищая жизнь пролгала, пропила,
В блуд ушла, в проходимца влюбилась.
Нагулявшись, бог весть от кого родила.
Нарожавшись, от горя топилась.

Из-за горьких кручин позабыл ее сын.
Хату отняли добрые люди.
А сегодня слетел голубеющий крин*
Из-за туч на иссохшие груди.

И поют, и цветут небеса-голубень
Над смущенной судьбой бесшабашной.
Так всю жизнь ожидаешь обещанный день,
А увидишь спасенье — и страшно.

Вот и нищенка — вольно крылами шумит,
Недоступна мольбам и укорам.
С голубями в зенит поднялась — и летит
Прямо в рай над высоким собором!

* * *

Третья скорость. Печаль и тревога.
Быстрый промельк летящих огней.
Вновь живешь ты, ночная дорога,
Потаенную жизнью своей.

Плава тени и светы живые,
Спят деревни и реки обочь.
И машины — громады ночные —
Исчезают, как призраки, в ночь.

* К р и н (*старосл.*) — лилия. В христианстве — символ Божьего милосердия.

И рождаясь во мраке могучем,
На обочине бросив село,
Вся Россия, как звездная туча,
В лобовое несется стекло.

Запевай! О великом и вечном,
На спидометре плавя простор.
Брызни фарой растерянным встречным
И держись за баранку, шофер!

За Гагариным к звездам нетленным
Мы с планеты навеки ушли.
Нам мешают мечтать о Вселенной
Адреса и приметы Земли.

Нас пленили в пути бесконечном
Не леса и столицы вдоль трасс —
Ясно зрящая звездами вечность,
Мир, что выше и праведней нас.

Шли «КамАЗы», сигналили «ЗИЛы»,
Плыли фуры — миров корабли.
Не будили мы звездные силы,
Подражая титанам земли.

Но на черных разбитых дорогах,
Мчась лесами к Полярной звезде,
Ждали правды и вечного Бога,
Забывая легко о себе.

И миры различая во мраке,
Пели песни России своей,
Наплевав на дорожные знаки
В стройном космосе встречных огней.

ПРАДЕД

*Ивану Ефимовичу Ефимову, священнику деревни Ель-
ша Поречского уезда Смоленской губернии, расстрелян-
ному за веру в 1938 году*

Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба — мученик простой.
Вновь горит на черной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.

Под распевы древней Литургии
Бьется грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат — вино и хлеб.

Благодать земли — твоя работа.
Пахарь духа, вставший от сохи,
Не лентясь, поклоны бил до пота,
Пел псалмы, замаливал грехи.

И, смеясь, цвела твоя округа
От молитвы древней и простой
Синей-синей васильковой выюгой —
Осиянной Богом красотой.

Мы до сей поры не знаем точно,
Где искать твой неотпетый прах.
Увели тебя чекисты ночью,
Расстреляли в заполярных льдах.

Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы — да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.

Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Черны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Всё поет: «Помилуй, Боже, нас!»

* * *

Мама моя, из-под тихих седин
Глянь своим синим сияньем огня,
Ибо не вырвать тебя из глубин
Сердца — не вырвать тебя из меня.

Жизни не вырвать — что жизнь без любви?
Смерти не вырвать — калеке слепой.
Мама моя, говори, говори!
Гладь мои волосы тихой рукой!

Плод твой, таимый до одного дня
В древней, открытой мирам глубине —
Как ты носила когда-то меня,
Так ты сегодня созрела во мне.

Долго ты зрела в дочерней тиши —
Мира основа, вселенская ось.
В необоримых глубинах души
Все с твоей нежностью тихой срослось.

Всё я запомнила — голос и взгляд,
Синий-пресиний, как небо весной.
Годы твои никуда не летят.
Вечно во мне ты и вечно со мной.

Синие очи — святые огни.
Родина сердца. Печали покров.
Солнцем и светом прогретые дни.
Сладкое детское счастье без слов.

* * *

За годами и снегом не видно во мгле,
Что нам Бог на земле приготовил.
Светит роза сухая на темном столе,
Словно сгусток запекшейся крови.

В темных синих подпалинах — маковый зов
Обреченного на смерть рассвета.
В красных зевах засохших без влаги цветов —
Полыхание мрака и света.

Затянуло фрамугу узорами льда,
Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замерзла вода.
Это я — твоя черная роза.

Это мне — предназначено ждать и терпеть,
Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть,
В алый прах рассыпаясь от страсти.

Но другая звенит мне над снегом звезда,
Потому, как позор и проклятье,
Уходя, забываю тебя навсегда,
Размыкая чужие объятья.

И сквозь годы и снег ощущаю спиной,
Как с веселой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра свободы шальной,
Лепестки наполняются влагой.

* * *

В большой стране, которой больше нет,
Я родилась на снежный белый свет.

А вера, что веками грела род,
Таится, дремлет, но вот-вот уйдет.

Чугунный мост. Озябшие дома.
Чужая жизнь, сводящая с ума.

Чужой Москвы — сухой, чужой снежок.
Поддену снег на алый сапожок.

Ты прав, Господь: сама я прах и тлен,
Но больно мне от вечных перемен.

С продрогшей шубки сдую иней дней.
...Оставленная вечностью Твоей...

* * *

Свет плывет по великому кругу
От коптилки к Душе мировой.
Ночью в черные дыры округу
Тянет вместе с землей и травой.

Под свеченье пастушьего зрака
Тают в вечности головы стад.
В черный омут великого мрака
Затянуло деревню и сад.

Только аист, по росным орбитам
Налетавшись на красной заре,
На фонарном столбе позабытом
Вьет гнездо на крестьянском дворе.

Он сгорает в земном настоящем,
В брэнном теле познав бытие,
Токи вечных вселенных горящих
Замыкая на сердце свое.

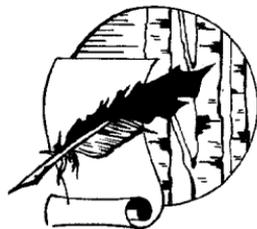
Выйдет бабка под старые липы.
Перекрестится, глядя туда,

Где под птичьи порханья и хрипы
Бьют смертельным огнем провода.

Тянет в омут познания планету.
В черных дырах — а все же живем.
Видишь, Боже, и мы не без Света
В погибающем мире Твоем!..

г. Смоленск

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет нашего давнего автора Наталью Егорову с замечательным юбилеем! Как всегда, стихи Натальи Николаевны пронизаны глубокой метафоричностью и остротой чувств, они современны и в то же время своим содержанием заставляют помнить нас о корнях народа и древней истории Святой Руси. Неразрывная связь времен, память о предках и любовь к ближним — главная тема поэтического самовыражения Натальи Егоровой. Желаем ей неувядаемой творческой энергии, здоровья и новых духовных озарений.

Борис ОРЛОВ

КРУГОВАЯ ОБОРОНА

РОДИНА

Двадцатый век. И на его роду
Отметины от пуль, как междометья.
Расстрелян Кремль в 17-м году,
Совет Верховный — в 93-м.

Век подождён с начала и с конца,
Чтоб от страны остались сказки-были.
Но в двадцать первом — смысла гарь с лица,
Восстав из пепла и архивной пыли.

* * *

Я повидал немало стран,
Но не влюбился в эти страны.
Я — русский, значит я — Иван,
Для иностранцев мы — Иваны.

Пьем самогон, а не вино
В селе Иваново, не в Каннах.
Так видно свыше решено —
Стоит планета на Иванах!

* * *

Нас отравили мутными речами
В пространстве от серпа до топора.
А что судьба? Котомка за плечами —
Ее нести до смертного одра.

Заклятые друзья легли под НАТО,
Нас мажут грязью — нет других забот.
Как говорил великий император,
Союзники — лишь Армия и Флот!

* * *

Моим друзьям военным писателям

Чтоб честь иметь, носи мундир.
Нет чести без мундира.
Сражаемся за Русский мир,
Как греки в Фермопилах.

Мы чтим и Родину, и Род,
Но Ирод-царь не в теме.
Пусть мы погибнем, но народ
Наш выиграет время.

* * *

Оставили, пройдя сквозь пламя драм,
Нам чувство справедливости и долга.
Отцы-фронтовики! Спасибо вам
За жизнь, что оставалась мирной долго.

Святые души. Светлые умы.
Смотрели мы на вас, как на икону.
Но вы ушли. А вслед уходим мы
И держим круговую оборону.

АМЕРИКА

Ее делам и ей никто не рад.
И на нее весь мир таит обиду.
Америка — хазарский каганат —
Воздвигла из финансов пирамиду.

Ее душа мертва. И лыком шит
Ее престиж. И слава, что отрава.
А мумия Америки лежит,
Завернутая в долларовый саван.

* * *

Свои у деток погремушки —
У них единокровна мать.
Толкуются жадно у кормушки,
И от нее не отогнать.

Они копаются в утиле:
То яд увидят, то кинжал...
Их предки Гитлера любили,
И Сталин их не обижал.

Они страшатся Божьей кары
Из века в век, из рода в род.
Из коммерсантов — в комиссары,
Ну а потом — наоборот.

* * *

Волны ростовщического флёра
Утопили развращенный мир.
Видим в телящике суфлера,
А за горло нас берет банкир.

И кредиты в ход идут, и гранты,
А обман клубится, как туман.
Ценят здесь людей не за таланты —
За откаты, что кладут в карман.

Мечемся от царской к Божьей воле:
Между ними — тесный коридор.
В государстве, как в театре, — роли
Раздает за баксы режиссер.

* * *

Попсы бесчисленные связи,
Меньшинств навязчивая прыть.
От извращенцев и от грязи
Телеэкраны не отмыть.

Бесчинство похоти и блуда.
Что ни волна — девятый вал.
А у истоков был Иуда —
Предатель-профессионал.

* * *

Нет совести. Они не голодают,
Хотя и пьют порою из горла.
И с гордостью холопской доедают
Они остатки с барского стола.

Давно забыли собственные корни:
Преданья предков, песни, отчий кров...
Попса и журналисты — это дворня
Бандитов, извращенцев и воров.

г. Санкт-Петербург

Геннадий КОЛДАСОВ,
Никита ПОЗДНЯКОВ

ЭТИКА И КАТЕГОРИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рыночный экстремизм и свобода; либеральная свобода и угроза со стороны «умных» роботов; ощущение свободы и рост самоубийств в молодёжной среде; свобода и угроза мирового разума земной человеческой цивилизации; искушения гордыней, талантами и развратом — вот неполный перечень современной проблематики поведения и самоопределения для людей и государств в сегодняшнем мире.

Сущностными категориями современной либеральной культуры, на которой во многом и строится этика поведения в западном мире, являются категория свободы и категория личности. Живые примеры «свободного поведения» в атлантическом мире начали складываться ещё в середине XVIII века, но особенно ярко себя они стали проявлять с конца XIX и начала XX века как в Европе, так и в США и в России.

В этой статье остановимся на категориях свободы и личности в христианско-православном понимании. И в православном мире встречаются люди, которые пытаются понимать сущность свободы как свободы *для чего*, а не *от чего*.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Уже обращалось внимание на то, что нет непосредственно Божьих заповедей свободы. Это говорит о том, что категория свободы для человека-христианина носит подчинённый характер относительно более высоких целей и категорий человеческой жизни.

Есть Божьи Заповеди *любви*, ограждающие соблюдающих их от греха в любви, но не ради свободы человеческой воли и воображения вообще, а ради Бога и Его любви и спасения человеческой души: «возлюби Бога своего более всего на свете, да не будет у тебя других богов, кроме Меня; возлюби ближнего своего, как самого себя». Важно задуматься, почему Бог призывает именно к любви, а не к свободе, и почему для Него любовь важнее свободы?

Конечно, есть люди, которые ухитряются соединять в себе любовь и свободу, исповедуя принцип «свободной любви». Но такая «любовь» чаще всего встречается на панели.

Есть также поэтические натуры, которые, может быть, даже искренне, утверждают, что они в любви высоки, честны и свободны. Им полезно обратить внимание на то, как несвободно, в тяжёлых муках переживает сильно любящий человек смерть или уход горячо любимого. Видя подобное, разве можно утверждать, что страдающий человек был свободен и не связан многими гранями любви — узами — с любимым человеком? Особенно остро и поучительно это можно прочувствовать и понять на примере жизненного и поэтического пути известной поэтессы серебряного века М.И. Цветаевой.

Для полноты православного видения любви приведём и другие Божьи заповеди: почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле; не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не производи ложного свидетельства на ближнего твоего; не пожелай жены ближнего твоего; не пожелай имущества ближнего твоего.

Не будем обсуждать сейчас, как эти Божьи заповеди связаны непосредственно с заповедями любви, но отметим, что они являются ещё и заповедями долга и чести, связывающими человека верующего с его ближними и обществом — делающими его *личностью*. Мы видим, что православная вера и Господь налагают на верующего определённые ограничения и делают, таким образом, его и его волю менее свободными — во имя Бога, чести, благородства и ответственности перед ближними. Из этого следует, что ни связь с Богом, ни честь, ни благородство, ни ответственность перед ближними, детьми, родителями и стариками не делают человека более свободным в обществе, но делают его более связанным с Богом и более счастливым в Нём, что несравненно духовно выше просто свободы.

Часто поклонники либерального понимания свободы любят выделять из контекстов писаний евангелистов и апостолов отдельные слова и фразы о свободе и приводить их в качестве доказательств своей правоты. Однако они почему-то не обращают внимание на Канон Покаянный к Иисусу Христу, и Канон Ангелу Хранителю. Каноничность этих основ покаяния, как мы знаем, в христианской Церкви никем не оспаривается.

Канон Покаянный к Иисусу Христу является также поводом освободиться от грехов ради Царствия Божия. Он одновременно является каноном освобождения и от чего-то и для чего-то. И это принципиально важно именно для православного понимания свободы.

Уже в песне первой мы читаем: «Ныне я, грешный и обремененный, приступаю к Тебе, Владыке и Богу моему; не смею взирать на небо, но только молюсь, говоря: дай мне, Господи, ум, да плачу о грехах моих горько». «Воззри на меня грешного, и от сети дьявола избави меня, и на путь покаяния наставь меня, да плачу о делах моих горько».

Из сказанного следует, что пришедший к покаянию человек не свободен от грехов и других обременений, и он пришёл к Владыке и Богу, плача о своих грехах, прося Бога соединить его с умом, с разумом премудрым. Заметим, он просит Господа освободить его от грехов не ради какой-то либеральной всеобщей свободы, где «развернись плечо, раззудись рука», разгуляйтесь страсти, но ради укрепления его связи с Владыкой и с умом-разумом.

В песне 4-й по существу даётся определение земной реальной либерально понимаемой свободы: «Широк путь здесь и удобно сласти творить, но горько будет, когда душа от тела будет разлучаться. Оставь уже сие, душа моя, и покайся ради Царствия Божия».

В песне 6-й кающийся просит Бога его освободить. Обратим внимание на то, от чего и для чего: «Житие на земли блудно пожих и душу во тьму предах, ныне убо молю Тя, Милостивый Владыко, свободи мя от работы сея вражия, и даждь ми разум творити волю Твою».

Показательно, что ни в одной песне означенных выше Канонов молящийся не просит Господа, чтобы Тот обострил его чувства, эмоции, таланты.

Отмеченные выше места из Канонов, как нам кажется, должны быть особо значимы для натур впечатлительных, артистических, находящихся под сильным влиянием своих фантазий, убеждённых в том, что они творческие, поэтические натур и почти небожители. Таким натурам особо хочет-

ся пожелать возможно более часто обращать своё внимание на состояние своей души, сердца и ума, исповедуясь и причащаясь Святых таинств.

Законен вопрос: может ли легко увлекающийся страстный человек так же, как и бессовестный и несправедливый, быть свободным даже в «западном» смысле? С XVIII века люди на Западе, за малым исключением, считают себя свободными людьми, живущими в свободном обществе. Но уже на примерах высокопоставленных деятелей Запада и творцов западной культуры и им подражающих, которые призваны и часто олицетворяют западную свободу, мы видим и слышим, что их «свобода» очень часто как раз не свободна не только от лицемерия, лжи, несправедливости и бессовестности, но и от разврата, предательства, подлости, провокаций и кощунства.

В высказываниях о свободе в Канонах нет ликующих, хвалебных слов свободе. Божий дух ведёт нас не к свободе, а к Истине, которая есть любовь. А те, кто предпочитают Истине свободу, те — не более чем обычные либералы. Но Господь говорит: «Кого люблю, того наказываю». Тогда либералам, формально признающим Христа, надо согласиться: наказание — это свобода, а свобода — наказание!

Свободная воля не должна быть свободна от добра. Только тогда воля будет волей, угодной Богу, доброй, а не злой.

*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!*

Ф.И. Тютчев сказал эти слова задолго до появления на свет многих поэтов Серебряного века. Но они, восстав с либерального дна Европы и царства тьмы, душами своими не слышали его слов, как и слов православного Покаянного Канона и Заповедей Господа Иисуса Христа. Среди этих представителей творческой либеральной интеллигенции, ушедших в необузданные фантазии и притупивших в себе духовное зрение, не говоря уже о тех, кто просто играл в творческую богему, было немало действительно даровитых художников и поэтов, но по существу порвавших с верой своего народа. Среди них — «триумvirаты»: Гиппиус, Мережковский и Философов, также Маяковский, Лиля и Осип Брики, также и М.И. Цветаева с её предпочтениями. Среди них и большое число цветных социал-революционеров цветаевской поры (белых, красных, бело-зелёных и откровенно голубых).

Жизнь и творчество Цветаевой — поучительный пример жизни в либеральной свободе как средоточие для поэта всех её «духовных ценностей». Главное содержание творческой и духовной свободы М.Цветаевой — это страсти и эмоции, метания её сознания, души и ума, метания её безблагодатной любви в её духовно оцепеневшем существе, воспевающим сны и смерть.

Человек со временем становится тем, во что он верит и в чём он упражняется, проходя путь или покаяния, или безблагодатной свободы. И по тому, кем и чем становится человек во времени, можно понять, во что он верит. Это независимо от сословия, образования, нравственного уровня и творчества человека. Путь простого человека по вере будет прямее и бесхитростнее, путь же связанного разного рода этикетками и модами, политическими и культурными условностями будет менее прям и более извилист. Простой человек гораздо легче воспринимает слова И.А. Ильина, чем человек, воспитанный в западных ценностях: «Действительная свобода состоит в том, чтобы не делать того, что вызывает угрызения совести». С угрызениями совести у ценителей западной свободы часто наблюдается большой дефицит. Христианин свободной воле предпочитает добрую волю.

Для православного человека такие люди, как М.Цветаева, интересны не как пример того, как не надо жить, а то, как она пыталась освободиться от своих нравственных пут, преобразиться в покаянии умом и сердцем, и душой, совершенствоваться в вере, если это действительно имело место в её жизни. По слову апостола Павла: «Наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных...» (Еф. 6. 12). В своём послании к Галатам он чётко определяет грех мужеложства, скотоложства и лесбиянства, не пытаясь найти какие-то оправдания для тех, кто привержен названным им грехам.

В жизни мало быть поэтом, надо быть прежде всего воспитателем самого себя и находить и создавать для себя и для близких оздоравливающую дух и душу среду обитания. Взрослый человек отличается от ребёнка, в том числе и наделённого поэтическим талантом, прежде всего тем, что он воспитывает себя сам. А ребёнка воспитывает кто-то: родители, улица, добрые или злые начала.

Взрослый человек в России воспринимает «справедливость» как категорию русской жизни. Справедливость, в русском понимании, — это баланс свобод и обязанностей. В русской жизни категория «справедливость» социально вытесняет категорию «свобода» как спекулятивное базовое поня-

тие этики западного мира. Многие творцы Серебряного века всё это воспринимали не так. Можно утверждать, что Запад сегодня идёт по стопам «свободных» певцов Серебряного века. И там уже точно должны изучать жизненный путь и творчество М. Цветаевой в деталях и обсасывать его по косточкам.

Находясь в эмиграции во Франции, Цветаева пишет: «Моя неудача в эмиграции — в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размеру — там, туда, оттуда...» Как и многих творцов Серебряного века, как и многих цветных революционеров, так и современных западных творцов культуры и политики ждут искушения талантами и гордыней, в любви — развратом, трансгендерами, уходом в иллюзорный мир с духовно-нравственными трансформерами, игроманией и другими извращениями западной культуры и морали.

Возвратимся к проявлениям покаяния и метанойи М. Цветаевой. Стихия любовной страсти, определяющая звучание её поэзии в предреволюционные годы, постепенно ослабевает (не исчезая, правда, совсем). Её стихия начинает сковываться чувством долга, чести и верности. Душа делает шаг к Богу. Проявляется трезвый взгляд на реальную свободу:

*Рыжим татаринoм рыщeт вoльнoсть,
С прахoм равняя алтaрь и трoн.
Над пeпeлицaми рeв зaстoльный
Бeглых сoлдaт и нeвeрных жeн.*

*Свeршaется стpaшнaя спeвкa, —
Oбeднa eщe впeрeди!
— Свoбoдa! — гуляющaя дeвкa
На шaлoй сoлдaтскoй гpуди! (1918)*

Через любовь и сострадание Цветаевой была осознана суть подвига Царственных мучеников.

*Крoпите, слeзные жeмчужинки,
Трoн и алтaрь.
Крeпитесь, вeрные сoтpужники:
Цeркoвь и цaрь! (1918)*

Но, несмотря на то, что она смогла почувствовать жертвенный подвиг Царской семьи, она не смогла понять глубокой духовной связи Царственных мучеников с Господом.

*Зaпoвeдeй нe блюлa, нe хoдилa к причaстию.
— Виднo, пoкa нaдo мнoй нe пpoпoют литию, —*

*Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!* (1915)

«Грешить со страстью» — вот кредо Марины, в чём она видит своеобразную «честность перед самой собой». И это она подкрепляет своеобразной философией «оправдания бессовестности»: «Художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть». По-христиански, это не что иное, как гордыня или даже прелесть. Но можно ли *это* считать свободой? И может ли быть истинно свободным, творчески свободным человек, с детства осознанно выбравший между белым и чёрным — именно чёрное? «Я тогда же и навсегда выбрала чёрного, а не белого, чёрное, а не белое: чёрную думу, чёрную долю, чёрную жизнь» (Мой Пушкин, 1937). Это скорее поза, юное оригинальничание, позднее закреплённое в привычку.

Дух гордости с детства внушал Марине веру в «божественное» всеисилие творческой природы, а в зрелые годы эта вера обрела многие стихотворные воплощения:

*А во лбу моём — знай! —
Звёзды горят.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.
Есть и шелковый пояс —
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На книге Царств.* (1919)

Из записной книжки (1914): «Я не знаю женщины, талантливее себя к стихам. ...«Второй Пушкин» или «первый поэт-женщина» — вот чего я заслуживаю и, может быть, дождусь и при жизни».

В 1926 году она пишет С.Н. Андрониковой-Гальперн: «Я, когда люблю человека, беру его с собой всюду, не расстаюсь с ним в себе, усваиваю, постепенно превращаю его в воздух, которым дышу и в котором дышу, — в всюду и в нигде». М. Волошин отметил у Цветаевой склонность удаляться от человека, чтобы силою воображения сделать его своим.

*Без клятв и без взяток, —
Счастью не до счетов!
Наш час с тобой краток:
В поле много цветов!
Наш час с тобою срочен:
В поле много могил!* (1923)

«Я, конечно, кончу самоубийством, ибо всё моё желание любви — желание смерти» — эту мысль М. Цветаева многообразно высказывает в своих стихах и в 1919-м, и в 1934 году:

*Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.
Через край — и мимо —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих. (1934)*

Иногда, правда, её как натуру творческую и многогранную посещали и более спокойные, благородные мысли: «Словесное дарование должно быть в уровень дарования душевного. Иначе — в обоих случаях — трагедия. (Я бы на выбор конечно взяла перевес души.)» (1917, записные книжки.)

Однако такие прозрения, к сожалению, бывали у неё не часто. И 31 августа 1941 года она покончила жизнь самоубийством, оставив сыну записку: «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Жизненный путь М. Цветаевой категорийно можно описать следующим образом: свобода — личность — любовь в её понимании — лицедейство, игры, вживание в образы и чувства души, упражнения по перевоплощению в её предпочтениях — творчество и деформация души в гордыне — духовный плен.

Большая часть творчества М. Цветаевой не была осознанно православной, направленной на покаяние и служение Богу и Церкви. Одной из сильных движущих сил её поэзии являлась страсть, уводящая её от Бога. Но известно, вера без дела мертва, особенно без дел покаяния. М.И. Цветаеву жалко. И прежде всего, вызывает жалость то, что она с юношеских лет «опьянела» от ложно понятой свободы — в её ощущениях и чувствованиях; от свободы безудержных фантазий. Но когда она вышла на уровень понимания несвободы от свободы, рядом с ней не было человека, который бы мог ей объяснить дьявольский блеск такой свободы. Ни А.Ахматова, ни М. Волошин такими людьми не оказались.

Господь милостив, Он — сама справедливость. Безусловная же заслуга перед людьми Цветаевой в том, что она очень ярко показала пагубность для человеческой души страсти свободы, страсти фантазий и страсти эмоций, ощущений и увлечений. Она ещё раз громко сказала всем людям, что человеческая душа есть поле битвы сил света и добра с силами тьмы и злобы поднебесной. Важное практическое значение жизненного и творческого пути М. Цветаевой для современной российской культуры и строительства общественного здоровья состоит ещё и в том, что она по существу является во многом носителем идеи предпочтения виртуального мира реальному и в известной степени также предшественницей аномального поведения современных игроманов (в широком смысле): лицедеев, наркозависимых, прожигателей жизни, интернет-зависимых и им подобных. Поэтому изучение творческого наследия Цветаевой представляет значительный интерес прежде всего для социологов, психологов, психиатров, педагогов и всех, кто ищет истинный узкий путь к покаянию и преображению.

О ПОСОБНИКАХ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Проблему возмещения ущерба России от агрессии государств Западной Европы с гитлеровской Германией во главе считать решённой нельзя. Германия ущерб возместила частично. Почему частично? Согласно отчёту министерства финансов ФРГ за 2000 год «СССР изъял из своей оккупационной зоны и впоследствии из ГДР имущества на сумму, превышающую 66 млрд. марок ГДР или 15,8 млрд. долларов» (Инфо-ТАСС). Ну нельзя же всерьёз рассуждать о 15,8 миллиарда долларов как цене за гибель десятков миллионов человек и уничтожение тридцати процентов национального богатства нашей страны. Германия, как показывают расчёты специалистов, покрыла менее пяти процентов.

Но почему только Германия как-то расплачивалась за нападение на СССР? Это объяснимо тем, что по окончании войны выявить сразу всех подельников гитлеровцев не представлялось возможным. Преступники всегда скрывают следы своих преступлений. С явными соучастниками всё изначально было ясно — со «странами оси», с государствами, выступавшими на стороне нацистов с оружием в руках, открыто поддерживавшими Гитлера.

ДОСЬЕ "МГ"

Более длительным по времени стал процесс разоблачения тех, для кого развязанная нацистами Вторая мировая война послужила источником обогащения. За прошедшие после войны десятилетия доказательств пособничества нацистам со стороны западноевропейских деловых кругов и государственных структур появилось предостаточно. Однако факты привлечения их к ответственности за причинённый ущерб практически не встречаются.

Тему возмещения ущерба России необходимо поднять по следам того, что недавно произошло в Северной Норвегии. Там «неизвестные осквернили памятник советским военнопленным, убитым нацистами во время Второй мировой войны. Вандалы повредили таблички, установленные на месте захоронения в районе Теммернеса, неподалеку от города Хамарей в губернии Нурланн» (Российская газета от 12 июля 2018 г.).

О том, как советские военнопленные оказались на территории Норвегии, пишет кандидат исторических наук Марина Паникар из Архангельска. Вот отдельные фрагменты её автореферата «Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны»:

«В период с 1941 по 1945 год в Норвегии находилось около 100 800 советских граждан. Наиболее сложное положение складывалось в северных районах страны, где в условиях сурового арктического климата и голода количество тяжело больных военнопленных достигало 30%, а смертность среди них составляла около 40%.

Основной целью, которой руководствовалось немецкое командование, направляя советских военнопленных в Норвегию, являлось использование подневольного труда пленных в интересах вермахта. В условиях войны два строительных объекта имели особое значение: железная дорога «Нордландсбанен», по которой должна была осуществляться транспортировка металлов для немецкой экономики, и военноморская база в Тронхейме — важнейшая база сдерживания морских сил союзников по антигитлеровской коалиции».

Почти половина смертности советских граждан пришлась на строительство «Нордландсбанен». Отметим: военнопленные, захороненные в районе Теммернеса, где недавно совершён варварский акт, — из числа погибших при строительстве железной дороги «Нордландсбанен».

Длина железнодорожного пути (Нордландсбанен) от Тронхейма до Будё составляет 729 км. Из них 160 километров построено руками советских военнопленных за 4 года. Это почти четверть всей транспортной ветки. Другие три части нор-

вежцами строились более восьмидесяти лет! После войны, за 15 лет, норвежцы протянули линию длиной в 126 км, завершив строительство «Нордландсбанен» в 1962-м.

Одна треть стали Норвегии производится здесь. В целом значимость для экономики Норвегии соединения центральной и северной частей велика и не поддается никаким измерениям. Однако сказать правду, что рост экономики Норвегии зиждется в том числе на использовании рабского труда советских военнопленных — признать себя пособниками военных преступников и, следовательно, признаться в ответственности, моральной и материальной, за содеянное.

По факту Норвегия и по сей день получает доходы от преступной деятельности вермахта вкупе с норвежскими государственными и частными компаниями, принимавшими участие в строительстве «Нордландсбанен». В связи с чем Россия вправе требовать изъятия этих доходов в свою пользу. Это право базируется на Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 года (Страсбургская конвенция). Спрос должен быть именно с государства, ибо в Норвегии железнодорожные компании (пассажирская NSB и грузовая Cargo Net) принадлежат государству.

Мы затронули железные дороги Норвегии, «завязанные» на преступлениях третьего рейха. К ним следует прибавить около 300 предприятий, представлявших крупнейшие норвежские компании, получавшие заказы от вермахта. Именно коммерческие отношения с гитлеровской Германией обеспечили процветание этих компаний на крови народов, подвергшихся агрессии. Одна из них с мировым именем — «Norsk Hydro ASA», норвежская нефтегазовая и металлургическая компания.

Во время Второй мировой «Norsk Hydro» вместе с германской «IG Farben» строили алюминиевые и магниевые заводы для производства военной продукции Германии. В норвежском Рьюкане завод «Norsk Hydro» производил тяжелую воду — компонент для создания атомной бомбы для гитлеровцев. Накопленный на крови огромный капитал («золото рейха») после войны позволил «Norsk Hydro» развернуться «во всю ширь». Компания строила алюминиевые заводы в Норвегии, приобретала их по всему миру. Скупала мобильные АЗС в Норвегии, Швеции и Дании. И в XXI веке «Norsk Hydro» продолжает «проглатывать» нефтяные компании и металлургические заводы.

Отметим: никакой ответственности за совместный с нацистами преступный бизнес «Norsk Hydro» не понесла. Арест

в 1943-м управляющего директора Бьярне Эриксена немцами с двухгодичной изоляцией ничего не значит. Эриксен был лишь обычным нанятым менеджером. Акционеры компании от «делового сотрудничества» с вермахтом получали сверхприбыль. А крупнейший акционер «Norsk Hydro» — норвежское государство. Его доля составляет 34 процента. И так практически по всем ныне процветающим крупным норвежским компаниям (той же «Elkem ASA»), которые обогатились на военных заказах фашистской Германии.

По окончании войны стрелочником сделали Видкуна Квислинга с его окружением. Коллаборационист, конечно, заслужил даже не пулю, а петлю палача. Но если действия Квислинга признали изменой, то сотрудничество с вермахтом норвежских деловых кругов посчитали «бизнес-партнерством». Видимо, в этом лежит причина непризнания норвежским нацистом своей вины, не пожелавшим стать «козлом отпущения».

Россия, повторимся, вправе требовать от Норвегии и других стран Западной Европы компенсацию за использование рабского труда сотен тысяч советских граждан, за «прибыльное» сотрудничество с нацистской Германией. Речь о преступном соучастии. Соучастие — в обеспечении логистики в поставках продукции для военной промышленности рейха, в её производстве, в участии финансирования нацистского режима. Соучастие — в сокрытии награбленного нацистами в европейских банках с извлечением прибыли и многом другом.

Требование опирается на твёрдую правовую логику. В её основе — отсутствие сроков давности привлечения к ответственности за преступления против человечества лиц физических и юридических вне зависимости от степени их причастности. В указанном формате присутствует и нормативная обоснованность. Мы говорим о вновь открывшихся обстоятельствах — о фактах, ставших достоянием гласности спустя годы после окончания войны. Они позволяют нам выявлять пособников гитлеровцев в лице конкретных персон и государственных образований. Они представляют законную возможность привлекать их к моральной и материальной ответственности.

Или та же «почти» нейтральная Швеция с её антироссийскими завываниями. Сегодня нам известно о её реальном соучастии в преступлениях третьего рейха. Россия вправе требовать от разжиревшего на крови королевства возмещение ущерба, изъятие всего, что получила Швеция от «делового партнерства» с гитлеровской Германией. Но это — отдельная тема, подлежащая безусловному освещению. В целом воп-

рос компенсации нашей стране подлежит тщательному исследованию с предъявлением конкретных исков. Назовём это актом справедливого возмездия.

Впрочем, для упомянутой выше Норвегии есть шанс избежать значительных по размерам исков. Королевству просто надо выйти из НАТО. Тогда те дополнительные средства, какие Россией затрачиваются на усиление обороны северных рубежей, пойдут на социальные программы, связанные с последствиями Великой Отечественной. В экономике такие действия называют взаимозачётом.

г. Мурманск

Алексей ПОПОВКИН,
кандидат исторических наук

О МЁРТВЫХ — ТОЛЬКО ПРАВДУ

18 августа сего года скончался Кофи Аннан — бывший Генеральный секретарь ООН. История XX века, которую пишут те, кто считает себя «победителями в холодной войне», содержит каноническую версию повествования об Аннанае — великом миротворце, «без гнева и пристрастия» отстаивавшем идеалы демократии и прав человека. Эта версия истории подкрепляется и решением Нобелевского комитета. Но существует и правда истории, которая в данном случае, применительно к Аннанау, сильно отличается от упомянутой «канонической версии». Выражая сочувствие близким и друзьям Кофи Аннана, сожалея о его кончине, мы должны отнести это сочувствие лишь к Аннанау — частному человеку, поскольку его деятельность как политика, притом международного масштаба, не может вызвать сочувствия у людей, сохранивших здоровую нравственность.

...Мрачная репутация Аннана в кругу политических экспертов — сторонников принципа национального суверенитета начала складываться ещё в ту пору, когда он был замес-

тителем генсека ООН. Поведение западных «голубых касок» в 1995 году в Сербской Краине нельзя назвать иначе как постыдным. Гарантировав, согласно клятвенным уверениям К.Аннана, краинским сербам безопасность, в решающий момент миротворцы ООН (кроме «Русбата» и нескольких разрозненных гарнизонов) пропустили через свои порядки хорватскую армию, оснащённую не только контрабандно привезённым американским и немецким оружием, но и неонацистской идеологией. Итогом стал геноцид краинских сербов, осуществлённый в августе 1995 года. Хотим мы этого или нет, но Кофи Аннан несёт свою долю ответственности за эти события. Он мог бы использовать свой авторитет хотя бы для защиты миротворцев, которых хорватские солдаты (а до этого — солдаты боснийской федеральной армии) и члены военизированных формирований разоружали, а порой и убивали. О том, что необходимо было защищать мирное население, мы уже и не говорим — это не входило в планы Альянса.

Вместо этого произошло следующее: офицеры миротворческого корпуса, пытавшиеся сохранить объективность (генерал С.Намбияр, с которым Аннан конфликтовал, полковник А.Демуренко и другие), конечно, с ведома Аннана, были изолированы от принятия решений или изгнаны из миссии в бывшей Югославии, а на их место назначены марионетки НАТО.

Когда в 1997 году, уже после изгнания нескольких сотен тысяч сербов с их очагов, из мест, где их предки прожили не менее пяти столетий, Кофи Аннан был избран Генеральным секретарём ООН, многие сочли это избрание наградой за «хорошее (для США и НАТО) поведение» Аннана в 1994—1995 годах.

Ещё в 1992 году «Нью-Йорк таймс» откровенно писала: «Идея состоит в том, чтобы превратить Соединённые Штаты в единственного мирового жандарма: по существу, но не официально, не повсюду, но почти повсюду». Кофи Аннан, хорошо чувствовавший политическую конъюнктуру, включился в процесс превращения США в единственную сверхдержаву без особенных возражений. Зимой 1998/99 года, когда НАТО всюю готовил расправу над народом Югославии, Аннан допустил высказывания, неприемлемые для человека, уполномоченного говорить от имени мирового сообщества: он выступил, по сути, в поддержку военной акции как «крайнего средства». А ведь бомбы к тому времени ещё не начали падать на сербские больницы и монастыри — в решающий момент, когда можно было предотвратить надвигающийся 78-дневный кошмар, К.Аннан повел себя малодушно и нечестно. Своим авторитетом Аннан не попытался защитить сербских мирных жителей. Нет, он предпринял

попытку благодушными речами и угрозами с трибуны ООН прикрыть подготовку массового убийства.

«Пассивность генерального секретаря ООН Кофи Аннана меня нисколько не удивляет, — писал в 1999 году публицист и бывший заместитель Генерального секретаря ООН В. Сафрончук. — Ведь ООН и ее генсек давно стали инструментом американской политики и во всем поддакивают Вашингтону. В январе мне пришлось быть на пресс-конференции заместителя генсека ООН г-жи Элизабет Ренн, которая с января прошлого года является специальным представителем генсека ООН в Боснии и Герцеговине. Она поведала, что по указанию Аннана побывала в Косове, чтобы оказать помощь в организации миссии ОБСЕ. По ее словам, задачи ее миссии в Боснии и миссии в Косове схожи. Не согласившись с этим, я спросил: есть ли мандат ООН на применение силы в Югославии? Г-жа Ренн не очень уверенно сослалась на резолюцию СБ, принятую в октябре прошлого (1998) года. Мною было сказано, что эта резолюция не дает такого мандата. Г-жа Ренн ответила: «Смотря кто и как читает эту резолюцию». Далее она пустилась в рассуждения о том, что когда речь идет о защите прав человека, то оправдано применение военной силы, даже если это связано с нарушением суверенных прав государств. Вот каков уровень понимания Устава ООН у ооновских чиновников!»

Может быть, после того, как стали известны факты гибели гражданского населения при бомбардировках, Аннан изменил своё мнение? Нет, он оправдывал совершаемые НАТО преступления.

На совести Кофи Аннана — и назначение на пост первого главы миссии ООН на Космете в 1999 г. пособника террористов ОАК Бернара Кушнера («Освободительная армия Косово» — марионеточная террористическая организация албанских сепаратистов, находившаяся под контролем западных спецслужб) и рекомендация, сделанная в пользу назначения на пост главного прокурора МТБЮ Карлы дель Понте, «творчески развившей» методы Роланда Фрайзлера. Свою карьеру политика Аннан завершил после провала своей «миссии» в Сирии — до его вмешательства в сирийские дела ещё оставался шанс на то, что война в стране будет иметь ограниченные масштабы, но после этого вмешательства пламя войны запылало практически во всех провинциях Сирии.

Да, в 2002—2003 годах Аннан выступал против американской агрессии в отношении Ирака. Но время было безнадежно упущено. Остановить жаждущего крови агрессора можно было в феврале 1999 года, но не в феврале 2003-го, когда ООН и её Совет безопасности давно превратились в театральные подмостки, на которых дипломаты США во гла-

ве с Колином Пауэллом давали свои пошлые водевили. Аннани же оставили роль статиста. Впрочем, возражений против гегемонии США, прозвучавших со стороны Аннана, вашингтонские «мировые жандармы» ему не простили, поставившись перед началом нового витка передела мира отправить ворчливого генсека на пенсию. Окровавленные колёса «демократизации», избавленные от тормозных колодок в марте 1999 года (а фактически — ещё осенью 1998-го), покатались дальше, давя и круша всё новые и новые государства, оставляя рубцы на судьбах миллионов людей. Сейчас машина «мировых жандармов» упёрлась в столб с указателем «Сирия», и господа из Белого дома и Капитолия готовы обрушить мировую экономику, лишь бы досадные препятствия (Россия, Сирия, Иран, Китай) как-нибудь исчезли с дороги, ведущей в «светлое демократическое будущее». Любое вмешательство США и НАТО в мировые процессы, как минимум с 1990 года (фактически, конечно, деградация началась гораздо раньше), ведёт только к одному результату: усилению хаоса, рекам крови и обнищанию населения тех стран, которые американцам якобы хочется осчастливить «избавлением от тирании». На Кофи Аннани так и осталась несмываемая теперь вина политика, способствовавшего отождествлению понятий «Запад» и «мировое сообщество»...

Летом этого года я был в Боснии. Когда таксист вёз нас в отдалённый монастырь Святителя Николая в Озрене (Республика Сербская), полиция неожиданно перекрыла дорогу. «Проводится разминирование!» — лаконично ответили нам на вопрос о причинах дорожной пробки. Вот так — раны, нанесённые в 1994—1995 годах этой прекрасной земле, на которой живёт братский для нас по крови и вере народ, не затянулись до сих пор. Осознал ли Аннан вину за произошедшую катастрофу? Когда он был искренним — в 1999 или в 2003 году? Теперь об этом доподлинно знает только Господь.

Жаль, что господин Аннан в своё время не прислушался к словам умершего с ним почти одновременно премьер-министра Индии Атала Бихари Ваджапаи: «Ни одному государству, каким бы сильным и богатым оно ни было, нельзя позволить присваивать себе роль мирового жандарма». Трудно оспорить тот факт, что в марте 1999 года индийский премьер оказался куда более дальновидным в политическом плане, чем генсек ООН.

О мёртвых следует говорить только правду. И это касается не только Кофи Аннана. Но в гораздо большей степени — жертв той системы, к созданию которой приложил руку умерший генсек.

Русская народная линия

«ГАРМОНИЯ ДУХА» И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

В 1896 г. выдающийся русский мыслитель, христианин и социолог Н.Н. Неплюев написал удивительную статью «Христианская гармония духа». В ней он утверждал, что основные силы души: разум, ощущения (т.е. хотения и страсти) и любовь должны быть у человека в смысле важности в правильном, «гармоничном» порядке. А именно: на первом месте должна стоять любовь, на втором разум, и лишь на третьем — ощущения. Только такая иерархия сил души — подлинно христианская. Неплюев рассматривает все сочетания этих сил и характеризует каждый вариант, показывая отличия других вариантов от христианства.

Сам Неплюев, по-видимому, рассматривал свою концепцию как некий христианский антропологический закон, применимый к разным проявлениям человеческого духа: представлениям о Боге, отношению к Богу, к поместной Церкви, отношению к самому себе, к семье, обществу и государству. Работа «Христианская гармония духа» оказалась настолько интересной, что была быстро переведена на несколько иностранных языков.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Если применить эту концепцию к анализу современного капитализма, то получается примерно следующая картина. Вопреки Неплюеву, капитализм на первое место ставит ощущения, под которыми прежде всего понимает потребление, удовольствия, удовлетворение желаний. Главная страсть — сребролюбие. Капитализм дает столь благоприятную среду для сребролюбия, что все оказываются во власти мамоны. Деньги, корысть, прибыль, как средства получения всего и вся, ставятся во главу угла. И на почве сребролюбия процветают другие страсти: желание бесконечных удобств, благополучия, утех, удовлетворения бесконечно растущих желаний. Лишь материальные страсти удовлетворены, люди начинают стремиться к престижу, успеху. Бедняк — не несчастный, но слабак, лузер. Богач же, обманувший и обворовавший бедняка, почитается как победитель — так и надо жить. Дальше — желание известности, жажда власти. Капитализм выстраивает лестницу страстей, лестницу, ведущую в преисподнюю. И люди бегут по ней, расталкивая локтями и затаптывая отстающих. Кто же не хочет бежать, тех мамона безжалостно выкидывает из общества как «не вписавшихся в рынок». Именно о капитализме пророчествовал ап. Павел, говоря, что «корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6, 9).

Однако такую установку капитализм пытается провести «цивилизованно», без явного насилия, не заставляя, а соблазняя. Поэтому для поддержки примата потребления призывается разум, расчет. Наука и создаваемые ею технологии становятся главным помощником в продвижении примата потребления. Страсти и разум тут действуют заодно, стараясь поддержать власть мамоны. Отсюда бурное развитие промышленности, производства товаров, а также методов «впаривания» нужного и ненужного. Разум, находясь на службе страстей, изобретает всё новые и новые способы добывания денег, расширяя и расширяя лестницу нисхождения по грехам человеческим, так что ад уже вовсю орудует в этой жизни на земле.

В принципе такая схема вполне адекватна капитализму. Любовь, в общем-то, тут лишняя. Но капитализм, понимая, что человек — существо любящее, не может любовь игнорировать совсем. Поэтому он старается оживить схему и приспособить любовь в качестве дымовой завесы, скрывающей несправедливость и аморальность схемы. Получается, любовь (точнее, имитация любви, обожание) используется для смягчения и затушевывания чудовищности системы. Мамона хочет, чтобы люди шли в преисподнюю с улыбками до

ушей. Общество, выстроенное по этой схеме, характеризуется Неплюевым как «идиллия разбоя и воровства при благодушных взаимных отношениях в пределах, не стесняющих широкого размаха насилия и корысти победителей». Очень точная картина отношений сегодняшней власти и народа, не правда ли?

Таким образом, капитализм твердо следует извращенному порядку: «ощущения—разум—любовь». И следует еще раз указать, что этот порядок противоположен христианскому: «любовь—разум—ощущения». В христианском порядке любовь ставится на первое место, ибо она — сущность христианства. Любовь — это цель, на достижение и сохранение которой должны работать все остальные силы души — как разум, так и чувства. Когда же ощущения и эгоистичные желания становятся целью, как при капитализме, то разум и любовь попадают в подчиненное положение и начинают рабски служить страстям.

Неплюев дал очень глубокую критику капитализма: его корни не в коррупции и воровстве — всё это лишь вершки. Корень же капитализма гнездится очень глубоко — в извращенном устройении души, когда основная иерархия сил человеческого духа перевернута с ног на голову. Капитализм абсолютно несовместим с христианством. Вот что писал Неплюев по поводу капитализма: «Необходимо понять, что никакие частичные реформы в области жизни социальной не помогут, пока мы целно не сойдем с антихристианской, антибратской почвы капитализма, с его неизбежной экономической борьбой, на мирную почву христианского братского единства».

Важно отметить, что капитализм очень сильно, прямо-таки гипнотически влияет на человеческую душу. Он создает не только идеологию, притягательную падшей человеческой душе, но фактически лепит, формирует душу, извращая в ней основные, установленные Богом отношения. Всеобщность этого устройства столь сильна, что даже наиболее честные и нечуждые любви люди от этого лживого порядка отойти не могут.

В связи с этим неудивительна та поддержка, которую оказывают многие христиане капитализму. Они не замечают, что тем самым расписываются в своем нехристианстве. Тут может быть только два варианта. Либо такие «христиане» лишь номинально приветствуют христианство, фактически отвергнувшись христианской правды и христианской любви. Либо это состояние двоедушия, когда исповедуется сугубо храмовый характер своего правосла-

вия, ощущающий любовь в храме, но в жизни признающий и поддерживающий противоположное устроение души.

Это относится как к мирянам, так и представителям «профессиональной» церкви, т.е. монахам и священникам. О последних стоит поговорить особо.

Нельзя сказать, что наше священство не сталкивается с капитализмом. Наоборот, оно контактирует с ним ежедневно. Ибо ныне церковь (земная) в основном живет за счет спонсоров — богатых предпринимателей, которые, с одной стороны, являются правоверными капиталистами, с другой стороны — помогают церкви. Конечно, они воочию являют уже упомянутый феномен раздвоения личности. Но речь не о них, а о священниках, о всей церкви земной, которая становится зависимой от них, а значит — зависимой от капитализма и вынужденной поддерживать его. И сейчас дело зашло весьма далеко. Если раньше, в 90-х и начале века, церковь еще критиковала капитализм и мягко порицала его пороки, то сейчас процесс слияния церкви с капитализмом в целом завершился. Разумеется, полного слияния не произошло, но «симфония», союз с капитализмом налицо. Симфония, о которой молчат, но которая выгодна обеим сторонам. Вот так, симфонией не с государством, не с царем, а с капиталом неожиданно обернулась старая идея византийской симфонии. Впрочем, — и с государством тоже, поскольку государство наше является разновидностью администрации полукolonии мирового капитализма.

Но такого быть не должно. Это губительно и для церкви, и для народа русского. Ибо союз этот, скрывая ложь капитализма, только дискредитирует церковь. Народ наш в большинстве своем прекрасно понимает античеловеческую сущность существующего у нас в России капитализма и люто ненавидит его. И видя, что церковь вполне встроилась в капиталистический порядок, — переносит свою ненависть и на нее. Церковный бум 90-х годов закончился, старые верующие умирают, а молодежь идет в церковь неохотно, тоненьким ручейком. На остановку роста церкви, особенно в провинции, с удивлением и скорбью указывают многие священники. Но для христианина всегда полезно искать причину нестроений в себе. И тогда всё проясняется: главная причина нынешних трудностей — капиталофилия, оправдание неправд капитализма, которое вольно или невольно совершается в нашей церкви.

УБИЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА

На заседании Президиума РАН ведущий экономист России, академик-секретарь Отделения экономики РАН Дмитрий Семенович Львов еще в 2004 году обнаружил ошеломляющие цифры: «Сейчас 92% доходов от собственности распределяются 7% населения, а если внимательно проанализировать дифференциацию в рамках этих 7%, то окажется, что основная доля богатства страны находится в руках 12 семей» (Вестник Российской Академии наук. Т. 74. №3. С. 209—218). Таким образом, по данным приснопамятного академика Д.С. Львова, на более чем 140-миллионный народ России приходится оставшиеся 8% доходов от природных и других богатств страны.

А вот что писал еще в 2008 году доктор экономических наук, профессор Александр Алексеевич Олейников: *«Сегодня многие не знают, что в результате навязанного России МВФ в 1992 году кабального договора наша страна, по сути, лишилась своих финансов. А долгосрочная политика правительства стала строиться на основе принципов монетарных ограничений, разработанных в МВФ для «туземных» развивающихся стран еще в 80-х годах. Суть этой политики заключается в том, чтобы, во-первых, разрушить в стране реальное производство, сохранив лишь экспортно-сырьевой сектор; во-вторых, подорвать ее финансы, навязав долларизацию экономики; в-третьих, ограничить денежную массу объемом сырьевого экспорта, поступающего в метрополию (США). Вот об этом жестком правиле МВФ и талдычит А.Кудрин: объем денежной массы в обращении «туземной страны» должен быть ограничен примерно 30% от ВВП. Таким образом, наш министр финансов является, по сути своей, проводником подрывной антигосударственной и антинациональной политики, навязанной России МВФ в 90-х годах... Пора прекратить политическое шаманство, прикрывающее предательство интересов страны»* — возмущался профессор А.А. Олейников в статье «Реальные причины инфляции» (Правда. 2008. №57).

Но что изменилось за прошедшие 10 лет? Много изменилось в худшую сторону. «Лучший министр финансов мира» стал председателем Счетной палаты РФ. Его преданный ученик Антон Силуанов стал первым вице-премьером и министром финансов одновременно. Он же курирует весь экономический блок.

Несколько изменились цифры, указанные академиком Д.С. Львовым. По данным еженедельника «Аргументы и Факты», на 21 декабря 2017 года «10% самых богатых россиян владеют 90% совокупного благосостояния».

«Основное богатство национальной экономики — природная рента. Она принадлежит весьма ограниченному числу лиц — олигархам. Рентные отношения пронизывают все остальные сферы экономики. Ее производные — рыночные цены (бензин и т.п.). Их рост приводит к снижению реальных доходов и уровня жизни», — говорит профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук Елена Борисовна Крылова.

«...Бесспорная угроза экономической и социальной безопасности имеет, как минимум, четвертьвековую историю. Но в разряд угроз 2018 года вписана, потому что активных действий по ее минимизации до нынешнего времени практически не осуществлялось. Макроэкономические усилия в этой области за двадцать пять лет исчерпали себя и ни к чему не привели», — заключает профессор РЭА им. Г.В. Плеханова Сергей Леонидович Орлов.

Когда мае 2018 года в правительстве РФ заговорили о необходимости принятия «непопулярных» решений, еще мало кто предполагал, во что в итоге выльется такая политика. Вскоре стало ясно, она убийственна для народа и государства. Тем не менее кабинет министров будто намеренно одно за другим выдвигает проекты этих «решений», а депутаты из парламентского большинства яростно их отстаивают и поддерживают совершенно абсурдные предложения, которые выливаются в очередное ограбление народа. Новые «инициативы» правительства абсолютно аналогичны обманам и грабёжам граждан России в прошлые годы — ликвидацией до реформенных вкладов, захватом народной собственности узким кругом лиц, лишением нуждающихся социальных льгот (122-й закон), платностью образования и лечения, введением разорительных тарифов ЖКХ. Сегодня — это повышение пенсионного возраста, повышение НДС на 2%; налогов на транспорт, имущество, недвижимость; вновь на ЖКХ, как минимум на 4%; сборов и налогов на средний и малый

бизнес; платежей и поборов с граждан за учебу в школах, образование в вузах, за лечение, койко-место, удорожание бензина и многое другое.

Навязанные МВФ «реформы» образования, здравоохранения и других сфер оборачиваются разрушением этих сфер нашей жизни. По данным Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы, более 36 миллионов человек находятся за чертой бедности. Росстат стал подведомственной структурой Министерства экономического развития, поэтому реальных цифр от него ожидать не стоит. Кстати, в рекомендациях ООН сказано, что статистический орган не может подчиняться министерствам. В РФ это требование полностью проигнорировали...

Идет планомерное удушение остатков производственного сектора — основы существования любого государства. По словам академика РАН, советника президента РФ Сергея Юрьевича Глазьева, банки стали насосами, выкачивающими деньги из производства: «Банк России проводит политику, следствием которой становится прогрессирующее технологическое отставание и снижение конкурентоспособности экономики, что влечет ее деградацию, высокий инфляционный фон и обнищание населения». Точно так же непомерные проценты за кредиты вынуждены платить граждане, попавшие в кабалу к банкам, делающим деньги из воздуха. К кровососам народной крови следует отнести и непомерно расплодившиеся фонды различного толка, занимающиеся «освоением» бюджетных и частных денег.

Министры, депутаты и сенаторы один за другим не устают говорить о выгодах, которые принесет повышение НДС. Но вот что говорят опытные специалисты.

Академик С.Ю. Глазьев: «Повышение НДС — это, во-первых, рост цен несомненный, по определению, что называется. Во-вторых, это налог на добавленную именно стоимость. То есть чем больше стоимости добавляется в ходе переработки, иными словами, чем больше у нас высокотехнологических цепочек, тем хуже для них будет эта новая ситуация с налогом на добавленную стоимость. Больше нагрузка. Мы много раз писали и доказывали господам из Министерства финансов, что НДС — это самый плохой из всех налогов, потому что он дестимулирует экономическое развитие, он требует огромного труда бухгалтеров, порядка 1,5—2 миллионов людей заняты только НДС».

Доктор экономических наук, профессор Валентин Юрьевич Катасонов: «Когда говорят о выгоде для страны в 620

миллиардов рублей в год от повышения на 2 процентных пункта налога на добавленную стоимость, задумайтесь: а что это за сумма? Это даже не дотягивает до 10 миллиардов долларов по нынешнему курсу. Между тем каждый год отток финансовых ресурсов, даже по платёжному балансу Российской Федерации, без учёта контрабандных форм бегства капитала, составляет 100 миллиардов. То есть вы, ребята, сначала наведите элементарный порядок с выводом капитала из России. Для этого даже не надо какие-то законы принимать, достаточно указа президента».

При этом парламентское большинство Госдумы принимает новые законы в угоду 10% самых богатых граждан. Объявлены две амнистии капиталов без выяснения их происхождения. А деньги всё равно в Россию не возвращаются. Для удобства обогащения олигархов «Единая Россия» приняла ряд законов об офшорах в РФ — на островах Русский во Владивостоке и Октябрьский в Калининградской области.

Для резидентов этих зон установлены: нулевая налоговая ставка по налогу на прибыль, полученная международной холдинговой компанией в виде дивидендов, и налоговая ставка по налогу на прибыль, полученная иностранными лицами в виде дивидендов по акциям холдинговых компаний. Для регистрации необходимо инвестировать в эту офшорную зону всего 50 млн. руб. за полгода. Эти зоны становятся тихой российской гаванью для иностранных дочек российских компаний, чтобы не платить в консолидированный бюджет налог на прибыль и чтобы уплачивать дивиденды по акциям в минимально возможном размере (всего 5%). Практически во всех странах мира существует прогрессивная шкала налогообложения. В РФ наблюдается категорический отказ даже от обсуждения этой важнейшей для жизни страны темы!

В стране процветает **олигархическо-ростовщический капитализм**, а над ее гражданами проводятся бесконечные эксперименты, включая построение цифрового банковского концлагеря. Не раз приходилось писать и о том, что при сложившейся порочной экономической модели действует мощнейшая индустрия духовного растления народных масс (в первую очередь — молодежи), усиленно рекламирующая культ наживы, жестокости и насилия, все виды порока и разврата, вседозволенность и лжедуховность. Отсюда — обезбоживание подавляющего большинства народа.

Пока в России существует описанная антигосударственная, антинациональная и антинародная система, будет продолжаться убийство нашего будущего...

РАДИ ДЕНЕГ

«Санкции в отношении России останутся в силе в том виде, в каком они есть», — заявил 30 июля президент США Дональд Трамп во время совместной пресс-конференции с премьер-министром Италии Джузеппе Конте в Белом доме. То есть, перефразируя известную поговорку, можно сказать: «Обед обедом, а война — по расписанию». Трамп может сколько угодно проводить рабочие обеды, как он это сделал 16 июля в Хельсинки, с президентом России В.В. Путиным, делать ему и России комплименты, но экономическая и санкционная война — по расписанию.

Но что в этой ситуации может Россия? Одна из немногих возможностей ощутимо ответить США и всему Западу со стороны России — контрсанкции в космической сфере. Как США ни стараются, но собственных ракетных двигателей для больших космических кораблей до сих пор создать не могут. Хотя, по оценкам некоторых экспертов, такая ситуация сохранится ещё около пяти лет — именно столько потребуются американцам на разработку и испытания своего двигателя. Но за это время американцы могут понести невосполнимые потери в случае, если в их распоряжении не окажутся российские РД-180, аналогов которым по технической и экономической эффективности, полезной нагрузке выводимых грузов и т.д. американцам найти не удастся. Американская космическая программа остановилась бы в этом случае на десятилетие. Кроме того, отказ от поставок РД-180 нанес бы реальный удар по экономике США, так как снизил бы загрузку их высокотехнологичного сектора. Не говоря уже о том, что американцы своими «Атласами», оснащенными российскими двигателями, доставляют на орбиту военные спутники, в том числе аппараты, засекающие пуски баллистических ракет, выводят на орбиту иные военные объекты. А это — прямая угроза безопасности России.

При рассмотрении пакета ответных мер на западные санкции со стороны России рассматривалась возможность прекращения поставки РД-180. Но по сомнительным основаниям, в правительстве склонились в «пользу рынка». Мол,

Россия предпочитает получать сиюминутную коммерческую выгоду и «вести себя корректно» со своими «партнерами». Это в условиях, когда «партнеры» имеют целью уничтожение России. И вот в конце июля в новостях промелькнуло сообщение: «Россия поставит США шесть двигателей РД-180 в 2020 году».

Более того, было сказано, что NASA и ВВС США сертифицировали РД-180 для полетов американских астронавтов в космос. В прошлом году комиссия из представителей NASA и ВВС США провела на НПО «Энергомаш» аудит соответствия технологических процессов и системы менеджмента качества американским требованиям. «Выдано заключение, что наша система обеспечивает выполнение требований для проведения пилотируемых миссий», — рассказал гендиректор НПО «Энергомаш» Игорь Арбузов.

Получается, что Россия, в угоду «рынку», ради получения краткосрочной финансовой выгоды идет на поводу у американцев, практически действует в их интересах. (И вопреки интересам России — добавим мы. — Ред.)

ТОСКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕСНЫ

(М.Ю. ЛЕРМОНТОВ)

VI

Летом бабушка с внуком вернулась в Тарханы.

*Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость...*

Радость в мученике науки не потухла, и бледности не наблюдалась, но явно виделся сочинитель. Для романтического героя, каким фантазировал себя Миша, он упросил бабушку принять в дом хорошеньких девушек из крепостных. Чаепитие на природе, шутки и смех в девичьем обществе, а когда собирались соседки, то были танцы.

Женщину Лермонтов познал рано, в чем сам признавался. В неоконченном романе «Вадим» он, говоря о Юрии, говорит о себе: «Но вот настал возраст первых страстей, первых желаний... Анютка, простая дворовая девочка, привлекла его внимание. О, сколько ласк,

Продолжение. Начало в №10 за 2018 г.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

сколько слов, взглядов, вздохов, обещаний — какие детские надежды, какие детские опасения! Как смешны и страшны, как беспечны и как таинственны были эти первые свидания в темном коридоре, в темной беседке, обсаженной густолиственной рябиной, в березовой роще у ручья, в соломенном шалаше полесовщика!.. О, как сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и под конец преступные поцелуи; как разгорались глаза Анюты, как трепетали ее едва образовавшиеся перси, когда горячая рука Юрия смело обхватывала неперетянутый стан ее, едва прикрытый посконным клетчатый платьем...»

Поэтический дар Миши рос вместе с ним. Приехав в Чембар, где и прежде бывал, он начал писать поэму «Черкесы». На заглавном листе пометил: «В Чембаре, за дубом». Вставлял в свое сочинение строки Пушкина, но лишь потому, что они были ему сродни. Из-за плохого владения русским языком, поэма получилась слабая, но есть в ней четыре строки, которые написать мог только настоящий поэт:

*О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смятенья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!*

Через много лет философ и литературный критик Василий Васильевич Розанов скажет о Лермонтове: «Он ничего не похищает, он не Пугачев, пробирающийся к царству, а подлинный порфиородный юноша, которому осталось немного лет до коронавания».

Мария Акимовна вместе с детьми и мужем была в отлучении, и в этот приезд Миша не мог с ней общаться. Только с Капэ общался по-прежнему. Его военные рассказы в воображении Миши связывались с любимым Кавказом.

И все же родная земля оставалась единственной, эта была святая любовь. Здесь не летали орлы над горами, облака не ложились в ущелья, но пинькали ласточки, мягкие травы ласкали босые ступни, и лепетали березы. Две березы над речкой он написал акварелью и позже не раз еще вспомнит о них.

1 сентября Миша Лермонтов был зачислен в Московский университетский благородный пансион в 4-й класс, показав на экзамене превосходные знания. Бабушка заплатила за первый семестр 325 рублей и 144 рубля «положенные на столовые приборы».

Пансион состоял из шести классов, где обучалось до трехсот воспитанников. Елизавета Алексеевна наняла квартиру

на Малой Молчановке в доме Чернова, близко от пансиона. В соседстве жили дальние родственники Лопухины: отец, три его дочери и сын. Мать у них умерла. Миша почти каждый день к ним ходил, тесно сойдясь с Алешей Лопухиным. Тринадцатилетняя Варенька, которую только нынешний год привезли из деревни в Москву, тихая, кроткая девочка, с удивлением слушала Лермонтова — совсем еще юного, но уже с серьезными знаниями. У нее была родинка над левой бровью, и в играх ее дразнили: «У Вареньки родинка, Варенька уродинка!» Она нисколько не обижалась. Мог ли подумать Миша, что эта «уродинка» станет его любовью на всю жизнь. Не знала и Варенька, что невысокий мальчик с большой головой, которого в пансионе прозвали Лягушкой, будет дороже ей всех на свете.

По утрам Мишу провожал в пансион его *дядька* Андрей Соколов, подаренный ему свыше десяти лет назад. Заботливый, преданный, Андрей о себе забывал, если дело касалось барича. После занятий снова ехал за Мишей.

Пансион находился на Тверской, занимая пространство между двумя Газетными переулками; был в виде большого каре, с внутренним двором и садом. Университетским он назывался потому, что в двух старших классах преподавали университетские профессора. Но заведение это имело отдельный, законченный курс, и выпускало воспитанников с правами на четырнадцатый, двенадцатый и десятый классы по чиновному производству; то есть стояло наравне с Царскосельским лицеем, который окончил Пушкин.

Учебный курс был общеобразовательный, но значительно превышал уровень гимназического, в него входили аналитическая геометрия, начала дифференциального и интегрального исчисления, физика, естественная история, римское право, русские государственные и гражданские законы, эстетика, римские древности, курс военных наук. Из древних языков преподавался только латинский, но несколько позже был введен еще греческий.

Алексей Федорович Мерзляков был красой пансиона. Он заботливо просматривал литературные произведения своих воспитанников, подробно и беспристрастно разбирал их, давая советы. Способных и даровитых поощрял.

Несмотря на то, что три года назад произошла жестокая расправа над декабристами, в пансионе царил дух свободымыслия. В старших классах по рукам ходили запрещенные стихи казненного Рылеева, стихи Вильгельма Кюхельбекера, находившегося в арестантской роте Динабургской крепости. Воспитанники зачитывались Пушкиным и поэмой Грибоедова «Горе от ума», ходившей в списках.

Среди одноклассников Миша сошелся только с Дмитрием Дурновым, которого ценил за открытую, добрую душу. «Одаренный от природы блестящими способностями и редким умом, Лермонтов любил преимущественно проявлять свой ум и свою находчивость в насмешках над окружающею его средою, и колкими, часто очень меткими остротами оскорблял иногда людей, достойных полного внимания и уважения», — оставил о нем замечание один из учеников. Но если остроты были «меткими», то, значит, заслуженными?

В ноябре Мария Акимовна привезла к Арсеньевой сына Акима (Екима, как его звали в семье). Больше года Миша с Акимом не виделись. «В Мишеле нашел я большую переменную, он был уже не дитя, ему минуло четырнадцать лет».

Елизавета Алексеевна взяла гувернера для мальчиков — француза Жандро, уроженца города Безансона. А вскоре пришло известие из Тархан, что Жан Капэ умер. Смерть его горько оплакивалась. Даже те из тарханских крестьян, которые гнали Наполеона с русской земли, любили этого безобидного человека.

«Гувернер Жандро, почтенный и добрый старик, был, однако, строг и взыскателен и держал нас в руках; к нам ходили разные другие учителя, как водится. Тут я в первый раз увидел русские стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочел мне своего сочинения стансы К***. Меня ужасно интриговало, что значит слово стансы и зачем три звездочки? Однако ж промолчал, как будто понимаю. Вскоре им была написана поэма «Индианка» и начал издаваться рукописный журнал «Утренняя заря» на манер «Наблюдателя» или «Телеграфа», как следует с стихотворениями и изящною словесностью; журнала этого вышло несколько номеров, по счастью, перед отъездом в Петербург все это было сожжено, и многое другое, при разборе старых бумаг».

В чем-то Шан-Гирей прав, а в чем-то и нет: быть может, в тех подражательных сочинениях, которые бросили в топку, были и настоящие перлы — пусть в восемь и даже в четыре строки, как в поэме «Черкесы». Лермонтов, как все поэты, подсознательно шел от «кого-то». О своем творчестве той поры говорил с усмешкой: «Когда я начал марать стихи в 1828 году...» Некоторые из них все-таки сохранились: «Я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня». Этим годом датированы «Кавказский пленник» и «Корсар».

Он познакомился с творчеством Шиллера, сделав несколько переводов, поскольку хорошо знал немецкий язык. Его

переводы были своеобразны: у Шиллера он брал сюжет, но разрабатывал его по-своему, давал ему свое освещение, иную постановку и иной характер действующим лицам и событиям. Так он действовал и впоследствии, переводя иностранных авторов.

«В домашней жизни своей, — вспоминал Аким Шан-Гирей, — Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, занимался часто музыкой, а больше рисованием, преимущественно в батальном жанре, также играли мы часто в шахматы и в военную игру, для которой у меня всегда было в готовности несколько планов. Пансионская жизнь Мишеля была мне мало известна, знаю только, что там с ним не было никаких историй».

20 декабря были объявлены рождественские каникулы, и Миша сел за письмо к Марии Акимовне: «Милая тётинька. Зная вашу любовь ко мне, я не могу медлить, чтобы обрадовать вас: экзамен кончился, и вакация началась до 8 января; следовательно, она будет продолжаться 3 недели. Я вам посылаю баллы, где вы увидите, что г-н Дубенской поставил 4 *русск.* и 3 *лат.*; но он продолжал мне ставить 3 и 2 до самого экзамена, вдруг как-то сжалился и накануне переправил, что произвело меня вторым учеником. Папенька сюда приехал, и вот уже две картины извлечены из моего портфеля, слава Богу, что такими любезными мне руками! Бабушка была немного нездорова зубами, однако же теперь гораздо лучше, а я, — о! я чувствую себя, как обычно... хорошо! Прилагаю вам, милая тётинька, стихи, кои прошу поместить к себе в альбом, а картинку я еще не нарисовал. На вакацию надеюсь исполнить свое обещание».

Стихотворение «Поэт», которое Миша приложил к письму, имело отношение к «Видению Рафаэля» из книги В. Ваккенродера и Л. Тика «Об искусстве и художниках». Многие в пансионе были увлечены этим «видением», а кое-кто и стихи писал.

Юрий Петрович приехал 20 декабря, специально подгадав к каникулам сына. Как всегда остановился у Арсеньевой. Миша подарил ему карандашный рисунок «Младенец, тянущийся к матери», сделанный с гипсовой композиции, и копию с картины Антона Лосенко «Андрей Первозванный». В тетрадах Миши Юрий Петрович увидел несколько новых лирических стихов, поэм и набросок к поэме «Демон».

Отец сознавал высокую степень художественного и поэтического дарования сына, поэтому написал ему в духовном напутствии 29 июня 1831 года: «...Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на

что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, — не ожесточай его даже и самою несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо с ожесточением ты сам вступишь в презираемые тобою пороки. Верь, что истинная, нелицемерная любовь к Богу, к ближнему, есть единственное средство жить и умереть спокойно. Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою».

Бабушка стала подозревать, что Юрий Петрович все-таки посвятил Мишу в свои взаимоотношения с ней. Это ее так взволновало, что, рассорившись с зятем, она заболела. Юрий Петрович уехал. Камнем легла на впечатлительную душу подростка ссора самых близких для него людей. «У моей бабушки, моей воспитательницы, жестокая распря с отцом моим, и всё это на меня упадет», — говорит герой его драмы «Люди и страсти».

8 января в благородном пансионе начались занятия. Огромная трата душевной, физической, умственной энергии требовала восстановления сил: за обедом Миша съедал так много, что гости Арсеньевой удивлялись его «прожорливости». Где же им было понять той нагрузки, которой он подвергался; они смаковали блюда, а он, поглощенный своей внутренней жизнью, не разбирал, что подают. Кузина Саша Верещагина хмурилась: «Мишель, вы не гурман». Миша словно очнувшись, смотрел на нее. Пряча досаду, доказывал, что не хуже ее разбирается в кушаньях.

Но в пансионе за общим столом никто и не думал смотреть, как он ест — там, после уроков и беготни в перемены, все было вровень «прожорливы».

На один из уроков Алексей Федорович Мерзляков принес томик Пушкина. Прочитал стихотворение «Зимний вечер» и, будучи приверженцем древних классиков, раскритиковал его. «Это бесило Лермонтова. Я не помню, конечно, какое именно стихотворение представил Лермонтов Мерзлякову; но через несколько дней, возвращая все наши сочинения на заданные им темы, он, возвращая стихи Лермонтову, хотя и похвалил их, но прибавил только: «Молодо, зелено», какой, впрочем, аттестации почти все наши сочинения удостоивались» (А. Миклашевский, одноклассник М.Ю. Лермонтова).

Переменилось отношение Миши и к своему наставнику Зиновьеву. Зиновьев не был увлечен Байроном, а Миша, приобретши себе в Байроне кумира, хотел видеть в Зиновьеве единомышленника. Заявил бабушке: «Зачем вы его наняли

учить меня? Он ничего не знает». Тем не менее Зиновьев много дал Лермонтову; он был хорошо эрудирован и обращал внимание ученика на лучшие произведения мировой культуры.

Подражая поэзии Байрона, Миша начал писать о мрачных мучениях, жертвах, изменах и ядах лобзания. Старшая дочь Лопухиных, Мария Александровна, некрасивая, но очень умная, смотрела на байронизм Лермонтова с иронией, Алеша Лопухин был далек от поэзии, а Варенька отвечала тихим вздохом: она сама, любившая пушкинского «Онегина», не раз представляла себя Татьяной Лариной.

В Байроне Миша нашел глубокое сходство с собой. Как Байрон, он рано влюбился, как Байрон, имел шотландские корни. О Джордже Лермонте ему поподробнее рассказала Авдотья Петровна. Во время шотландских смут Джордж покинул свою страну. Служил в польском гарнизоне, затем перешел в ряды московского войска, был офицером в отряде Дмитрия Пожарского и за хорошую службу получил поместье в Галиче. Потомки его, обрусев, стали Лермонтовыми, избрали, как он, военное дело и честно служили русским царям.

Две основные ветви шотландцев Лермонтов занимали высокие административные и юридические посты в городе Сент-Эндрюсе при архиепископах и королевском дворе; приходились дальними родственниками королеве Марии Стюарт. Но Лермонтовы об этом не знали, как не знали и того, что Томас Лермонт, живший в тринадцатом веке, явился родоначальником шотландской литературы.

«Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном, — отмечал Миша, — его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет великий человек и будет два раза женат; про меня на Кавказе старуха предсказала то же самое моей бабушке. Дай Бог, чтоб и надо мной сбылось, хотя б я был так же несчастлив, как Байрон».

Воспитатель Жандро стал просвещать Мишу в «науке жизни». Узнав об этом от горничных, Арсеньева крупно поговорила с бывшим дамским угодником. Жандро притих. В эту зиму он простудился, и через несколько месяцев умер. Московский обер-полицмейстер Шульгин в секретном отношении сообщал генерал-губернатору Голицыну: «Находящийся по предписанию вашего сиятельства под полицейским надзором французский подданный Жан-Пьер-Келлет-Жандро 8 числа сего августа месяца в ночи после продолжительной болезни кончил жизнь».

В апреле состоялось собрание в благородном пансионе по случаю девятого выпуска. Присутствовал поэт И.И. Дмитриев и другие почетные гости. Среди отличившихся воспи-

танников был назван Михаил Лермонтов, награжденный в декабре 1828 года при переходе из четвертого класса в пятый двумя призами: книгой и картиной.

«Милая тётинька. Извините меня, что я долго не писал... Но теперь постараюсь почаще уведомлять вас о себе, зная, что это вам будет приятно. Вакации приближаются и... про-сти, достопочтенный пансион! Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому учение прекратится; нет! дома я заниматься буду еще более, нежели там».

Огромное разнообразие творческих замыслов бродило в Мише этой весной:

«Сюжет трагедии. Отец с дочерью, ожидают сына, военного, который придет в отпуск. Отец разбойничает в своей деревне, и дочь самая злая убийца... Дочь примеривает платья убитых несколько дней тому назад; люди прибирают мертвые тела...»

«Монах сидит у окна. Подходит старый нищий и девушка. Он узнает отца и сестру. Хочет броситься — но останавливается и закрывает окно в отчаянье. Он украл денег; и на другой день ищет их, но нигде не находит; потом, не зная, что с ними делать, зовет товарища-слугу — в кабак и пропивает их; так узнали, что он украл; и он посажен в тюрьму».

«Сюжет трагедии. Молодой человек в России, который не дворянского происхождения, отвергаем обществом, любовью, унижаем начальниками (он был из поповичей или из мещан, учился в университете и вояжировал на казенный счет). Он застреливается».

Эти творческие планы говорят сами за себя: в Мише всюду бушевали фантазии под впечатлением прочитанных книг с захватывающими сюжетами. Да и кто в ранней юности не зачитывался такими книгами, порой проглатывая объемный том за ночь? Впоследствии Лермонтов скажет о них: «Гали-матья на ходулях».

VIII

Летом Екатерина Столыпина пригласила Арсеньеву в свое имение Средниково, находившееся в двадцати верстах от Москвы.

Усадьба была на редкость красива. Великолепный дворец, невзирая на бури времен, хранил величественность; от дворца спускались к пруду крутые ступени; над оврагом был перекинут белокаменный псевдоготический мост, через который тропка вела к старинной церкви Алексея Митрополита. Здесь соединилось все: романтическая природа и рукотворная архитектура, поэтические предания и историческая память.

Мише было отведено одно из верхних помещений гостевого флигеля и предоставлено право пользоваться громадной середниковской библиотекой, в которой бережно хранились журналы с трудами Дмитрия Алексеевича Столыпина по военному делу.

По соседству с Средниковом располагалось имение Верещагиных — Елизавета Аркадьевна Верещагина была родной сестрой Екатерины Столыпиной, и Верещагины навещали ее. «Miss Alexandrine принимала в Мишеле большое участие, она отлично умела пользоваться саркастическим направлением ума своего и иронией, чтоб овладеть этой беспокойною натурой и направлять ее, шутя и смеясь, к прекрасному и благородному», — вспоминал Аким Шан-Гирей, бывший тоже в Средникове. Саша Верещагина была старше Лермонтова на четыре года, и он относился к ней с шутливым почтением.

Кроме Верещагиных, приезжали Лопухины — близкие родственники Верещагиных и Столыпиной, навещали соседи, собралось веселое молодежное общество. Верховая езда, бильярд, прогулки, танцы под музыку крепостных музыкантов... Много дурачились, стерегли по потемкам священника и пугали его, когда, возвращаясь из церкви, он шел через мост, которому дали название Чертов. Не отставал от больших и семилетний Аркаша Столыпин, он вместе с Лермонтовым караулил священника в прачечной (мыльне). Стояли у приоткрытой двери и, заслышав его шаги, выли дикими голосами.

*На темной синеве небес
Луна меж тучами ныряет.
Спокою я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.*

К этому стихотворению Лермонтов приписал: «Средниково. В мыльне. Ночью, когда мы ходили по па пугать». Подарил ли он это стихотворение отцу Михаилу, неизвестно. Может быть, подарил, так как отец Михаил в нём представлен героем.

Батюшка не обижался на молодежь — что с них взять, если в головах сквозной ветер? В хозяйском доме он был дорогим гостем, а в церковь к нему ходила вся эта неуправляемая орда, становясь там задумчивой и серьезной.

Миша узнал, что отец Михаил участвовал в Бородинском сражении и за свои воинские деяния получил медаль. Рас-

спрашивал его о Бородине. Священник рассказывал все, что помнил. Кроме него, 37 середниковских крестьян были в рядах народного ополчения, участвуя в разгроме Наполеона. Об этом Мише сказал домашний учитель Аркаши Столыпина семинарист Орлов. Вместе с Орловым они ходили в деревню записывать воспоминания бывших солдат и слушать народные песни.

Взрослые гости имения косо смотрели на то, что молодежь приняла Орлова в свой круг. Но именно Орлов привил юному Лермонтову любовь к народной поэзии. Следствием погружений в народную песенную стихию стали юношеские стихотворения Лермонтова «Атаман» и «Воля» — своеобразная стилизация разбойничьего фольклора. Другим замыслом, берущим начало в Средникове, стало знаменитое «Бородино». Здесь был создан первый вариант его — «Поле Бородина». Сама форма — рассказ солдата — возникла как отражение подлинных бесед с рядовыми участниками великой битвы.

Возле храма, в котором служил отец Михаил, рос многовековой вяз с огромным дуплом. Лермонтов забирался в него, сидел и о чем-то думал. Природа не отпустила ему гвардейского роста, каким щеголяли все Столыпины, но подарила восприимчивую душу. Не здесь ли, в дупле, схожем с пещерами в Чембарском уезде, в которых при набегах пугачевцев прятались помещики, зародилась в нём мысль написать о пугачевском бунте? Он видел эти пещеры, знал об отрядах Пугачева, ибо крестьяне в Тарханах о том говорили и многие были свидетели. Да и не очень давно это было, в 1774 году, а бабушка Миши родилась в 1773-м. Сохранилось предание, что «под полом часовни в Тарханах господина похоронены и что всех их Пугачев перебил еще в старину».

Беспечная молодежь вовсе не жаждала разделять его мысли, да и он не стремился выделиться. Вместе со всеми заслушивался игрой Екатерины Аркадьевны на рояле, сам немного играл, но чаще брал скрипку, пытаясь передать звуками то неясное, что бродило в душе. Его занимала Варенька Лопухина. «Друг мой!» — сказала она; и, оставаясь с собой наедине, он не мог удержаться, чтобы не повторять: «Друг мой!»

Он еще не догадывался, что «против его сердца билось другое — нежное, молодое, любящее со всем усердием первой любви», что душа Вареньки «создана по образцу его души, что они, уже знакомые прежде рождения своего, читают свою участь в голосе друг друга, в глазах, в улыбке... и не могут обмануться».

К сентябрю все вернулись в Москву.

В пятом классе у Миши вел математику профессор Дмитрий Матвеевич Перевошиков, крупный ученый, автор многочисленных работ по математике и астрономии. «Он имел обыкновение каждый год, при начале курса в 5-м классе, в первые же уроки, экзаменовывать вновь поступивших учеников и отбирать овец от козлиц. Из всего класса обыкновенно весьма немногие попадали в число избранных, т.е. таких, которые признавались достаточно подготовленными и способными к продолжению курса математики в высших двух классах; этими избранными профессор только и занимался» (Д.А. Милютин). Лермонтов входил в число избранных. Он любил математику. Любил математические игры и удивлял знакомых знанием математических фокусов.

Однажды, ночуя у Лопухиных, Миша до полуночи бился над решением сложной математической задачи и, утомленный, заснул над ней. Приснился ему человек, помогший решить ее. Лермонтов проснулся, изложил решение на грифельной доске, и, под свежим впечатлением, нарисовал на тонированной стене комнаты портрет того человека. Утром всё рассказал Алеше Лопухину. Лицо изображенного было настолько характерным, что Лопухин захотел его сохранить, вызвал мастера — сделать рамку вокруг рисунка и застеклить. Мастер оказался неумелым, штукатурка с рисунком отпала. Лермонтов успокоил друга: «Ничего, мне эта рожа так в голову врезалась, что я тебе намалюю ее на полотне», — что и выполнил. Сходство вышло поразительное. С тех пор этот портрет постоянно висел в кабинете Алексея Лопухина.

Человек, приснившийся Мише, являл собой герцога Лерму в средневековой испанской одежде, с кружевным воротником, с испанской бородкой, с орденом Золотого руна. Изучая историю, Миша наткнулся на имя Лерма, а Лермонтовы в то время писались как Лермантовы. Может быть, герцог Лерма — из ветви Лермонтов? С тех пор он стал подписываться М. Лерма.

Художник Солоницкий много способствовал развитию у Миши таланта живописца и графика, а инспектор пансиона Михаил Григорьевич Павлов всерьез заинтересовался художественными успехами Лермонтова, храня подаренные им картины.

С 12 по 20 декабря прошли экзамены, а 21-го было «испытание в искусствах», где Лермонтов сыграл аллегро из скрипичного концерта Людвиг Маурера. Миша перешел в пос-

ледный, шестой класс — там сосредотачивались все университетские факультеты, за исключением медицинского.

Воспитанников распустили на каникулы, но на этот раз Миша ничего не написал Марии Акимовне, он ездил с бабушкой и Акимом в Саратов на свадьбу Афанасия Алексеевича Столыпина.

В феврале приехал Юрий Петрович — внести в опекунский совет плату по закладной. Жил у сестры, но с сыном встречался. Они не виделись год. Свидания на этот раз были непродолжительны: долгое отсутствие внука заставляло страдать его бабушку. Миша любил одинаково бабушку и отца, и можно представить, как разрывалось его сердце. Не мог он не видеть, как исхудал и осунулся Юрий Петрович, как при кашле его появляется кровь, марая платок, как печальны его глаза. Тут бы вместе побыть, как раньше, утешить отца, поговорить, но это было, увы, невозможно. (Первый биограф Лермонтова Павел Висковатов предполагал, что семейная распря чуть не довела Мишу Лермонтова до самоубийства.)

После отъезда отца месяц для Миши прошел в привычных занятиях, а в марте случилось то, чего никто не ожидал: одиннадцатого числа в пансион — без предупреждения и без свиты — явился Николай I. Давно уже доносили ему, что между воспитанниками благородного пансиона господствует неприличный образ мыслей и «не кроется ли чего вредного для существующего порядка вещей и противного правилам гражданина и подданного в системе учебного преподавания наук?»

«Это было первое царское посещение. Оно было до того неожиданно, непредвиденно, что начальство наше совершенно потеряло голову. На беду, государь попал в пансион во время «перемены» между двумя уроками, когда обыкновенно учителя уходят отдохнуть в особую комнату, а ученики всех возрастов пользуются несколькими минутами свободы, чтобы размять свои члены после полуторачасового сидения в классе. Коридор наполнялся густою толпою жаждающих движения и обращался в арену гимнастических упражнений всякого рода. В такой-то момент император, встреченный в сенях только старым сторожем, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал среди бушевавшей толпы. С своей же стороны толпа не обратила никакого внимания на появление величественной фигуры императора, который прошел вдоль всего никем не узнанный» (Д.А. Милютин).

Император негодовал. Как не узнали его, если царский портрет висит в актовом зале? Значит, так чтят! Зато на Почётной доске — имя Николая Тургенева, заочно осужденного

к пожизненному заключению после декабрьского восстания и сбежавшего за границу!

Судьба пансиона была решена. Николай I подписал указ о превращении этого привилегированного учебного заведения в Дворянский институт с низведением на уровень гимназии. Через две недели после обнародования указа Михаил Лермонтов подал прошение об увольнении. Это было первое в его жизни самостоятельное решение.

Не полных два года он был в пансионе, и, несмотря на усиленные занятия учебными предметами, несмотря на балы и проказы, создал множество произведений. Теперь заканчивал трагедию «Испанцы», где в роли Эмилии видел Вареньку Лопухину. Аким Шан-Гирей так описывал Вареньку: «Это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная». Она нравилась многим: тонкие черты лица, карие глаза и белокурые волосы, и никакого кокетства. Ее образ стал для Лермонтова эталоном красоты. Он написал акварельный портрет Эмилии-Вареньки: кроткая девушка с опущенными глазами, темное покрывало на голове, крестик на нежной шее — одна из лучших его акварельных работ.

3 июня в Севастополе погиб военный губернатор Николай Алексеевич Столыпин — родной брат Елизаветы Алексеевны. Еще одно горе в семье! Два года назад во избежание чумы, гулявшей по югу России, Севастополь был окружен карантинными заграждениями. Вместо крестьянских поставок за продовольственное снабжение взялись интенданты, и сразу же началось воровство: закупали продукты подпорченные, однако платили как за высокое качество; разницу в сумме брали себе. Некачественные продукты стали причиной заболеваний и смертности в городе и в гарнизоне. По чьему-то донесению прибыла комиссия из Петербурга, но делу не дали ход, а карантин ужесточили. Доведенные до отчаяния жители и матросы двинулись к дому военного губернатора, и Столыпин был смят разъяренной толпой. Полиция сбежала, гарнизон отказался подавлять бунт. Толпа избивала виновников своих бед, громила дома чиновников и офицеров. Через несколько дней в Севастополь вошла дивизия генерала Тимофеева. По решению следственного комитета, который возглавил граф Воронцов, семеро зачинщиков были казнены, свыше тысячи человек отправлены на каторжные работы; офицеры гарнизона получили дисциплинарные взыскания.

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...*

После расправы над благородным пансионом, которая произошла на глазах у Лермонтова, после известий из Севастополя, он ясно понял, что царская власть не продержится долго, люди просто не вынесут произвола над ними. Через 87 лет его предсказание сбудется в точности.

Миша начал готовиться к поступлению в Московский университет, штудировал предметы, которые потребуются на экзаменах. Но посещения Лопухиных и Верещагиных не прекратил. Вместе гуляли по Москве, ходили в театры, проводили время в интересных разговорах.

Однажды у Верещагиных он увидел Катю Сушкову. Это была невысокая, бледная по петербургской моде, восемнадцатилетняя девушка с большими близорукими глазами. На худеньком бледном личике глаза казались особенно черными и огромными — как у стрекозы. В Москву ее привезла петербургская тетка, в доме которой Катя воспитывалась.

Катя родилась 18 марта 1812 года, в Симбирске. Отец, игрок и скандалист, возненавидел жену и передал дочь своей матери. В десять лет Катю взял на воспитание брат отца, живший в Петербурге. Потом одна из сестер отца захотела взять Катю к себе, и таким образом, девочка навсегда оказалась в ее доме, тоже в Петербурге: «Мне минуло шестнадцать лет, решено было зимой вывезить меня в свет, и дядя стал изредка приглашать к нам своих приятелей и сослуживцев, которые все принадлежали к высшему кругу общества... Во время оно у меня была целая толпа поклонников, но я не отличала ни одного».

Миша Лермонтов всерьез увлекся Катей. К светскому лоску в ней добавлялась начитанность. По вечерам вместе с Катей и Сашей гулял по московским бульварам, Катя давала нести ему зонтик или перчатки и называла своим чиновником по особым поручениям. Проницательная Саша Верещагина заметила ей: «Лермонтов влюблен в тебя». Кате было смешно: за ней увивался целый рой московских франтов, которых она не удостаивала взглядом, а тут мальчишка...

Летняя Москва постепенно пустела, народ разъезжался по деревням, и Елизавета Алексеевна с внуком отправилась в Середниково. Вскоре там оказались Катя и Саша, поскольку имение Верещагиных было в трех верстах от Середникова, а имение Катиной тетки рядом с имением Верещагиных.

«По воскресеньям мы уезжали к обеду в Середниково и оставались на целый день у Столыпиной. Вчуже отраднo было видеть, как старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова. Я предсказывала ей великого человека в косолапом и умном мальчике. Сашенька и я, точно, мы обраща-

лись с Лермонтовым, как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности, он домогался попасть в юности в наших глазах, декламировал нам Пушкина, Ламартина и был неразлучен с огромным Байроном. Бродит, бывало, по тенистым аллеям и притворяется углубленным в размышления, хотя ни малейшее наше движение не ускользало от его зоркого взгляда. Как любил он под вечерок пускаться с нами в самые сентиментальные суждения, а мы, чтоб подразнить его, в ответ подадим ему волан или веревочку, уверяя, что по его летам ему свойственнее прыгать и скакать, чем прикидываться непонятым и неоцененным снимком с первейших поэтов» (Е.А. Сушкова).

И все-таки Миша любил ее, не спал по ночам, давая волю воображению; он придумал ее для себя, и, как признавался потом: «Любовь — самозабвение, сумасшествие, назовите как вам угодно; но если к ней примешается воображение, то горе несчастному! — по какой-то чудной противоположности, это святое чувство делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может».

У Кати здесь не было других поклонников, кроме Миши, она не отталкивала его, но и не приближала. «Он не только был неразборчив в пище, но никогда не знал, что ел, телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что, пожалуй, он со временем, как Сатурн, будет глотать булыжники. Наши насмешки выводили его из терпения, он спорил с нами почти до слез, стараясь убедить нас в утонченности своего гастрономического вкуса; мы побились об заклад, что уличим его в противном на деле. И в тот же самый день после долгой прогулки верхом велели мы напечь к чаю булочек с опилками! И что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, с жадностью принялись за чай, а наш-то гастроном Мишель, не поморщась, проглотил одну булочку, принялся за другую и уже придвинул к себе и третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая в то же время на неудобосваримую для желудка начинку. Тут не на шутку взбесился он, убежал от нас и не только не говорил с нами ни слова, но даже и не показывался несколько дней, притворившись больным».

Взрослые девушки, одной девятнадцатый год, другой двадцать первый, познавшие горькое чувство первой, неразделенной любви, они оказались безжалостны к Мише. Пусть были бы булки с горохом, пусть с яблочными очистками, но не с опилками! Они уязвили его, унизили и были довольны собой. Знали, что творчество Миши — это бессонные ночи, что, кроме того, он готовит предметы для поступления в уни-

верситет — и не понять его неразборчивости в еде! Да думал ли он о ней вообще?

От Кати он ничего не хотел, он только был рад находиться с ней рядом. Варенька Лопухина, бывая тем летом в Середникове, видела, как дорогой ее Миша не отстает от смазливой петербурженки, забыв поцелуй на балконе перед самым отъездом в прошлом году. Как горько ей было! Он для нее — один во всем свете! Но он не забыл, он только на время потерял голову; сердце осталось с Варенькой. Даже спустя несколько лет он помнил ту ночь: «Они стояли вдвоем на балконе, какой-то невидимый демон сблизил их уста и руки в безмолвное пожатие, в безмолвный поцелуй!.. Они испугались самих себя... Они сели, смотрели в глаза друг другу, не плакали, не улыбались, не говорили, — это был хаос всех чувств земных и небесных, вихорь, упоение неопределенное, какое не всякий испытал, и никто изъяснить не может. Неконченные речи в беспорядке отрывались от их трепещущих губ, и каждое слово стоило поэмы... — само по себе незначашее, но одушевленное звуком голоса, невольным телодвижением — каждое слово было целое блаженство!»

В августе Катя и Саша редко приезжали в Середниково, оставаясь в своих усадьбах. «В деревне я наслаждалась полной свободой. Сашенька и я по несколько раз в день ездили и ходили друг к другу, каждый день выдумывали разные развлечения: катанья, кавалькады, богомолья; то-то было мне раздолье!» (Е.А. Сушкова).

Был задуман пеший поход в Сергиеву лавру — тоже, как видно, для развлечения. Накануне отъезда девушки были в Середникове, сидели в саду. Лермонтов к ним подошел, сказал несколько незначительных слов и быстро исчез. Саша отправилась следом за ним, а Катя увидела у себя под ногами листок со стихами. Это было лирическое стихотворение, каких Лермонтов напишет ей не одно. На другой день все вместе поехали в Москву, чтобы оттуда двинуться в лавру. Лермонтов ни разу не взглянул на Катю, но сунул ей в руку испишанную бумагу:

*Благодарю!.. Вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!*

Насмешкам Саши не было конца: «Катрин, тебе дано вдохновлять и образовывать поэтов!»

Четырехдневный пеший поход в лавру, как узнаём из «Записок» Сушковой, был впечатляющим: ночевки на постоянных дворах, усталость, здоровый аппетит... Вот только о лавре она бы не вспомнила, если бы не стихотворение «Нищий», в котором Лермонтов признался ей в любви.

1 сентября правление Московского университета слушало донесение профессоров о том, что они «испытывали Михаила Лермантова — в языках и науках и нашли его способным к слушанию профессорских лекций». Лермонтов был принят на нравственно-политический факультет, позже переименованный в юридический. Учиться, однако же, не пришлось: в Москве появилась холера. Студенты медицинского факультета пошли помогать врачам в больницах и тифозных бараках.

Но пока население не было слишком напугано; тетушка Кати Сушковой устроила танцевальный вечер. Накануне Лермонтов спросил Катю: будет ли она танцевать с ним мазурку?

— С вами? Боже меня сохрани, я слишком стара для вас, да к тому же на все длинные танцы у меня есть петербургский кавалер.

«И в самом деле, я имела неимоверную глупость проскучать с этим конногвардейцем десять мазурок сряду для того только, чтобы мне позавидовали московские барышни. Известно, как они дорожат нашими гвардейцами».

Лермонтов продолжал ей дарить стихи, но уже разобрался в Кате. Через много лет Аким Шан-Гирей, увидев в печати «Записки» Сушковой, ответит на них: «Сушкова, вероятно, и не подозревает, что всем происшествиям я был свидетель, на которого, как на ребенка, никто не обращал внимания, но который многое замечал и понимал, и помнит, между прочим, что Мишель не был косолап и глаза его были вовсе не красные, а скорее прекрасные... Он был страстно влюблен, но не в Сушкову, а в молоденькую, умную, милую, как день, и в полном смысле восхитительную В.А. Лопухину».

С середины сентября холера уже свирепствовала в Москве. Людями овладел страх, многие были в трауре, балы и прочие увеселения прекратились. За Катей приехал отец и увез ее в Петербург.

Закрылись правительственные учреждения, фабрики, учебные заведения, театры. Улицы города опустели. По городу разъезжали кареты с больными в сопровождении полиции и пугающие черные фуры с телами умерших. Все разговоры жителей города сводились к холере — о том, кто заболел и кто умер.

Только 12 января начались занятия в университете. Лермонтов, обучаясь на нравственно-политическом факультете, посещал и словесное отделение. «Всех слушателей на первом курсе словесного факультета было около ста пятидесяти человек. Молодость скоро сближается. В продолжение нескольких недель мы сделались своими людьми, более или менее друг с другом сошлись, а некоторые даже и подружились, смотря по роду состояния, средствам к жизни, взглядам на вещи. Студент Лермонтов, в котором тогда никто из нас не мог предвидеть будущего замечательного поэта, имел тяжёлый несходчивый характер, держал себя совершенно отдельно от всех своих товарищей, за что, в свою очередь, и ему платили тем же. Он даже и садился постоянно на одном месте, отдельно от других, в углу аудитории, у окна, облокотясь по обыкновению на один локоть и углубясь в чтение принесенной книги, не слушал профессорских лекций. Шум, происходивший при перемене часов преподавания, не производил никакого на него действия. Роста он был небольшого, сложен некрасиво, лицом смугл; темные его волосы были приглажены, темно-карие большие глаза пронзительно впились в человека. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное к себе нерасположение.

Как-то раз несколько товарищей обратились ко мне с предложением отыскать какой-нибудь предлог для начатия разговора с Лермонтовым.

Недолго думая, я отправился.

— Позвольте спросить вас, Лермонтов, какую книгу вы читаете? Без сомнения, очень интересную, судя по тому, как углубились вы в нее; нельзя ли поделиться ею и с нами? — обратился я к нему не без некоторого волнения.

Он мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии, сверкнули глаза его. Трудно было выдержать этот неприветливый, насквозь пронизывающий взгляд.

— Будет бесполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Содержание этой книги вас несколько не может интересовать; вы тут ничего не поймете.

Как будто ужаленный, отскочил я от него, успев лишь мельком заглянуть в книгу, — она была английская» (П.Ф. Вистенгоф).

Вероятно, это был том Шекспира. Миша не только был увлечен Шекспиром, но в переписке с Марией Акимовной со всем пылом юности убеждал ее, что Шекспир — величайший из драматургов во всей вселенной. Критиковал сквер-

ные переводы шекспировских пьес на русский язык, приводил в доказательство собственный перевод и восклицал: «И это не прекрасно?!»

В университете учились Герцен, Белинский, Огарев, но они были старше Лермонтова, и он не общался с ними. Он тесно сдружился с Закревским, Гагариным, Шеншиным — тоже студентами, и, кроме них, с Поливановым и еще одним Шеншиным, не обучавшимися в университете. Молодые люди не только являлись вместе на всевозможные гулянья, вечера и маскарады, но часто собирались друг у друга, проводя время в горячих спорах обо всем на свете. Их так и называли — «пятерка Лермонтова».

«Лермонтов любил посещать каждый вторник тогдашнее великолепное московское Благородное собрание, блестящие балы которого были очаровательны. Он всегда был изысканно одет, а при встрече с нами делал вид, будто нас не замечает. Не похоже было, что мы с ним были в одном университете, на одном факультете и на одном и том же курсе. Он постоянно окружен был хорошенькими молодыми дамами высшего общества и довольно фамильярно разговаривал и прохаживался по залам с почтенными и влиятельными лицами. Танцующим мы его никогда не видали» (П.Ф. Вистенгоф).

Почтенные и влиятельные лица были близкими родственниками Лермонтова, которых он навещал вместе с бабушкой, как и они навещали Арсеньеву. Хорошенькие дамы — тоже родня и подруги родни. Остальных дам он не интересовал ни своей внешностью, ни возрастом. А в Павле Вистенгофе и его друзьях Миша не видел ничего для себя интересного; хотя ошибался: Павел Федорович Вистенгоф стал серьезным писателем с широким интеллектуальным кругозором, именно ему Лермонтов обязан ярким университетским воспоминанием о нем.

«Администрация тогдашнего университета имела некоторую свою особенность, — писал Вистенгоф. — Попечитель округа, действительный тайный советник князь Сергей Михайлович Голицын, был человек высокообразованный, гуманный, характера мягкого. По высокому своему положению и громадным материальным средствам он имел возможность делать много добра как для всего ученого персонала вообще, так и для студентов, казеннокоштных в особенности. Занимая и другие важные должности в государстве, он не имел времени усвоить своей прямой обязанности в отношении того, что происходило в ученой иерархии; поэтому он почти всецело передал власть свою двум помощникам — графу Панину и Голохвастову. Эти люди были совершенно

противоположных князю качеств. Как один, так и другой, необузданные деспоты, видели в каждом студенте как бы своего личного врага, считая нас всех опасною толпою как для них самих, так и для целого общества. Они всё добивались что-то сломить, искоренить, дать всем внушительную острастку».

Кроме этих бесивших студентов лиц, бесил их профессор Малов, читавший историю римского законодательства. 16 марта они подняли бунт против него, и Лермонтов в бунте участвовал. Начальство замяло дело, иначе бы многих отдали в солдаты.

Лермонтову хотелось простора, азарта, серьезного умного дела, и он обращался мечтой к далекой Шотландии.

*И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;*

Он начал третий вариант поэмы «Демон», которая, в конце концов, займет всю его жизнь. Талант его зрел быстро, духовный мир определялся резко. В своем творчестве он все больше становился самостоятельным, находя такие образы и сюжеты для своих стихотворений и поэм, которые до него никто не осмеливался использовать.

В апреле в Москву приехал Юрий Петрович — перезаложить Кропотово на новых условиях, по которым ежегодные взносы снижались на 400 рублей. Очевидно, по первой закладной взносы стали непосильны. Имение было перезаложено на 37 лет.

Он выглядел плохо. Чувствуя близкую смерть, написал в январе завещание, с которым теперь ознакомил сына. «...долгом почитаю объяснить теперь тебе мою волю, а именно: сельцо Любашевка (Кропотово тож) составляет всё наше недвижимое имение, в коем считается по 7-й ревизии 159 мужск. пола душ: из числа сих душ по 4 мужск. пола дворовых людей отделены еще покойной матерью моей каждой сестре и числятся за ними по ревизии, следовательно, остается 147 душ. Сие число должно быть разделено пополам между тобою, любезнейший сын мой, и тремя сестрами моими: Александрю, Натальею и Еленюю, которые между собой разделят по равной части. Движимость, находящаяся в доме, должна быть отдана трем упомянутым сестрам. Имение сие заложено в опекуновском совете, и потому долг ляжет на число доставшихся каждому душ. Кроме сего, еще имеется на мне партикулярного (частного) долга три тысячи пятьсот рублей, которые и прошу заплатить из имеющихся двенадцати тысяч рублей в долгах по заемным письмам. (Ему кто-то был

должен 12 тысяч. — Н.Б.) Из остальных же, за уплатою моего долга, восьми тысяч пятисот рублей, определяю четверем сестрам моим, полагая в том числе и замужнюю Авдотью Петровну Пожогину-Острашкевичеву, каждой по две тысячи рублей ассигнациями, а остальные пятьсот рублей отпущенному на волю сестрою моею по крестном отце Петрову».

Миша узнал до конца историю распри отца и бабушки: Юрий Петрович ничего не скрыл. Сердце его разрывалось: не понимал, почему бабушка не дала отцу денег на достойное воспитание сына? Что ею руководило: скупость или бесчувственность? Почему не щадила ребенка, отбирая его от отца? И приходил к заключению, что в бабушке тесно сплетались любовь к нему, Мише, и непонятная жажда мести его отцу.

Еще до отъезда Юрия Петровича московские газеты оповестили о начавшейся холере в Петербурге. В июне холера перекинулась в Финляндию и на западные границы России. 27 июня в Витебске скончался от эпидемии великий князь Константин Павлович, которого декабристы надеялись видеть царем.

XI

18 мая Лермонтов подал прошение в университет: разрешить ему отпуск на 28 дней. Попросили о том же двое его друзей. Проступление было удовлетворено. «Означенных студентов, уволив в отпуск, предоставить г-ну ректору снабдить их надлежащими для проезда билетами (разрешениями) в Московский уезд».

Отъезд был связан с событием частной жизни Николая Поливанова. Каким образом из его деревни Лермонтов оказался потом в Москве, а затем в усадьбе Ивановых на берегу Клязьмы, не ясно, но он прогостил там несколько дней.

Старшую дочь Ивановых, Наташу, Лермонтов знал по московским балам, где поначалу чувствовал антипатию к ней. Если Варенька Лопухина была, как пушкинская Татьяна, «без взора наглого для всех, без притязаний на успех», то Иванова являла собой обратное. Но постепенно меж нею и Мишей сложились приятельские отношения и, как казалось Лермонтову, Наташа влияла на него благотворно. Теперь, в имени Ивановых, когда после долгой унылой зимы жизнь распахнулась во всю свою ширь, Миша с Наташей влюбились друг в друга. Ей было 17, ему 16.

В своих любовных чувствах Лермонтов оставался неисправимым идеалистом. Он воспылал к Наташе романтической страстью, придумав ее для себя, как придумал в минувшем году Сушкову. Он наделял Наташу такими душевными

качествами, которых в ней не было и быть не могло (стоит взглянуть на ее портрет, где ей лет шестнадцать: лицо как у озлобленного хорька). Наташа ему отвечала взаимностью, и можно представить, какие слова находили они друг для друга, прячась в аллеях, как много юного чувства было в обоих! Однако Наташа опомнилась: ей надо замуж; пойдут разговоры, сплетни... Она объявила, что любит другого.

Вернувшись в Москву, Миша примчался к Владимиру Шеншину, который, уже заскучав без него, писал Поливанову: «Мне здесь душно, и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался (он был в вашем соседстве у Ивановых), меня утешает своею беседою». Николай Поливанов приглашал его с Мишей на свадьбу кузины, и к письму Шеншина Лермонтов сделал беглую приписку: «Любезный друг, здравствуй! Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будет; впрочем, мне теперь не до подробностей. — Черт возьми все свадебные пиры. Я не могу тебе много писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. Много со мной было; прощай, напиши что-нибудь веселее. Что ты делаешь? — Прощай, друг мой».

Миша схватился за драму «Странный человек», выплескивая в ней то, что произошло между ним и Наташей, не изменив даже имени-отчества героини, оставив ее Наташей, Натальей Федоровной.

XII

В конце июня Елизавета Алексеевна собралась в Середниково, где они с Мишей проводили уже третье лето. Миша был счастлив! «Поеду... Увижу Наташу, этого ангела!.. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова... Какой я ребенок! — всё это мне так памятно, так дорого, как будто одними ее взорами и словами я живу на свете».

Имение Ивановых было недалеко от Середникова, и Миша спешил повидаться с Наташей. Седлал коня и мчался в ее усадьбу, переплывая Клязьму. Стоило ему оказаться у ее дома, как он переставал замечать все вокруг. Глаза его были прикованы к окнам, где мелькала любимая, и, по воспоминаниям одной из кузин Наташи, если бы в этот момент мимо дома проехал сам император, Лермонтов не обратил бы на него никакого внимания.

Миша не верил, что человек, нежно шептавший любовные признания, может резко перемениться.

Он находил десятки причин, оправдывавших Наташу. Окончив «Странного человека» подарил ей аккуратно пере-

писанный экземпляр, в котором Наташа тотчас вымарала свое имя. Однако не выкинула, как не выкидывала и подаренные Лермонтовым стихи.

В Середникове в то лето гостей было мало, Миша много писал, много читал, тренировал мышцы, развлекался с Аркашей Стольпиным, делая из картона себе и ему рыцарские доспехи, сражаясь в саду. Изредка приезжала Саша Верещагина, и Лермонтов отводил душу, поверяя ей свои чувства к Ивановой. Девушка скучно кивала. Она не могла и подумать, что эта любовь затянется на год, и только потом Лермонтов сможет порвать с Наташей.

*Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!*

Наташа благополучно вышла замуж за Николая Обрескова, который был старше ее на одиннадцать лет. Сын сенатора, владеец 750 крепостных душ мужского пола. Ее не смутило позорное прошлое Николая: за кражу драгоценностей у своей тетки он лишен был дворянского звания и ровно семь лет тянул солдатскую ляжку. В 1833 году император помиловал Николая, возвратив ему титул и состояние, и в том же году Обресков женился, уехав с Наташей в Курск. Супруги обзавелись детьми, подолгу жила за границей, Наталья Федоровна пополнела, и на портрете тех лет выглядит любезной дамой. Вряд ли она понимала, что яркий след, который оставила в душе Лермонтова, вызвал к жизни шедевры мировой любовной лирики.

XIII

1 октября 1831 года умер Юрий Петрович, двух дней не дожив до семнадцатилетия сына. Было ему 44 года. О плохом состоянии отца Мишу известила Авдотья Петровна. Вместе поехали в Кропотово. И вот — дом, где Лермонтов жил полузатворником. Гнусные сплетни о том, что он продал сына за 25 тысяч рублей своей теще, что бил молодую жену, гулял и картежничал, согнули его, довели до чахотки. Довершило болезнь хроническое безденежье.

Но как жили его крестьяне? Каждая семья держала от двух до шести лошадей, выполняя на них сельскохозяйственные работы на своей и господской земле и, кроме того, занимаясь извозом. Было много овец: с молодняком от семи до сорока

голов на каждый крестьянский двор. Полученной шерсти хватало на полушубки, кафтаны, шали и прочее. Уровень жизни крестьян был выше, чем у Арсеньевой, оттого крепостные и называли Юрия Петровича добрым, даже очень добрым баринном. Юрий Петрович не жал из крестьян последние соки, чтобы оставить сыну хотя бы сто тысяч рублей, но первый заметил его дарование и правильно оценил.

*Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный Творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!*

Хоронили Юрия Петровича в селе Шипово, где была церковь, в приходе которой числилось Кропотово. В телегу впрягли, как положено, двух лошадей, застелили ковром и поставили гроб. Навеки запомнилась сыну эта дорога: «...гроб, поставленный на телеге, качался при каждом толчке; он (Михаил. — Н.Б.) с образом шел впереди... дьячок и священник сзади; они пели дрожащим голосом... и прохожие снимали шляпы... вот стали опускать в могилу, канат заскрипел...» — напишет Лермонтов через два года в романе «Вадим».

До Шипова было четыре версты, шли поначалу пешком, потом сели в телеги. Отпевание в церкви длилось недолго. Могила готова была в церковной ограде — близко к церковной стене. Михаил не мог даже плакать от горя.

Дома встал у портретов отца и матери, тетки ходили мимо, как тени... Надо было знакомить их с завещанием — последняя воля отца...

XIV

Нравственно-политический факультет перестал удовлетворять Лермонтова. Он перешел на словесный. Но уже не

было в живых Мерзлякова, а другие профессора читали лекции так, что «выносить студенту с них было нечего».

На первом курсе все отделения обязательно слушали П.В. Победоносцева. Лекции были скучнейшие, студенты на них развлекались, кто как умел. Константин Аксаков вспоминал, что один из студентов принес воробья, выпустил его, а остальные, «искренне негодуя» и громко крича, ловили несчастную птицу. В другой раз, во время вечерней лекции, они перед приходом Победоносцева закутались в шинели, забились по углам слабо освещенной аудитории, и, как только профессор вошел, затаились как в церкви: «Се жених грядет во полунощи...»

Каченовский читал соединенную историю и статистику Российского государства, и на его лекциях порой вся аудитория в сто человек поднимала шум по самому пустяковому поводу. «Странное дело! — говорил Аксаков, — профессора преподавали плохо, студенты не учились, мало почерпали из университетских лекций, но души их, не подавленные формальностью, были раскрыты, и все-таки много вынесли они из университета».

В то время полный университетский курс был трехлетний. Первый курс считался подготовительным и был отделен от двух последних. Университет разделялся на четыре факультета: нравственно-политический, физико-математический, врачебный и словесный.

«Однообразно тянулась жизнь наша в стенах университета. Перед рождественскими праздниками профессора делали репетиции, то есть проверяли знания своих слушателей за пройденное полугодие и, согласно ответам, ставили баллы, которые брались в соображение потом на публичном экзамене. Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос, Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать, профессор сначала слушал его, потом остановил замечанием:

— Я вам этого не читал. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

— Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали. Я пользуюсь собственной библиотекой, снабженной всем современным.

Мы все переглянулись.

Подобный ответ дан был и адъюнкт-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику» (П.Ф. Вистенгоф).

Надо сказать, что и Белинский не признавал лекций Победоносцева, и однажды профессор не выдержал: «Что ты сидишь, как на шиле, ничего не слушаешь? ...Повтори мне

последние слова, на чём я остановился?» — «Вы остановились на словах, что я сижу на шиле», — ответил Белинский.

И всё-таки студенты были признательны Петру Васильевичу Победоносцеву: из лекции в лекцию он вдабливал им, что нельзя вносить в русские тексты иностранные слова. Это был глубоко русский человек, хотел, чтобы молодые люди знали не только современные требования литературы, но и те, какими они были при ее начале, при Ломоносове. У него было 11 детей, младший сын, Константин, через несколько лет будет воспитателем цесаревича Александра — в будущем императора Александра III. Вместе с Федором Михайловичем Достоевским он попытается разъяснить цесаревичу, что «русские, стыдясь перед Европой своей якобы отсталости, нахватываются чужого и забывают о *своих* способностях, которые могут принести новый свет миру, как это было со всеми великими нациями, которые неуклонно оставались самостоятельными, и только тем пригодились миру, внося в него, каждая, по своему лучу света». Цесаревич Александр не забывал этих слов. «Россия — для русских и по-русски» — объявил он, придя во власть.

Следствием проверки знаний студентов первого курса университета, стало то, что весь курс был оставлен на второй год: сказались пропущенные «холерные месяцы», слабая посещаемость профессоров и студентов при затухании эпидемии, а также учеба многих студентов спустя рукава. По признанию Павла Вистенгофа, «процветали всевозможные удовольствия: балы, собрания, маскарады, театры, цирки, званые обеды и радушный прием во всякое время в каждом доме. Многие из нас усердно посещали все эти одуряющие собрания и различные кружки общества, забывая и лекции, и премудрых профессоров наших».

Рождественские каникулы были посвящены развлечениям, и Лермонтов готовился к новогоднему маскараду в Благородном собрании. Придумал явиться астрологом с «книгой судеб» под мышкой. Вместе с Акимом мастерски сделали книгу огромных размеров, Аким срисовал с чайного ящика иероглифы, из черной бумаги вырезал их, увеличив раз в двадцать, и клеил в листы — что представляло собой «кабалистику». Под каждым иероглифом Лермонтов поместил шуточный мадригал.

На маскараде «астролог» в большом колпаке, усеянном звездами, в длинной хламиде, под хохот друзей важно читал свои предсказания. Потом, как и все, «натирал подошвами паркет» и вернулся домой поздно ночью. Уснуть еще долго не мог: перебирал впечатлительной памятью встречи. Хоть и под

масками, но узнал Наташу Иванову и Евдокию Сушкову — двоюродную сестру Кати Сушковой, начинающую поэтессу. А Вареньки Лопухиной на маскараде не было... В последнее время он часто думал о ней.

На своих именинах в начале декабря Варенька с упоением танцевала с кавалерами, увивавшимися за ней, и «не замечала» Мишу. Он начал испытывать ревность... Стал чаще бывать у Лопухиных, подружился с Марией Александровной, чтобы знать от нее побольше о Вареньке, однако она не спешила с ним откровенничать. А на него то и дело сыпались слухи об увлечениях Вари, и даже что Варя выходит замуж. Последнее привело его к сильной депрессии.

Потом оказалось, что Варенька вовсе не думала выходить замуж, и не думает ни о ком, кроме него... А через несколько дней он видел ее, окруженной мужским вниманием. Он и представить не мог, что Варенька станет причиной его страданий, он привык к ее тихой и светлой душе, не замечал ее, как не замечают воздух.

Каникулы кончились. Лермонтов редко ходил на лекции, собираясь когда-нибудь сесть и за одну ночь наверстать упущенное — мечта всех студентов до наших дней. Он целиком погрузился в поэмы «Измаил-Бей» и «Демон». Начав «Демона» как разъяснение причины злых качеств в людях, он погружался в нее всё глубже.

Когда подошли экзамены, Михаил понял, что подготовлен плохо, а получить неудовлетворительные оценки было зазорно. 1 июня он обратился с прошением об увольнении из университета: «Ныне же по домашним обстоятельствам более продолжать учения в здешнем Университете не могу и потому правление императорского Московского Университета покорнейше прошу, уволив меня из одного, снабдить надлежащим свидетельством для перевода в императорский Санкт-Петербургский Университет».

18 числа свидетельство ему было выдано, но почему-то не говорилось, на каком курсе он числился.

О переезде в Петербург бабушка не возражала: там еще больше родни, чем в Москве. А вот оставить здесь Вареньку Лермонтову было трудно. «Я любим — любим — любим — теперь все бедствия земли осаждают меня — я презираю вас: она меня любит... она, такое существо, которым бы гордилось небо! Как я богат!.. О, если бы мой отец видел это, как восхитился бы он взаимным пламенем двух сердец».

Варенька поклялась никому не принадлежать, кроме Миши! Будущее рисовалось обоим в радужном свете: он поступает на второй курс университета, учится два года, полу-

чает должность, и они женятся. Пока что писать он ей не сможет — это ее скомпрометирует, но будет писать Марии Александровне — старшей Варенькиной сестре, будет рассказывать ей о себе, а от нее получать о Вареньке вести — пусть даже завуалированные, он всё поймет!

В конце июля Елизавета Алексеевна с внуком выехала в Петербург.

XV

В северной столице Арсеньева остановилась у одного из родственников, списавшись заранее. Сразу же ее навестил Павел Евреинов — сын сестры Александры. Павел служил в Петербурге, был старше Лермонтова, и рассказами о своих гусарских проделках расположил его к себе. «У него есть душа в душе», — радовался Михаил. Казалось, что в Павле он обрел друга.

За Павлом потянулись к Арсеньевой другие родственники. Благосклонно знакомились с Лермонтовым, рассказывали о своих успехах и повышениях по службе, обсасывали светские новости.

Дальше начались визиты самой Елизаветы Алексеевны — и первым делом к Вере Николаевне Столыпиной, жене умершего брата Аркадия. Она находилась на даче с детьми, но Арсеньева не затруднилась поехать. Дача Мордвиновых, где жила Вера Николаевна, располагалась на Петергофской дороге, верстах в двадцати от Петербурга, в аристократической местности среди парков, прудов и фонтанов.

Впервые Вера Николаевна увидела своего племянника. Одобрив решение Михаила поступать в университет, но ее сын Алексей, младше Лермонтова на два года, заявил, что никогда не будет чиновником, а поступит в юнкерскую школу. Мать снисходительно улыбалась, и это еще сильнее подстегивало шестнадцатилетнего юношу: он уверял, что дед очень рад видеть его военным!

Отец его матери, адмирал Мордвинов, вполне был согласен с желанием внука. Он был крупнейшей личностью своего времени: один из организаторов Черноморского флота, первый в истории России морской министр. Он единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам. Мордвинов говорил с Николаем I так же прямо, как и с его бабкой Екатериной. Это ему принадлежат слова: «Дайте свободу мысли, рукам, всем душевным и телесным качествам человека; предоставьте всякому быть, чем его Бог сотворил, и не отнимайте, что кому природы особенно даровала!»

Внуков своих он так и воспитывал — в полной свободе. Алексей грезил военными подвигами, зачитывался приключенческой литературой, особенно шотландцем Монго Парка; даже собаке своей дал кличку Монго.

От дачи Мордвиновых до Петергофа было 20 верст, и Михаил, страстно желая увидеть море, упросил бабушку съездить туда.

В Петергофе, у Монплезира, лодочники предлагали морскую прогулку. Лермонтов не преминул воспользоваться. Плывая на лодке среди морского простора, он был разочарован: совсем не таким жаждал он видеть море; не было волн с пенными гребнями, не было ничего рокового, о чем читал он у Пушкина. Но здесь родился его знаменитый «Парус» — исповедь.

В Петербурге Елизавета Алексеевна наняла квартиру у Синего моста. По чистой случайности там же находилась юнкерская школа. Квартира была превосходной, однако душа Михаила к ней не лежала, как не лежала и к Петербургу. Признавался московской знакомой: «...одну добрую вещь скажу вам: наконец я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чем когда-нибудь; вчера я был в одном доме NN, где, просидев 4 часа, не сказал ни одного путного слова; — у меня нет ключа от их умов — быть может, слава богу! Все люди такая тоска, хоть бы черти для смеха попадались».

Лермонтов подал прошение в Петербургский университет о зачислении на второй курс. Увы, ему отказали зачесть учебу в Москве, а ко всему — с этого года срок обучения в университетах увеличивался до четырех лет. Лермонтов был взбешен! Повторять первый курс? Потом еще целых три года корпеть над учебниками? Ну а потом? Прав Алексей Столыпин — учиться, чтобы всю жизнь просидеть за чужими бумагами.

Он подал прошение в юнкерскую школу (Школа гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров). Друзья по Москве, Поливанов и Шубин, прибыв в Петербург, тоже подали в Школу прошения, и, кроме них, близкий родственник Лермонтова Николай Юрьев, проведенный детство в Тарханах. Все складывалось отлично! Только Елизавета Алексеевна не могла опомниться от такого поступка внука; всегда говорила: «Пусть будет хоть кем, только не военным!» Начались уговоры его, а затем и родни не расстраивать бабушку, не губить ей здоровье. Он не поддался. Арсеньева слегла. Лермонтов сел за письмо к Марии Лопухиной: «Пишу вам в очень тревожную минуту, так как бабушка тяжело заболела и уже два дня как в постели. Получив ваше второе письмо, я нахожу в нем теперь утешение. Назвать вам всех, у кого я

бываю? У самого себя: вот у кого я бываю с наибольшим удовольствием. Как только я приехал, я посещал — и признаюсь, довольно часто — родственников, с которыми я должен был познакомиться, но, в конце концов, я убедился, что мой лучший родственник — я сам».

Лермонтов не назвал причину болезни бабушки и ничего не сказал о своем решении стать военным, но Москву уже облетела весть о его «безрассудном поступке». От кухни к кухне из Петербурга в Москву шли торопливые письма. Неблагодарного внука Арсеньевой осуждали, бабушку все жалели. Как положено, была пущена сплетня о том, что при подаче прошения в Петербургский университет Лермонтов вел себя вызывающе, и его выгнали.

Саша Верещагина попрекала его: «Аннет Столыпина пишет П., что вы имели неприятность в университете и что тетка моя (т.е. бабушка Лермонтова. — Н.Б.) от этого захворала. Я знаю, что вы способны резаться с первым встречным из-за первого вздора. Фи, стыд какой!.. С таким дурным характером вы никогда не будете счастливы».

Дурной характер был как раз у нее, у Саши. Странно, что за всю жизнь Лермонтов не распознал в Варещагиной иезуитских склонностей.

Михаил еще не умел с презрением относиться к сплетням, и, оправдываясь перед кухней, написал ей всё, как было. Написал и Алексею Лопухину, делясь сомнениями: сумеет ли в юнкерской школе продолжать свои сочинения, будет ли время на то? Алексей успокоил его: для любимого дела всегда выберешь время. Похвалил Михаила за правильный выбор: «С таким живым характером, как у тебя, ты быстро солюбишься в статской службе».

Мария Александровна тоже приняла участие в Лермонтове. Давала совет: «Остерегайтесь слишком быстрого сближения с вашими товарищами, сначала узнайте их хорошо. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы можете быть быстро покоренным; особенно избегайте ту молодежь, которая бравировует всякими выходками и ставит себе в заслугу глупое фанфаронство. Если вы будете продолжать писать, не делайте этого никогда в школе и не показывайте ничего вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь доставляет нам гибель... Мужайтесь, мой дорогой, мужайтесь! не позволяйте разочарованию сломить вас, не отчаивайтесь, верьте мне, что всё будет хорошо».

Лермонтов тотчас ответил ей:

«Как раз сейчас начинаю рисовать кое-что для вас, и, может быть, pošлю вам рисунок с этим же письмом. Знаете,

дорогой друг, каким образом я вам буду его писать — по временам; одно письмо иногда будет длиться несколько дней. Придет ли мне в голову мысль, я ее запишу, запечатлеется ли в моем уме что-нибудь замечательное — сообщу вам. Довольны ли вы этим? Вот уж несколько недель мы в разлуке и, может быть, на очень долгое время, потому что я не вижу ничего достаточно утешительного в будущем, а между тем я всё тот же, вопреки лукавым предположениям кое-каких лиц, имени которых не скажу. И, наконец, вы можете себе представить, я был на седьмом небе при встрече с Натальей Алексеевной (сестрой бабушки. — Н.Б.), потому что она явилась из наших мест; ибо Москва есть и всегда будет моя родина, — я в ней родился, в ней много страдал, в ней был чрезмерно счастлив. Лучше бы этих трех вещей не было... но что делать! Вот стихи, которые я написал на берегу моря.

Прощайте же, прощайте! Я не совсем здоров. Счастливый сон, божественный сон испортил мне весь день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Удивительная вещь — сны! — изнанка жизни, которая подчас приятнее действительности! Я ведь не разделяю мнения тех, кто говорит, будто жизнь только сон; я очень сильно чувствую ее реальность, ее завлекающую пустоту! Я никогда не сумею отрешиться от нее в такой степени, чтобы добровольно презирать ее; потому что жизнь моя — это я сам, говорящий вам, и тот, который через мгновение может превратиться в ничто, в одно имя, т.е. — опять-таки в ничто. Бог знает, будет ли существовать мое «я» после смерти. Ужасно думать, что может настать день, когда я не буду в состоянии сказать: «я»! Если это так, то мир — только комок грязи. Прощайте, не забудьте напомнить обо мне своему брату и сестрам.

P.S. Я очень хотел бы задать вам один вопрос, но перо откачивается его написать. Если угадываете, хорошо, я буду рад, если же нет, то значит, если бы я даже задал этот вопрос, вы бы не сумели на него ответить. Этот вопрос такого рода, о котором вы, быть может, даже не догадываетесь!»

Вопрос, конечно же, был о Вареньке. Стихотворение «Парус» отправлено ей! Стремление в Москву — к ней! Сон — о ней! Обещание писать всё, что будет с ним происходить, — ей!

Мария Александровна обо всем догадалась. «Поверьте, я не утратила способности вас понимать, но что же вам сказать? Она хорошо себя чувствует, выглядит довольно веселой, вообще же ее жизнь так однообразна, что многого о ней не скажешь: сегодня, как вчера. Я полагаю, что вы не огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни — ведь это охраняет ее от всякого искушения; что же касается меня, я пожелала бы ей

немного рассеяться; как это можно, чтобы молодая особа слонялась из комнаты в комнату, к чему приведет такая жизнь? Только к тому, чтоб стать ничтожным созданием. Ну что? Разгадала ли я вас, этого ли удовольствия вы от меня ждали?»

Следующее письмо Лермонтов отправил ей уже в ноябре.

«Послезавтра держу экзамен и целиком погряз в математике... Итак, если будет война, клянусь вам Богом, буду везде впереди. Очень прошу вас сказать Алексею, что я ему пришлю подарок, какого он и не ожидает. Давно он желал чего-то подобного, и я ему шлю то самое, но в десять раз лучше. Сейчас я ему не пишу, потому что нет времени... Право, я бываю свободен только по ночам; вы — другое дело. Мне кажется, что если бы я не сообщил вам о тех важных событиях, которые со мной произошли, то я бы утратил половину своей решимости. Верьте или не верьте, а это действительно так. Прощайте же, дорогой друг, не говорю до свидания, потому что не смею надеяться увидеть вас здесь. Между мной и милой Москвой существуют непреодолимые преграды, и судьба, по-видимому, решила нагромождать их с каждым днем... Только вам одной я могу сказать всё, что думаю».

В этом письме Лермонтов признавался, что Павел Евреинов, у которого он увидел душу в душе, — человек нехороший, лживый. Месяцем раньше Евреинов поехал в Москву и там со смехом болтал о радужных надеждах Лермонтова, связанных с Петербургом, и о постигшей его неудаче.

4 ноября Михаил успешно сдал экзамены. Вместе с ним экзаменовался его родственник Николай Юрьев. 8 ноября заведующий Школой докладывал командиру Школы генерал-майору Шлиппенбаху: «...Александра Уварова — в Кавалергардский ее величества, Михайла Лермантова — в Гусарский, Николая Юрьева — в Преображенский...»

Новичкам предстояло около месяца быть кандидатами — до утверждения их в полках великим князем Михаилом Павловичем. (Юнкера, находившиеся в Школе, считались в полках, и каждый носил соответственный мундир.)

Пехотинцы помещались в верхнем этаже Школы, кавалерия и классы — в среднем. «Школа имела вид военного университета с воспитанниками, жившими в стенах его, наподобие того, как жили казеннокоштные студенты в Московском университете. Нравы и обычаи в обоих учреждениях не многим отличались друг от друга, если только взять в соображение разницу, которая происходила от общественного положения молодых людей. Казеннокоштные студенты университета были люди из бедных семей, в Школе же были сыновья богатых и знатных родителей» (П.А. Висковатов).

По существовавшему положению в Школу поступали юноши не моложе семнадцати лет. Не дети, но и не взрослые, они играли во взрослых: старались держаться солидно, составлялись кружки, говорили о кутежах, службе, женщинах, светской жизни. Но Лермонтов так школяром и остался. Да и Арсеньева способствовала тому: каждое утро посылала Андрея Соколова с корзинкой сластей к милому Мишеньке, веля осторожно будить его до подъема, чтобы «барабанный бой» не испугал бы его. Вскоре Арсеньева перезнакомилась с офицерами и начальством, одолевая их беспокойством за внука. Когда ей кто-то сказал: «А что же вы будете делать, если ваш внук отправится на войну?» — она с удивлением ответила: «А ты думаешь, батюшка, я его отпущу?»

Но Школа была основана именно с военной целью, юнкера приносили присягу и считались на действительной службе. По субботам, поочередно, двое от пехоты и двое от кавалерии, шли во дворец великого князя Михаила Павловича, обедать с ним за одним столом. Михаил Павлович был начальником всех сухопутных кадетских корпусов Дворянского полка. Умный, прямой и не лишенный сердца человек. В 1826 году, когда Следственный комитет приговорил декабриста Кюхельбекера к смертной казни за то, что стрелял в Михаила Павловича, он настоял на замене ее заключением в крепость.

По пятницам юнкера обучались фехтованию, класс этот был обязательным, им давалось на выбор: рапира или сабля. Николай Мартынов не выносил рапиру, прикосновение ее к телу вызывало у него щекотку, он мог сражаться только на саблях. Еще двое любили это занятие: Моллер и Лермонтов. Они сходились с Мартыновым и между собой, привлекающая внимание товарищей, поскольку сабельные выпады были красивее, занимательнее, чем неприметность движений рапир.

Мартынов и Лермонтов были знакомы давно. Пензенские имения Мартыновых и Столыпиных находились рядом, соседи дружили между собой. Те и другие занимались винными откупами, только Мартыновы в Нижнем Новгороде (там и родился у Соломона сын Николай), а у Столыпиных винокуренные заводы были в Пензенской губернии. С крепостными крестьянами Мартыновы обращались жестоко, и это стало причиной, что во время пугачевского бунта многие члены семьи Мартыновых были убиты; сестру Соломона — Дарью Михайловну восставшие взяли в плен. Позже ее отпустили, но надругались над ней, и она постриглась в монахини.

Известный мемуарист Ф.Ф. Вигель, родственник Мартыновых, писал, что «при многих похвальных качествах Мартыновы отличались общим пороком — удивительным чванством, которое проявлялось в разных видах, смотря по характеру... Все кичились своей родовитостью и подчеркивали свои верноподданнические чувства при каждом удобном случае».

В Москве у Соломона был особняк в Леонтьевском переулке, и когда всё семейство туда переехало, Арсеньева не могла не сделать визит. Мартыновы тоже ее навещали — всё как положено.

К своим восемнадцати годам Михаил не намного подрос, рост имел средний, то есть около 160 см, но плечи широкие и голова уже не казалась на них слишком большой. Был очень ловок и очень силен. «Он был брюнет, с бледно-желтоватым лицом, с черными, как уголь, глазами, взгляд которых был иногда тяжел. Он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нем останавливалось» (А.М. Меринский, товарищ Лермонтова по Школе юнкеров).

В конце ноября, подстрекаемый старшими юнкерами, Михаил сел на молодую не выезженную лошадь, та бешено завертелась в манеже возле других лошадей, и одна из них сильным ударом копыта разбила Лермонтову ногу. От боли он потерял сознание. Доктор, обследовав рану, нашел ее очень опасной. Вся Школа была в тревоге, Мартынов даже оставил дежурство на карауле, чтобы проведать товарища.

Больше двух месяцев пролежал Михаил в школьном лазарете. Читал, рисовал вместе с Николаем Поливановым, который подписывал свои рисунки: «Экзамен по уставам», «Юнкера ловят крысу в дортуаре», «Гауптвахта в здании училища»... А по ночам в лазарете было шумно и страшно.

«По существовавшему тогда обыкновению входная дверь в эскадрон на ночь запиралась, и ключ от нее приносился в дежурную комнату. Стало быть, внезапного ночного посещения эскадрона кем-либо из начальников нельзя было ожидать никоим образом. Младший фельдшер Кукушкин был замечательный плут. Он отводил заднюю комнату лазарета для юнкеров, устраивал вечера с ужинами и карточной игрой, следил за тем, чтобы юнкера не попались, и надувал их сколько мог. Не раз юнкера давали ему потасовку, поплачивались за это деньгами, и снова дружились. Понятно при этом, что юнкера избрали лазарет местом своих сборищ, где и велась крупная игра» (И.В. Анненков, однокашник Лермонтова).

О случае в манеже стало известно в Москве, вызвав новый всплеск толков. Снова обвиняли Лермонтова, что он не жалует бабушку. Алексей Лопухин сочувствовал ему в коротком письме: «У тебя нога болит, любезный Мишель!.. Что за судьба! Надо было слышать, как тебя бранят за переход на военную службу. Я уверял их, хотя и трудно, чтоб поняли справедливость безрассудные люди, что ты не желал огорчить свою бабушку, что этот переход необходим... А уж почтенные-то расходились и вопят: вот хорошо конец сделал и никого-то он не любит... Знаю наперед, что ты рассмеешься и не примешь к сердцу».

Через два месяца бабушка забрала внука домой. Он передвигался на костылях, и, не имея других занятий, много читал, редактировал поэмы, начатые в Москве, обдумывал большой роман из времен Екатерины II, серьезно занялся поэмой «Хаджи Абрек».

Доктора полагали, что Лермонтов не сможет дальше учиться в Школе, однако в середине апреля он вернулся. Немного хромал, и все-таки безбоязненно садился на лошадь.

Будни Школы складывались из занятий, верховой езды, фехтования и строевой подготовки; свободное время отдавалось развлечениям, кутежам и разным проделкам, которых Лермонтов не чурался. Евграф Карачевский, хвастаясь силой, гнул стальные пруты шомполов, делал узлы; Лермонтов, на спор, занялся с ним тем же, и спорщики были застигнуты Шлиппенбахом.

— Ну, не стыдно ли вам так ребячиться! Дети, что ли, вы, чтобы шалить? Ступайте под арест!

Они отсидели в карцере сутки.

«Хороши дети, которые из шомполов вяжут узлы», — смеялся Лермонтов.

«Познакомились мы с людскими комнатами офицерских квартир, отделенными широким коридором от господских помещений. Оттуда посылали мы за вином, обыкновенно за портвейном, который любили за то, что был крепок и скоро отуманивал голову. Мало-помалу стали проникать во все таинства разгульной жизни, о которой многие из нас до поступления в школу и понятия не имели. В те дни, когда юнкеров водили в баню, из кондитерской, бывшей наискось от бани, носились и передавались в окно подвального этажа, где помещалась баня, кроме съестного, ликеры и другие напитки. Что творилось в этой бане, считаю излишним припоминать, скажу только, что мытья тут не было, а из бани зачастую летели пустые бутылки на проспект» (И.В. Анненков).

В Школе было не лучше. Расшатать юнкеру кровать, причем вся камера выжидала той минуты, когда он ляжет на нее и вместе с досками и тюфяком провалится на пол, или, когда все улягутся спать, протянуть к двери веревку и закричать в соседней камере: «Господа, из нашего окна виден пожар!»

Образовательная программа Школы была обширна. Из военных дисциплин: артиллерия, военный устав, тактика, топография, фортификация; из общеобразовательных: математика, история, русская словесность, география, судопроизводство, французский язык.

7 июня вышел приказ: «Завтрашнего числа имеет быть публичный экзамен. Всем юнкерам и подпрапорщикам быть одетыми в мундирах; кавалерии в рейтузах, а пехоте в белых летних панталонах».

Лермонтов сдал все предметы, несмотря на то, что по болезни пропустил несколько месяцев.

XVI

18 июня воспитанников Школы оповестили: «Завтрашнего числа все военно-учебные заведения имеют выступить в лагерь».

До отъезда Лермонтов поспешил написать Марии Александровне:

«Вчера я получил ваши два письма, дорогой друг, и я их проглотил; уже так давно не получал я от вас известий; вчера было последнее воскресенье, проведенное мною дома, в отпуску, а завтра (во вторник) мы отправляемся в лагерь на два месяца — я вам пишу, сидя на школьной парте, под шум приготовления и т.д. Я полагаю, что вы будете рады узнать, что я, пробыв в школе только два месяца, выдержал экзамен и теперь один из первых... Это все-таки внушает надежду на близкое освобождение! Прощайте. Меня зовут, так как прибыл генерал. Прощайте. Мой привет всем.

P.S. Уже поздно: мне удалось найти свободную минуту, чтобы продолжать письмо. С тех пор как я вам писал, со мной случилось столько странных происшествий, что даже сам не знаю, каким путем я пойду — то ли порока, то ли глупости: правда нередко оба пути приводят к одной и той же цели. Я знаю, что вы будете уговаривать меня и попытаетесь утешить, но это было бы излишним. Я счастливее, чем когда-либо, веселее любого пьяницы, распевającego на улице. Эти выражения вам не нравятся! Но, увы: скажи, с кем ты водишься, и я тебе скажу, кто ты таков!»

Прибыв на место, юнкера установили палатки — одну на троих. Было тесно, так как в палатках хранилось всё снаряжение. И, как назло, зарядили дожди. Случалось, по несколько суток не могли просушить одежду. Лермонтов шутил: «У меня всегда было пристрастие к дождю и грязи, и теперь, по милости Божьей, я наслаждался этим вдоволь».

В конце концов, небо прояснилось, и 2 июля воспитанникам Школы дозволили быть на гулянии в Петергофских садах; однако в сопровождении офицеров! «А если кто из воспитанников уволен будет на квартиру к родителям и родственникам, то, имея при себе отпускной билет, может гулять с родственниками, соблюдая везде свойственное благородному юноше приличие, опрятность и форму».

Описание этого памятного гулянья Лермонтов дал в поэме «Петергофский праздник». Поэма была написана сугубо для друзей, но... долгие годы ходила в армейской среде.

*«Едрёна мать! два года в школе,
А от роду — смешно сказать —
Лет двадцать мне и даже боле;
А не могу еще по воле
Сидеть в палатке иль гулять!
Нет, видишь, гонят, как скотину!
Ступай-де в сад, да губ не дуй!
На ж... натяни лосину...»*

Средь пестрой веселой толпы юнкера были словно изгои: туда не ходи, там не встань, до той не дотронься, да не выпей, да не сшиби что-нибудь... И ко всему — ненавистные, сдавливающие тело лосины.

Бабушка Лермонтова провела это лето на даче Мордвиновых, желая ежедневно видеться с внуком. «Все юнкера уважали ее и любили, во всех она принимала участие, и многие были обязаны ее ловкому ходатайству перед строгим начальством. Когда эскадрон отправлялся на конные учения, мы должны были проходить мимо ее дачи и всегда видели, как почтенная старушка, стоя у окна, издали крестила своего внука и продолжала крестить всех нас, пока длинную вереницей не пройдет перед ее домом весь эскадрон и не скроется из виду» (А. М. Меринский).

«Выступаем мы, бывало; эскадрон выстроен; подъезжает карета старая, брэнчащая, на тощих лошадях; из нее выглядывает старушка и крестит нас. «Лермонтов, Лермонтов! Бабушка!» Лермонтов подскочет, закатыт ланцады две-три, испугает бабушку и, довольный собою, подъезжает к самой

карете. Старушка со страху прячется, потом снова выглянет и перекрестит своего Мишу. Он любил свою бабушку, уважал ее — и мы никогда не оскорбляли его замечаниями про тощих лошадей» (А.Ф. Тиран).

Да, Арсеньева сэкономила средства, но не до такой степени, чтобы позорить себя и внука; а Михаил никогда не посмел бы пугать ее «ланцадами» — дикими вывертами на лошади, тем более, что «любил свою бабушку, уважал», как лицемерно пишет Тиран. К этой картине он добавляет: «Замечательно, что никто не слышал от него ничего про его отца и мать. Стороной мы знали, что отец его был пьяница, спившийся с кругу, и игрок, а история матери — целый роман».

«Раз подъезжаем я и Лермонтов к великому князю Михаилу Павловичу, — продолжает Тиран, — спешились, пока до нас очередь дойдет. Стоит перед нами казак — огромный, толстый; долго смотрел он на Лермонтова, покачал головою, подумал и сказал: «Неужто лучше этого уroda не нашли, кого на ординарцы посылать...» Я и рассказал это в школе. Лермонтов имел некрасивую фигуру: маленького роста, ноги колесом, очень плечист, глаза небольшие, калмыцкие».

Не приходится удивляться, что Лермонтов, будучи уже гусаром, нанес ему удар саблей. И хоть саблю держал плашмя, и попало по шинели, Тиран весь свой век плакался: «Дал мне саблюю шрам!» Был бы шрам в самом деле, Лермонтов бы не избегнул суда.

В конце августа юнкера возвратились в Петербург. Был вывешен приказ о том, что состоится благодарственный молебен в честь нового учебного года. Для молебна предписывалась строгая форма: юнкерам — колеты и рейтузы; подпрапорщикам — мундиры и белые панталоны; и всем явиться в фуражках. Лермонтов приготовил шуточную молитву: «Царю небесный, спаси меня...»

Сообщал Марии Александровне: «Я не подавал о себе вестей с тех пор, как мы отправились в лагерь, да и действительно мне бы это не удалось при всем моем желании. Мы вернулись домой, и скоро начинаются наши занятия. Единственно, что придает мне сил, — это мысль, что через год я офицер. И тогда, тогда... Боже мой! если бы вы знали, какую жизнь я намерен вести!.. О, это будет чудесно: во-первых, причуды, шалости всякого рода и поэзия, купающаяся в шампанском... Мне нужны чувственные наслаждения, осязаемое счастье, счастье, которое покупают за деньги, счастье, которое носят в кармане как табакерку, счастье, которое обманывает только мои чувства, оставляя душу в покое и бездействии...»

Мария Александровна была ровесницей Пушкина и не могла не знать о похождениях Александра Сергеевича, который после замкнутых стен лицея широко ими прославился. Молодость должна перебеситься — так, очевидно, подумала, читая, какую «чудесную» жизнь собрался вести Михаил.

В этом году в Школу поступил Алексей Столыпин, получив с подачи Лермонтова прозвище Монго. У Лермонтова тоже было прозвище: Майо, Майошка — по имени горбатого и остроумного героя шутовского французского романа. Михаилу не приходило в голову обижаться, наоборот, в одной из юмористических поэм он выставил себя под этим именем. Были прозвища и у других воспитанников. Шаховского за большой нос называли Курком, Поливанова — Лафой, Мартынова — Мартышкой, и т.д.

«Он (Лермонтов. — **Н.Б.**) давал всем различные прозвища в насмешку» (Е. Ростопчина). Почему же именно Лермонтов и почему в насмешку? Прозвища давали и другие, так было заведено в Школе, как, впрочем, и в Царскосельском лицее, где Кюхельбекер был Кюхля, Пушкин — Обезьяна, Мясоедов — Мясожоров, Яковлев — Паяц... «Он получил свое, — добавляет Ростопчина. — К нам дошел из Парижа особый тип, с которым он имел много сходства, — горбатого Майё, и Лермонтову дали это прозвище вследствие его малого роста и большой головы, которые придавали ему некоторое фамильное сходство с этим уродцем». Знал бы Лермонтов, с уважением относившийся к поэтическому таланту Ростопчиной, благоволивший ей, что после его смерти она будет чернить его перед Александром Дюма!

Лермонтов был теперь «старший», и, по внедрившемуся обычаю, «воспитывал» новичков. В учебниках древней истории говорилось, что в третьем веке до нашей эры жил непокорный народ мавританцы, его легковооруженные всадники — нумидийцы — совершали набеги против враждебных племен. Лермонтов создал свой «нумидийский эскадрон». Прodelки «эскадрона» происходили ночью.

«Как скоро наступало время ложиться спать, Лермонтов собирал товарищей в своей камере; один на другого садились верхом; сидящий сверху «кавалерист» покрывал и себя и «лошадь» простыней, а в руке каждый держал по стакану воды; эту конницу Лермонтов называл «нумидийским эскадроном». Выжидали время, когда обреченные жертвы заснут. По данному сигналу эскадрон трогался с места в глубокой тишине, окружал постель несчастного и, внезапно сорвав с него одеяло, каждый выливал на него свой стакан воды. Вслед за этим кавалерия трогалась с правой ноги в галоп обратно в свою камеру» (Н.С. Мартынов).

«Лермонтов, Лярский, Тизенгаузен, братья Череповы, Энгельгардт, плотно взявши друг друга за руки, быстро скользили по паркету, сбивая с ног попадавшихся им навстречу новичков. Ничего об этом не зная и обеспокоенный стоячим воротником куртки и штрипками, я длинными шагами ходил по продолговатой, не принадлежащей моему кирасирскому отделению легкокавалерийской камере, с недоумением поглядывая на быстро скользящих мимо. Эскадрон всё ближе и ближе налетал на меня; я сторонился, но когда меня приперли к стоявшим железным кроватям и сперва задели слегка, а потом, с явно понятым мною умыслом, Тизенгаузен порядочно толкнул плечом, я, не говоря ни слова, наотмашь здорово ударил его кулаком в спину, после чего «нумидийский эскадрон» тотчас рассыпался по своим местам, так же не говоря ни слова, и мы в две шеренги пошли ужинать. За ужином был вареный картофель, и когда мы, возвращаясь в камеры, проходили неосвещенную небольшую конференц-залу, то я получил в затылок залп вареного картофеля и так же, не говоря ни слова, разделся и лег на свое место спать. Этот мой стоицизм, вероятно, «эскадрону» понравился, так что я с этого дня был оставлен в покое, тогда как другим новичкам, почему-либо заслужившим особенное внимание, месяца по два и по три всякий вечер, засыпающим, вставляли в нос «гусара», то есть свернутую бумажку, намоченную и усыпанную крепким нюхательным табаком. Этим преимущественно занимался шалун Энгельгардт, которому старшие не препятствовали» (В.В. Боборыкин).

«Как ни странным покажется, но справедливость требует сказать, что, несмотря на такое преобладание между юнкерами школьного ребяческого духа, у них было развито в сильной степени дело чести. Мы отделяли шалость, школьничество, шутку от предметов серьезных, когда затрагивалась честь, достоинство, звание или наносилось личное оскорбление. Мы слишком хорошо понимали, что предметами этими шутить нельзя, и мы не шутили ими. В этом деле старые юнкера имели большое значение, направляя, или, как говорилось обыкновенно, вышколивая новичков, в числе которых были люди разных свойств и наклонностей. Тем или другим путем, но общество, или, иначе сказать, масса юнкеров достигала своей цели, перелаывая природы, попорченные домашним воспитанием, что, в сущности, и не трудно было сделать, потому что одной личности нельзя было устоять против всех.

Нужно сказать, что средства, которые употреблялись при этом, не всегда были мягки, и если весь эскадрон невзлюбит

кого-нибудь, то ему было нехорошо. Особенно преследовались те юнкера, которые не присоединялись к товарищам, когда были между ними какие-нибудь соглашения, не любили также и тех, которые передавали своим родным, что делалось в школе, и это потому, что родные, в особенности маменьки, считали своею обязанностью доводить их жалобы до сведения начальства. Нельзя не заметить при этом, что школьное перевоспитание, как оно круто ни было, имело свою хорошую сторону в том отношении, что оно формировало из юнкеров дружную семью, где не было места личностям, не подходящим под общее настроение» (И. В. Анненков).

Юнкерам не позволялось читать художественные книги, но на проказы и буйства начальство смотрело сквозь пальцы. Вечерами сходились у рояля, взятого юнкерами же напрокат, один аккомпанировал, остальные пели. Лермонтов слушал. И вдруг запевал совершенно другую песню, сбивая всех с такта. Поднимался шум, хохот, нападки на него... Переключались на романсы не совсем приличного содержания, которые именно этим и нравились. Для забавы товарищей Лермонтов в этом же духе переделал несколько песен.

Но часто он оставлял компанию и, тайком пробираясь в пустые классы, писал исторический роман, пока еще не имевший названия. Михаилу только-только исполнилось 19 лет, в нем еще бушевала романтика, и с эпической почвы роман сползал в эту сторону. Он так и не будет закончен, но то, что написано, очень серьезно: возбужденные народные массы, жестокая расправа над помещиками, когда, упиваясь волей, люди становятся хуже зверей. Все это образно, зримо, правдиво, словно бы Лермонтов сам был свидетель. И среди крови, пьянства и буйства — чистая, нежная любовь двух молодых сердец. Ну и злой гений, без которого не обходится ни одно романтическое произведение.

Александр Меринский, которому Михаил изложил сюжет романа, полагал, что он уничтожен им. Но роман сохранился. Через 32 года после гибели Лермонтова Павел Висковатов опубликует его, озаглавив: «Горбач Вадим. Эпизод из пугачевского бунта. Юношеская повесть». Позже за произведением закрепится название «Вадим».

Внутренняя жизнь Лермонтова была отделена от внешнего ее проявления. Юнкера видели в нем компанейского товарища, готового поддержать шутку, острого на язык, изобретательного на проказы, бесстрашного наездника, мрачного или дерзкого. Но был еще один Лермонтов, которого знал только он сам.

В начале нового года приехал Аким Шан-Гирей — готовиться к поступлению в Артиллерийское училище. Поселился у Арсеньевой. Главным управляющим этого училища был И.О. Сухозанет, о котором Пушкин писал в своем дневнике: «Выбор Сухозанета, человека запятнанного, вышедшего в люди через Яшвиля-педераста и отъявленного игрока, осуждается всеобщее». Однако карьера Сухозанета быстро шла вверх, и в 1834 году, когда приехал Аким Шан-Гирей, Сухозанет уже встал во главе почти всех военных училищ. «Это, по-видимому, для того, чтобы дать другой оборот этим заведениям», — иронизировал Энгельгард.

«В Мишеле я нашел опять большую перемену. Он сформировался физически; был мал ростом, но стал шире в плечах и плотнее, лицом по-прежнему смугл и нехорош собой; но у него был умный взгляд, хорошо очерченные губы, черные и мягкие волосы, очень красивые и нежные руки; ноги кривые (правую, ниже колена, он переломил в школе, в манеже, и ее дурно срастили).

Я привез ему поклон от Вареньки. В его отсутствие мы с ней часто о нем говорили; он нам обоим, хотя не одинаково, но равно был дорог. При прощанье, протягивая руку, с влажными глазами, но с улыбкой, она сказала мне:

— Поклонись ему от меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива.

Мне очень было досадно на него, что он выслушал меня как будто хладнокровно и не стал о ней расспрашивать; я упрекнул его в этом, он улыбнулся и отвечал:

— Ты еще ребенок, ничего не понимаешь!

— А ты хоть и много понимаешь, да не стоишь ее мизинца! — возразил я, рассердившись не на шутку.

Это была первая и единственная наша ссора; но мы скоро помирились.

Школа была у Синего моста, и я почти каждый день ходил к Мишелью с контрабандой, то есть с разными паштетам, конфетами и прочим, и таким образом имел случай видеть и знать многих из его товарищей. Нравственно Мишель в школе переменился не менее как и физически, следы домашнего воспитания и женского общества исчезли... В школе царствовал дух какого-то разгула, кутежа, бамбошерства).

Юнкера начали издавать рукописный журнал «Школьная заря», вскоре дав ему другое название: «Всякая всячина напячена». Корреспондентом мог быть любой желающий. Тот, кто писал или рисовал, клал свое произведение в ящик, со-

держимое ящика вынималось по средам, сшивалось и затем прочитывалось и просматривалось под общий хохот. Лермонтов написал для журнала ряд поэм, принесших ему славу «нового Баркова».

Иван Барков, родившийся сто лет назад, стяжал себе все-российскую известность «срамными сочинениями», которые любители пикантностей размножали в огромных количествах. Поэмы Лермонтова не уступали Баркову. Но кто из поэтов сие миновал? Сколько такого было написано Пушкиным в том же возрасте, в котором писал Лермонтов, и даже раньше! Пушкин, связавшись с гусарами в Царском Селе, нахватался от них такого, что и сам потом был не рад. Произведения, предназначенные для тесного круга, однако же, проникали в светское общество и немало навредили как Пушкину, так и Лермонтову.

Вышло 7 номеров журнала. А.Ф. Тиран вспоминал, что главными его участниками были Лермонтов и Николай Мартынов. В своей «Исповеди», которую Мартынов принимался писать несколько раз, он рассказывает очень осторожно: «Я стал знать Лермонтова с юнкерской школы, куда мы поступили почти в одно время. Предыдущая его жизнь мне была вовсе неизвестна...» Ну как же так «неизвестна», если были знакомы с Москвы.

Школьные поэмы Лермонтова стали бескомпромиссными свидетельствами того, что происходило в среде юнкеров. Имена некоторых «героев» навеки повязаны с «Уланшей», «Гошпиталем» и «Одой к нужнику», в которых голый разврат вплоть до гомосексуализма.

«Всякая молодость имеет свой разгул, и от семнадцатилетних гусаров никто не может требовать катоновских доблестей, но самый снисходительный наблюдатель сознается, что разгул молодежи лермонтовского времени был разгулом нехорошим» (А.В. Дружинин).

Учебный год подошел к концу, состоялись экзамены, и Школа отправилась в военный лагерь под Петергофом. Дозоры, учебные атаки, редкий отдых, когда разрешалось бывать в Петергофе... Николай Поливанов, отличный художник, рисовал акварелью: артиллерийский отряд на учениях, атака юнкеров под Ораниенбаумом, Лермонтов с товарищами в палатке... «Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за всё ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить. Впоследствии и в свете он не оставил этой привычки, хотя имел за то много неприятностей и врагов» (А.М. Меринский).

«Лицо его было довольно приятное. Обыкновенное выражение глаз в покое несколько томное; но как скоро он воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьничеством, глаза эти начинали бегать с такой быстротой, что одни белки оставались на месте, зрачки же передвигались справа налево с одного на другого, и эта безостановочная работа производилась иногда по нескольку минут сряду. Ничего подобного я у других людей не видал. Свои глаза устанут гоняться за его взглядом, который ни на секунду не останавливался ни на одном предмете. Чтобы дать хотя приблизительное понятие об общем впечатлении этого неуловимого взгляда, сравнить его можно только с механикой на картинах волшебного фонаря, где таким образом передвигаются глаза у зверей. Волосы у него были темные, но довольно редкие, с светлой прядью немного повыше лба, виски и лоб весьма открытые, зубы превосходные — белые и ровные, как жемчуг. Как я уже говорил, он был ловок в физических упражнениях, крепко сидел на лошади; но так как в наше время преимущественно обращали внимание на посадку, а он был сложен дурно, не мог быть красив на лошади, поэтому он никогда за хорошего ездока в школе не слыл, и на ординарцы его не посылали. Если я вхожу в эти подробности, то единственно потому, чтобы объяснить, как смотрело на него наше ближайшее начальство, то есть эскадронный командир. По пешему фронту Лермонтов был очень плох: те же причины, как и в конном строю, но еще усугубленные, потому что пешком его фигура еще менее выносила критику. Эскадронный командир сильно нападал на него за пеший фронт, хотя он тут ни в чем виноват не был. Танцевал он ловко и хорошо. Умственное развитие его было настолько выше других товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Он много читал, много передумал; тогда как другие еще вглядывались в жизнь, он уже изучил ее со всех сторон; годами он был не старше других, но опытом и воззрением на людей далеко оставлял их за собой» (Николай Мартынов).

Замечательно, что среди множества воспоминаний о Лермонтове, нет ни одного, где бы говорилось о его бегающих глазах. «Он никогда за хорошего ездока в школе не слыл, и на ординарцы его не посылали», — уверяет Мартынов, однако Тиран вспоминает другое: «...толстый казак долго смотрел на Лермонтова, покачал головою, подумал и сказал: «Неужто лучше этого уroda не нашли, кого на ординарцы посылать...» Спасибо Мартынову, что пояснил, ради чего он «входит в подробности»: «...единственно потому, чтобы объяснить, как смотрело на него наше ближайшее начальство».

Вполне согласно с характеристикой, данной семейству Мартыновых Ф. Ф. Вигелем: «...подчеркивали свои верноподданные чувства при каждом удобном случае».

В конце июля эскадрон находился в Царском Селе, и Лермонтова навестил Алексей Лопухин. «Это было так неожиданно, что я едва не сошел с ума от радости; я поймал себя на том, что разговаривал сам с собою, смеялся, потирал руки; миг возвратился я к прошедшим радостям, двух ужасных лет как не бывало наконец...»

О бурной встрече с Лопухиным Михаил сумел написать Марии Александровне только через три месяца: «На мой взгляд, ваш брат очень переменился, он толст, как я когда-то был, румян, но всегда серьезен и солиден; и всё же мы хохотали как сумасшедшие в вечер нашей встречи — и, бог знает, над чем. Послушайте, мне показалось, будто он чувствует нежность к м-ше Катерине Сушковой... известно ли вам это? Дядюшки этой девицы хотели бы их повенчать!.. Сохрани боже!.. Эта женщина — летучая мышь, крылья которой цепляются за всё встречное!.. Мне очень хотелось бы увидеть вас опять; в основе этого желания, прошу простить меня, покоится эгоистическая мысль, что возле вас я вновь мог бы обрести самого себя таким, каким я был когда-то, — доверчивым, полным любви и преданности».

В августе эскадрон возвратился в Петербург, где Лермонтова ждало письмо от Саши Верещагиной. Она полагала, что он уже офицер, и поспешила поздравить. Но производство в офицеры состоялось только в конце ноября. До этого Лермонтов отважился показать преподавателю русской словесности В. Т. Плаксину свою поэму «Хаджи Абрек».

Николай Юрьев сделал копию «Хаджи Абрека» и при встрече с Сенковским — редактором журнала «Библиотека для чтения» — прочел ее. Через год Сенковский опубликовал поэму. Лермонтов был разгневан! Он еще не был уверен в своем таланте, ибо школьная обстановка была такова, что заниматься серьезной литературой приходилось урывками и укороткой.

«Лермонтов был чрезвычайно скромнен в отношении своего таланта, как и все великие писатели, чувствующие свое достоинство», — вспоминал А. Н. Муравьев.

XVIII

22 ноября 1834 года высочайшим приказом Михаил Юрьевич Лермонтов был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Ментики с золотыми позументами и собо-

льей опушкой, вицмундиры, шинели — всё было готово заранее. Господа офицеры приняли присягу, были представлены великому князю Михаилу Павловичу, а он представил их государю.

Счастливая без меры, Елизавета Алексеевна делилась с родственницей Прасковьей Крюковой: «Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький, в хорошей компании и научится хорошему, а ежели только будет знаться с молодыми офицерами, то толку не много будет». Она попросила художника Будкина написать портрет ее внука.

Филипп Осипович Будкин был известным портретистом, ему позировали и члены царской семьи. Он изобразил Михаила Юрьевича в натуральную величину, поясно, в вицмундире, в корнетских эполетах. В руках Лермонтова — треугольная шляпа с белым султаном, на плечо накинута шинель с бобровым воротником. Художник в точности передал красивые линии лба, очертания губ, печальную выразительность глаз, волосы, старательно уложенные парикмахером, — современники считали этот портрет самым удачным в портретной галерее Лермонтова.

23 декабря Лермонтов отправил письмо Марии Александровне:

«Дорогой друг! Что бы ни случилось, я никогда не назову вас иначе: это означало бы разрыв последних уз, которые соединяют меня с прошлым, а этого ни за что на свете я не хотел бы, ибо моя будущность, хотя бы на первый взгляд и блестящая, на самом деле пуста и пошла; я должен вам признаться, что с каждым днем убеждаюсь всё больше и больше, что из меня ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтами и моими неудачными опытами на жизненном пути... потому что мне недостает или удачи, или смелости.

Мне говорят: удача со временем придет, опыт и время придадут вам смелости... а почему знать: когда всё это явится, сохранится ли тогда что-нибудь от той пламенной и молодой души, которой Бог одарил меня совсем некстати? не иссякнет ли моя воля от долготерпения... и наконец не будет ли окончательно разоблачено в моих глазах всё то, что заставляет нас в жизни двигаться вперед?

Таким образом, я начинаю мое письмо с исповеди, по правде, и не думая об этом. Ну, пусть она послужит мне оправданием: вы из нее, по крайней мере, поймете, что если мой характер несколько изменился, то сердце неизменно.

Я бываю теперь в свете... для того, чтобы меня узнали, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в хоро-

шем обществе: а!!! Я ухаживаю, и вслед за объяснением в любви я говорю дерзости; это еще меня немного забавляет, и хотя это не совсем ново, по крайней мере, редко встречается. Вы подумаете, что за это меня попросту выпроваживают... Ну нет, совсем наоборот... женщины так созданы; я начинаю держать себя с ними самоувереннее; ничто меня не смущает — ни гнев, ни нежность: я всегда настойчив и горяч, а мое сердце довольно холодно; оно бьется только в исключительных случаях. Не правда ли, далеко пошел... и не думайте, что это бахвальство: сейчас я самый скромный человек — к тому же я знаю, что это не подымет меня в ваших глазах; но я это говорю потому, что только с вами я отваживаюсь быть откровенным. Это оттого, что вы одна умеете меня жалеть, не унижая, ибо я сам себя уже унижаю; если бы мне не были известны ваше великодушие и ваш здравый смысл, я бы не осмелился сказать то, что я сказал. И, может быть, оттого, что вы когда-то утешили очень сильное горе, возможно, и сейчас вы пожелаете рассеять милыми словами холодную иронию, которая неудержимо проскальзывает мне в душу, как вода просачивается в разбитое судно. О! как я хотел бы вас снова увидеть...»

После короткого отпуска Михаил Юрьевич отбыл в Царское Село, где стояло несколько гвардейских полков.

Уездный городок София, в двадцати пяти верстах от Петербурга, входил в Царскосельский район — там и был расквартирован лейб-гвардии Гусарский полк, один из самых блестящих полков царской гвардии. Продовольственные склады, казармы, манежи, госпиталь, фуражные склады, конюшенный двор, военный плац, а за ними просторное поле для выездных учений. Казармы были деревянные, но штаб полка находился в каменных зданиях.

В казармах имелись помещения для офицеров, однако же молодые люди предпочитали снимать квартиры в Царском Селе. Лермонтов тоже снял для себя небольшую квартиру. Бабушка не поскупилась на приобретение обстановки, нескольких лошадей и экипажа. Кроме того, заблаговременно были вызваны из Тархан повар, два кучера и слуга. И конечно — Андрей Соколов, ставший давно другом семьи. На Андрея бабушка полагалась, как на себя, и называла его по имени-отчеству: Андрей Иванович.

Царское Село с роскошными парками было излюбленным местом дачников. По праздникам давались спектакли в Императорском манеже — красивом здании, вмещавшем до двухсот человек. Там же устраивались «карусели» — вид соревнований. Николай I считал их отличной тренировкой для гвардейцев. Участники «карусели» надевали настоящие сред-

невековые доспехи, которые им выдавали из личной коллекции императора. Николай I выходил в латах Максимилиана, государыня с дочерьми в роскошных платьях, стилизованных под Средневековье, младшие сыновья государя — в костюмах пажей. Происходила езда по кругу с выполнением на лошадях всевозможных фигур: мужчины и дамы в паре. Гремела музыка, манеж освещался сотнями огней.

«Служба в полку была не тяжелая, кроме лагерного времени или летних кампаментов по деревням, когда ученье производилось каждый день. На ученьях, смотрах и маневрах должны были находиться все офицеры. В остальное время офицеры, не командовавшие частями, ограничивались караулом в Александровском дворце, дежурством в полку да случайными какими-либо нарядами. Поэтому большинство офицеров, не занятых службою, уезжали в Петербург и оставались там до наряда на службу. На случай экстренного же требования начальства, в полку всегда находилось два-три офицера из менее подвижных, которые и отбывали за товарищей службу, с зачетом очереди наряда в будущем. За Лермонтова отбывал службу большей частью офицер Годаин, любивший его, как брата.

Я знал Михаила Юрьевича еще в Школе юнкеров и по выпуску его в офицеры очень интересовался им, тем более что слава поэта предшествовала появлению его в полку. Я числился в полку старшим корнетом, когда Лермонтов был произведен в офицеры, и поэт, по заведенному порядку, после представления начальству явился ко мне с визитом. После обычных приветствий я обратился к нему с вопросом:

— Надеюсь, что вы познакомите нас с вашими литературными произведениями?

Лермонтов нахмурился и, немного подумав, отвечал:

— У меня очень мало такого, что интересно было бы читать.

— Однако мы кое-что читали уже.

— Всё пустяки! — засмеялся Лермонтов.

Он жил с товарищами дружно, офицеры любили его за высоко ценившуюся тогда «гусарскую удаль». Не сходил он только с одними поляками, в особенности не любил чванного Понятовского, бывшего впоследствии адъютантом великого князя Михаила Павловича. Взаимные их отношения ограничивались холодными поклонами при встречах.

В Гусарском полку было много любителей большой карточной игры и гомерических попоек с огнями, музыкой, женщинами и пляской. Из всех этих шальных удовольствий поэт более всего любил цыган. В то время цыгане в Петербурге

только что появились. Их привез из Москвы знаменитый Илья Соколов, в хоре которого были первые по тогдашнему времени певицы: Любаша, Стеша, Груша и другие, увлекавшие не только молодежь, но и стариков на безумные траты. Цыгане, по приезде из Москвы, первоначально поселились в Павловске, где они в одной из слободок занимали несколько домов, а затем уже с течением времени перебрались в Петербург. Михаил Юрьевич частенько наезжал с товарищами к цыганам в Павловск, но его привлекал не кутеж, а их дикие разудалые песни, своеобразный быт, оригинальность типов и характеров, а главное, свобода, которую они воспевали в песнях и которой они были тогда единственными провозвестниками» (А.В. Васильев).

Лермонтова чрезвычайно радовало, что вырвался на свободу, но он растерялся: то ли отдать все силы поэзии, то ли вкушать сладости жизни? По сути, ничто его не влекло так, как поэзия: он растворялся в ней без остатка, достигал людей, обладая их слухом. «Я жить хочу!» — было второй его ипостасью. Будь в это время война за свободу какой-то страны, он бы, как Байрон, примкнул к повстанцам; отдал бы, как Байрон, все свое состояние, и так же, как Байрон, сложил бы там голову.

В свете Михаил Юрьевич видел, что «у каждого был какой-нибудь пьедестал: имя, титул, покровительство...» У него ничего этого не было: фамилия его не была известна светскому обществу. Но если даже была известна кое-кому, то исключительно его юнкерскими поэмами да сплетнями о его родителях. «Я увидал, что если мне удастся занять собой одно лицо, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества».

Бесконечное волнение бабушки за судьбу внука, стремление оградить его от неприятностей вызывали в нём протест. Как рассказывала гувернантка В.Н. Столыпина, бабушка просила Мишеля «не писать стихов», «не заниматься более карикатурами»; в ответ он гневно вопрошал: «Что же мне делать с собой, когда я не могу жить, как другие?» Еще одним поводом для беспокойства Елизаветы Алексеевны было то, что Мишу женят.

К «женитьбе» он сам подал ей повод. На одном из балов встретил Катю Сушкову, с которой не виделся свыше четырех лет. Катя переменилась — это была уже дама, искавшая мужа. Ее кавалеры, которыми хвасталась в юности, больше не интересовались ею, и на балах Катя стояла в сторонке. «Беспечно болтала» с каким-нибудь новичком, на самом же

деле ждала, что ее пригласят на танец. «Я с некоторого времени принялась курить трубку и сигары, но не по вкусу, а оттого, что от них мне делается дурно, я докуриваюсь до бесчувствия и тогда забываю свои душевные страдания», — признавалась она.

В мае 1833 года Сушкова приезжала в Москву на свадьбу одной из своих кузин и сумела увлечь Алексея Лопухина, который, окончив университет, служил в Синодальной конторе. Для Кати он был выгодной партией — пять тысяч крепостных. Сашенька Верещагина знала, что отец Алексея и сестры не хотят этого брака; не хотела его и Сашенька, «милая кузина», вместе с которой Катя Сушкова велела испечь для Миши булок с опилками. Какое-то время родственники надеялись, что Алексей передумает, однако он был настойчив и через год поехал в Петербург знакомиться с дядей и теткой Кати. Тогда он и навестил Лермонтова в военном лагере.

Теперь Лупухин опять собирался к Сушковой — делать официальное предложение. Верещагина написала Лермонтову и очень просила отговорить друга. Это была неприкрытая ревность с ее стороны: Сашенке минуло 25 лет, а жениха до сих пор не нашлось.

В это время и встретил Сушкову Михаил Юрьевич на одном из балов. Он сделал всё, чтобы влюбить в себя Катю: выказывал к ней самые пылкие чувства, уверял, что Лопухин глуп и что Катя будет скучать с ним всю жизнь. Подтрунивал: «Зато у Лопухина пять тысяч душ!» Лермонтов затмевал собой Лопухина, здесь и сравнивать было нельзя. Катя влюбилась и отказала Алексею; после чего получила анонимное письмо, автор которого уверял, что Лермонтов только морочил ей голову. Письмо это написал сам Лермонтов, изменив почерк.

Свадьба Лопухина и Сушковой не состоялась. Но интрига, в которую Лермонтова втянула Сашенька Верещагина, закончилась куда печальнее для него самого, чем для Кати. Узнав от петербургских кузин, что Лермонтов на балах только с Сушковой, помня его юношеские ухаживания за Катей, Варенька Лопухина дала согласие выйти замуж за Бахметева, человека намного старше ее: «...для бедной Тани все были жребии равны».

«Бахметеву было 37 лет, когда он задумал жениться и стал ездить в свет, чтобы высмотреть себе невесту. Выбор его колебался между несколькими приглянувшимися ему барышнями, и он молился, чтобы Господь указал ему, на ком остановить выбор. В этих мыслях он приехал на бал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая обогнать

его, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака. Пришлось остановиться и долго распутывать бахрому, опутавшую пуговицы со всех сторон... Николай Федорович усмотрел в этом несомненное указание свыше — и посватался. Человек он был с большим состоянием и безупречной репутации. Не знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметева было принято» (О.Н. Трубецкая).

Лермонтов и Аким играли в шахматы, когда человек подал письмо; Михаил Юрьевич начал читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; Аким испугался, хотел спросить, что случилось, но он, подавая ему письмо, сказал: «Вот новость — прочти», — и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве Вари Лопухиной.

Эпизод с Сушковой обратил на себя внимание петербургских гостиных. Нашлись Любочки и Лизоньки, пожелавшие завлечь в свои сети «интересного гусара», и «бедные, тоже погибли от этой любви». Поэтесса Ростопчина писала Александру Дюма: «Мне случилось слышать признания нескольких жертв Лермонтова, и я не могла удержаться от смеха, даже прямо в лицо при виде слёз моих подруг, не могла не смеяться над оригинальными и комическими развязками, которые он давал своим злодейским, донжуанским подвигам».

Алексей Лопухин вряд ли был благодарен Лермонтову, но через три года женился на княжне Оболенской, влюбившись в нее без ума. Мария Александровна была недовольна: «...что касается наружности, то она самая некрасивая из четырех сестер. Я предполагаю, что она мила, добра, а впрочем, как мне кажется, совсем пуста... Я хотела бы для Алеши жену более благовоспитанную, словом, что-нибудь получше... Мало я знаю особ менее приятных, чем она. У нее нет ни природного ума, ни умения держать себя. Я никогда не видала столь дурно воспитанную женщину».

Катя Сушкова тоже вышла замуж — за старого своего поклонника дипломата Хвостова. И Верещагина отыскала себе жениха, барона Хюгеля, и уехала с ним в Германию. Только Лермонтов навсегда остался один.

Продолжение следует

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2018 год

(Апрель — сентябрь)

Канадский юрист ВАДА Р.Макларен и его информатор Г.Родченков признались в Спортивном арбитражном суде, что они вралы о системе допинга среди спортсменов России. Ну что ж, это закономерно. Вроде как правда восторжествовала. О вадовской подлости я писал и в прошлом, и в позапрошлом годах. Но что это теперь меняет? Россия на основании лживого доклада Макларена была отстранена от Летних Олимпийских игр в Бразилии и от Зимних Олимпийских игр в Южной Корее. А большинства наших олимпийских чемпионов Сочи опять же на основании голословных обвинений вадовских чиновников задним числом лишили наград и чемпионских званий. Кого теперь на Западе волнует разоблачение подонка Макларена и ублюдка Родченкова? Да никого. Грязное дело сделано, и ныне можно сколько угодно жаловаться, взывать к

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

справедливости и посыпать голову пеплом. Эти взывания не вызовут на Западе ничего, кроме ухмылки.

Но самое противное заключается в том, что и наши высокопоставленные чиновники (от спортивных до кремлевских) постараются поскорее эту для них неприятную историю забыть ради того, чтобы как можно быстрее наладить с американо-европейскими русофобами прежние улыбочивые отношения.

* * *

Мы теряем Армению из-за бесхребетности, трусости и привычного, неизлечимого малодушия Кремля — как потеряли Грузию, Украину и Казахстан, как теряем Донбасс. И всё это произошло по той же самой причине. Единственно, кого не хочет терять Кремль, — это своих прикормленных олигархов. Костями ляжет за их интересы.

Как я и не сомневался, Медведев остался премьером. Слившемуся тандему никак нельзя разьединиться...

* * *

Ночью 30 апреля Израиль нанес новый ракетный удар по вооруженным силам Сирии. Ясно, что главный миротворец вновь промолчит. Его объятия с Нетаньяху во время открытия в Москве «стены плача», как и его стенания о холокосте, стоят дорого. Прежде всего — для Сирии. Ну как же, нам ведь еще год назад объявили о «блистательной победе», увенчанной концертом в Пальмире. Кремлевские пиарщики хотели вдобавок подкрепить ее песенно-плясовым представлением в Алеппо, да вот государственный оркестр им. Александрова туда почему-то не долетел... Почему — до сих пор разобраться не могут. Израиль бесцеремонно объявил, что больше не собирается комментировать свои удары по Сирии. А Кремль их никогда и не комментировал. И при этом безвиз с Израилем ни в каких властных кабинетах даже не подлежит обсуждению.

Этой же воскресной ночью в политическом ток-шоу В. Соловьева **абсолютно все** выступающие крайне откровенно поносили путинскую систему власти, не называя его персонально, но констатируя, что система эта разваливается на глазах. Более того — политика Кремля, о чём резко говорили опять же ВСЕ выступающие, — от миграционной до экономической — до сих пор действовала только во вред государству и народу. Собственно, это ясно уже любому здравомыслящему человеку в стране. И вовсе не случайно рейтинг доверия Путину после президентских выборов неуклонно идет вниз. И это накануне его инаугурации.

Действительно, о чём я писал не раз, бесхребетная, невнятная, примиренческая политика «кота Леопольда» оказалась провальной по всем направлениям. И даже Крым уже больше не может оставаться дымовой завесой этой провальной политики. Наши захваченные в Азовском море рыбаки всё еще томятся в украинском плену, а Кремль и в этом случае лишний раз показал свою полнейшую беспомощность и свое трусоватое малодушие.

* * *

Как только потеплело — по всей Сибири и по всему Дальнему Востоку вспыхнули бесчисленные лесные пожары. Каждый день — новые. Местные власти не успевают их тушить. Подключили армию, но и она не справляется. Сгорают тысячи гектаров тайги. И происходит это за последние 10 лет ежегодно! Вспомним, что в СССР ничего подобного в Сибири не было. Я сам служил в Восточно-Сибирском военном округе в 60-е годы. Ни о каких пожарах и речи не шло.

Так в чём же дело? А в том, что все нынешние таёжные пожары — рукотворны. Тайгу сознательно, целенаправленно и упорно поджигают. А СМИ, как обычно, все эти возгорания списывают на «непотушенный окурок» или случайно загоревшуюся траву. Конечно, — это самое безобидное объяснение. Но утверждаю в стотысячный раз: случайных пожаров не бывает. Ни от «окурка», ни от «короткого замыкания». Абсолютно все пожары имеют не только имя и фамилию, но и цель, и умысел поджигателей.

* * *

Это несостоявшееся государство (Украина), о чём я писал еще лет десять назад, было построено на лжи и лицемерии. И держится, стоит оно до сих пор исключительно на лжи и лицемерии. Об этом прямо уже говорят все честные аналитики с экрана ТВ. Но как удаётся этому псевдогосударству держаться на лжи и лицемерии? Только по одной причине: эта ложь и это лицемерие «самостийной» и «нэзалэжной» очень нравятся Западу, который, в свою очередь, и сам стоит и держится на своей лжи и на своем лицемерии. Нынешняя Украина (как псевдогосударство) точно выбрала свой путь, она чётко поняла, куда и почему ей нужно стремиться. Туда, где ложь и лицемерие являются государственной политикой, основной идеологией — т.е. в ту Европу, на тот Запад, где ей будет комфортно и радостно со своей антирусской ложью и со своим русофобским лицемерием. Западу также радостно соединить свою антирусскую ложь и свое русофобское ли-

цемерие с украинскими, еще более злобными и еще более топорными, а потому еще более приятными для него проявлениями. И потому на этой основе Украина может еще долго продержаться, если, конечно, сама не взорвется изнутри.

* * *

Англия безмозгло прокололась с «отравлением» Скрипалей. Украина (киевская хунта) топорно и крайне тупо прокололась с «убийством» русофобствующего «журналиста» Аркадия Бабченко. И в первом и во втором случаях была попытка антироссийского обмана всего мира, точнее — обычный для Запада и для Украины лицемерный вброс в мировое сознание русофобской лжи. Многотысячный по счёту вброс. Но на этот раз, видимо, из-за разгулявшейся наглости спецслужб и неугомонной злобности руководства этих двух стран обе провокации, сшитые даже не белыми, а красными нитками, мгновенно саморазоблачились и с оглушительным треском провалились. Англия выставила себя на весь белый свет в собственных испражнениях, чего прежде в таком объёме не бывало. Ну а Украина (киевская хунта и ее шизофреническая «служба безопасности») в своей исключительной дурости стала объектом хохота не только для России, но и для всего Запада. В который уж раз приходится убеждаться в этой неоспоримой истине: когда Бог хочет кого-то наказать...

* * *

События на Украине — это не что иное, как продолжение Гражданской войны 1918—1920 годов в Советской России. Да, как и тогда, эта Гражданская война идёт не просто на Украине, она идет в России. И участие в ней российских добровольцев это только подтверждает. А российская армия ждет приказа, чтобы открыто вступить в бой с укропскими сепаратистами и нацистско-бандеровскими отморожками.

Эта вновь развязанная Гражданская война не закончится до тех пор, пока российская армия не войдет на территорию Украины и не разгромит вскормленную и вооруженную Западом банду сепаратистско-нацистских врагов России. Да, они прежде всего — враги России. Вооруженные силы ДНР и ЛНР без участия российской армии разгромить их не смогут. Без участия регулярной российской армии эта Гражданская война будет длиться бесконечно. И бесконечно будет литься кровь русских людей, воюющих на этой Гражданской войне. К сожалению, до кремлевских «стратегов», слепо заикленных на бессмысленных «минских соглашениях», это никак не дойдет.

Нет, не случайно пел Окуджава: «Я всё равно паду на той, на той единственной Гражданской...» Он знал, о чём говорил...

* * *

После первых двух побед нашей футбольной сборной над слабыми командами Саудовской Аравии и Египта в стране поднялась крикливая и шапкозакидательская эйфория возрождения российского футбола. Чуть ли не со всех каналов ТВ и радио посыпались восторженные оценки игры наших футболистов со стороны многочисленных спортивных «экспертов», тренеров, политиков вплоть до президента и премьера. А уж эмоции болельщиков, казалось, вообще не имели предела в экзальтациях и восхищениях. Но даже в этих первых играх уже были видны все слабости игры российской сборной: отсутствие организованной, системной обороны, сумбур в нападении, крайняя неточность в передачах мяча и боязливое, необоснованно-суетливое откидывание его вратарю и многое-многое другое, что говорило о слишком невысоком техническом уровне наших игроков. Это было видно всем наблюдательным зрителям, но первые голы, забитые в двух начальных матчах, очень многих сбили с толку, и даже известные, казалось бы, профессиональные специалисты футбола поддались этой всеобщей атмосфере победного праздника и вместо трезвых оценок стали кормить страну восторгами и надеждами на скорые будущие победы. А некоторые договорились до игры нашей сборной в финале.

Но радостная и кричащая телерадиоэйфория угасла, как только российская команда вышла на крепкого футбольного середнячка — сборную Уругвая. Все недостатки, слабости и откровенные провалы ее игры мгновенно вылезли наружу, бросились всем в глаза, стали явными для большинства наблюдателей, более-менее разбирающихся в футболе. Уругвайцы забили нам три безответных мяча, а могли забить и больше, если бы не валяли дурака и реализовали все стопроцентно голевые моменты. Да, судья-африканец был на их стороне, но по-другому с нашей командой почти никогда не бывает. И судейская предвзятость должна преодолеваться грамотной и убедительной игрой, а не бесконечными претензиями к судейству. Но этой игры мы не увидели, потому что ее не было, несмотря на то, что мы играли на своем поле и имели огромную поддержку болельщиков. Все три гола наши игроки привезли сами себе по причине технического брака и паники в обороне.

Да, т.н. «футбольный мундиаль» в России состоялся, несмотря на происки и провокации английских, американс-

ких, польских и «нэзалэжных» политических завистников. Это, наверное, хорошо. Тысячи иностранных болельщиков побывали и еще побывают в нашей стране. Многие из них уже изменили свое отношение к ней в лучшую сторону. И в этом есть положительная сторона футбольного праздника. Но вот в самой игре для нас праздник был кратковременным и незаслуженно раздутым до небес. Станет ли он уроком для наших игроков и футбольных тренеров — тоже большой вопрос. В футболе, как и в любом другом виде спорта, как и на любом жизненном поприще, побеждают личности, способные бесконечно работать над собой, над совершенством своего дела. Но и это не всё: они должны быть собраны воедино. Пока что в российском футболе мы таких личностей не видим. А ведь они были.

* * *

Правительство выбрало очень для себя удобный момент, чтобы объявить о пенсионной реформе — в день открытия чемпионата мира по футболу и, соответственно, в день победы нашей сборной над командой Саудовской Аравии. Всеобщая эйфория от этой крупной победы (5:0), естественно, сильно снизила отрицательную реакцию населения на эту для многих шоковую «реформу». Для тех, кто еще не вышел на пенсию, заветная черта каждый год будет удаляться за горизонт, пока мужская часть населения не достигнет 65 лет, а женская — 63 (на тот момент, когда правительство объявило о пенсионных новшествах). Вот так российская власть «любит» соотечественниц, не желая отпускать их на пенсию и прибавив (поначалу) к пенсионному возрасту аж восемь лет. Хочешь работай, хочешь дома сиди, но до минимального гособеспечения наши соотечественницы, согласно объявленной «реформе», должны были аж восемь лет ждать. Для многих из них это стало натуральным шоком, даже несмотря на не менее всеобщую эйфорию после второй победы нашей сборной — над командой Египта...

Не любит российская власть наше население, ох как не любит! В стране, где людям в возрасте почти невозможно найти работу, эта самая власть решила увеличить рабочий возраст на пять и на восемь лет!.. Правда, нельзя сказать, что она **никого** не любит. В футболистах и артистах она души не чаёт, выделяя на их содержание миллиарды...

Но основной удар данная «реформа» наносит по русскому народу, т.к. продолжительность жизни русского народа за последние 25 лет ничуть не выросла, сколько бы нас ни вводили в заблуждение РОССТАТ и ВЦИОМ и сколько бы ни

вешали лапшу на уши центральные СМИ. В настоящее время в России до 65 лет доживают 43 процента мужчин.

В советское послевоенное время продолжительность жизни у населения росла, а вот пенсионный возраст в стране почему-то снижался... Теперь же — всё наоборот, несмотря на недавние заверения «лично Владимира Владимировича» о недостоверности разговоров об увеличении этого самого пенсионного возраста. Ну, конечно же, это всё они, зловредные чиновники правительства хотят подпортить имидж и рейтинг нашего президента...

* * *

На этом чемпионате мира поистине какой-то рок преследует классные футбольные команды. Класс, мастерство и техническое совершенство игроков теперь стали не главными в игре под названием футбол. Теперь верх берет глухая, эшелонированная оборона всей командой в расчете на редкие прорывы в контратаках. Жертвами этой оборонной тактики уже стали сборные Германии, Аргентины, Португалии и Испании. Их красивая, техничная игра была нивелирована отбойной обороной соперников, попросту разбилась, как о бронированную стену, о непробиваемую защиту одиннадцати игроков. Так немецкая сборная была на голову сильнее команды Южной Кореи, аргентинцы по классу и по игре явно превосходили исландцев, а испанцы — наших, но тотальная железобетонная оборона свела на нет все их усилия, и они вынуждены были покинуть чемпионат раньше времени.

Да, мы все в России, конечно, болели за нашу команду в игре с испанцами и были искренне рады выходу нашей сборной в четвертьфинал. Она достойно билась, вернее, отбивалась, но при этом никакой игры — именно как игры под названием футбол — не показала. Да и не могла показать, не было у них для этого ни возможностей, ни способностей. 120 минут отбивались наши игроки от своих ворот, закатив при этом мяч в собственные ворота (Игнашевич). Спасла их рука испанского защитника при единственной нашей атаке, рука, в которую случайно попал мяч в штрафной площадке, когда Дзюба пытался головой нанести удар по воротам. Поистине, как теперь говорят, это была вторая (после Марадоны) «рука бога»... Тот же Дзюба затем точно пробил пенальти. Поразительно, но в этой игре недавние чемпионы мира испанцы не смогли забить ни одного гола.

Да, на этот раз Акинфеев превзошел самого себя. Он неудачно стоял в игре с уругвайцами, но тут был стопроцентно безупречен. Более того, в послематчевых пенальти отбил два удара испанцев. Это было настоящим чудом.

Но после всего сказанного нужно тем не менее признать: то, чем занимались на поле наши футболисты, — было всем чем угодно, но не игрой в футбол. Их 120-минутную отбойную стену правильнее было бы назвать антифутболом. Мяч в ногах наших «игроков» задерживался не более десяти секунд из-за неточных передач и неумения технично им распоряжаться. С их стороны это была не игра, а разрушение игры, причем, как оказалось, разрушение успешное.

Безмерно радоваться успеху антифутбола можно, конечно. Однако любим мы и ценим **футбол**, а не его антипод. И хотим смотреть на игру, а не на ее разрушение, не на ее иссущение ради результата.

Прагматичные тренеры и даже игроки внушают нам мысль: «Самое красивое в футболе — результат на табло». Глупость это и абсурд. Самое красивое в футболе — **игра** под названием футбол.

* * *

Сколько бы теперь ни оправдывались и ни называли игру российской сборной подвигом, надо честно посмотреть правде в глаза: с хорватами, как и с испанцами она играла **гораздо хуже** соперников. Собственно, игры как таковой не было. Была в основном (с редкими проблесками) бездарная, отбойная пародия на футбол. Каждая вторая передача мяча — в никуда или в чужие ноги. Мяч в ногах у наших вообще не держался. Только в самом конце забегали. Всем было видно, что хорваты играют лучше, интереснее. Хотя для них это тоже был изнурительный матч — пробивать отбойную защиту всегда труднее, это требует больших затрат сил. И вообще-то подвиг совершили они, а не мы. Ведь они играли на чужом поле при огромном давлении трибун. И они закономерно выходят в полуфинал. Хотя, конечно, обидно, уступить на своем поле, тем более что шанс был так близко! Но если бы с такой примитивной «игрой» в полуфинал вышли мы — было бы не столько радостно, сколько смешно.

Напрасно, слишком напрасно Черчесов взял в оборону «пожилого» Игнашевича (кстати, единственного в сборной, кто не знает слов гимна). По его вине влетел мяч в наши ворота в игре с испанцами и оба мяча — с хорватами. Он всё время находился не там, где нужно, то и дело проваливался, бездарно отбивал мяч свечой или просто в нашей штрафной валлил на землю чужих нападающих. Судьи несколько раз его прощали и не давали пенальти за его откровенные завалы.

Основной бомбардир российского чемпионата нападающий Смолов вообще ничего не показал на поле, не забил ни

одного мяча с игры, в том числе и пенальти с хорватами, что, собственно, и решило исход матча. В «Краснодаре» на него играла вся команда, а в сборной он как-то поблѣк и вообще не нанѣс ни одного опасного удара. Лично я всегда считал его перехваленным и на деле примитивным игроком. Напрасно Черчесов поставил его первым бить послематчевые пенальти в последней игре. Когда крупным планом показали его лицо, было видно, что глаза его полны страха. Мне сразу стало понятно — не забьѣт. Он неуверенно подошел к мячу и ударил слабо, по центру, прямо во вратаря.

Два раза подряд нам повезти не могло. С испанцами повезло, с хорватами — нет. Но в футболе на везении далеко не уедешь. Четвертьфинал стал пределом нашего везения на ЧМ по футболу. Причѣм пределом незаслуженно высоким. Но теперь это НАШ предел. Скорее всего на долгие годы.

* * *

Я писал об этом в «Протуберанцах» еще лет десять назад, когда этой правды — за очень редким исключением — в стране почти никто не знал и когда версия «расстрела в ипатьевском подвале» почти ни у кого не вызывала сомнений. Теперь же об этом многие и говорят, и пишут открыто. Например, на радио «Радонеж» практически каждый день кто-то из известных приглашенных поднимает эту тему и прямо говорит о том, ЧТО в реальности произошло в Екатеринбургѣ 17 июля 1918 года.

В этом городе есть музей, в котором собраны экспонаты и свидетельства, относящиеся к зверскому убиению святой Царской семьи. Так вот, там имеется ведро, доверху наполненное пулями, извлеченными из стен подвала, где якобы происходил «расстрел» несчастных жертв екатеринбургского злодеяния. Как установила экспертиза, ни одна из этих пуль не прошла через человеческие тела. То есть никакого расстрела не было. В подвале Дома Ипатьева была проделана инсценировка «расстрела» для сокрытия следов истинного ритуального жертвоприношения.

Один из распорядителей злодеяния Войков, ставший затем постпредом в Польше, во время посольских кутежей, бахваясь, уверял: «Мир никогда не узнает того, что мы с ними сделали...»

Но Божий Промысел выше человеческой уверенности.

Как неоднократно говорил и писал св. старец Николай Гурьянов, казнь эта происходила не в подвале, а, наоборот, на верхнем этаже Дома Ипатьева. Длилась она шесть часов. Жертвы были подвержены нечеловеческим мукам, и убивали

их холодным трехгранным оружием. Их кровь текла по ступеням дома до первого этажа. А головы царя, царицы и царевича были доставлены в Кремль.

Ленин знал о готовящемся преступлении, а Свердлов имел прямое отношение к этой ритуальной казни, то есть казнь была совершена по его указанию. Как только в конце 70-х годов правда начала пробиваться к свету, Дом Ипатьева по распоряжению Ельцина (в исполнение соответствующего решения Политбюро) был стёрт с лица земли, чтобы ничего нельзя было доказать. Между прочим, митрополит Тихон (Шевкунов) и прокурор, депутат Госдумы Н.В. Поклонская обращались в ФСБ с просьбой ознакомления с документами, относящимися к убийству Царской семьи. Однако им было отказано. Видимо, есть что скрывать.

Но правда к свету всё равно пробилась, и с ней уже ничего нельзя сделать. В скором времени она будет доказана и признана окончательно, потому что правда сильнее лжи, а Бог сильнее сатаны.

Кому интересно, прочтите статью Валерия Шамбарова «Тайны царубийства» в «Молодой гвардии» №11-12 за 2017 год. Или читайте на эту тему книги Петра Мульгатули. Они есть в Интернете.

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что история с перезахороненными «царскими останками» — так же мифологизирована, как и «расстрел в подвале».

* * *

Депутаты Госдумы в августе этого года смело угрожали украинским властям жесткими ответными мерами в случае ареста еще одного нашего судна. Буквально через день после этих угроз СБУ задержала в порту Херсона российский танкер «Механик Погодин», доставивший в «незалежную» нефть, вместе с экипажем. Депутаты тут же прикусили язык и больше никаких угроз с их стороны не последовало. Президент и премьер тоже, как обычно, промолчали. Российское судно «Норд» вместе с капитаном с прошлого года находится на Украине под арестом. Ни Путин, ни Медведев до сих пор по этому поводу не проронили ни звука. Впрочем, это уже давно не удивляет. Удивляет другое: зачем, ради чего наши суда после ареста «Норда» заходят в жовто-блокитные порты? Очень хочется денежек? Но тогда и обижаться не на кого, кроме как на себя — на свою аполитичную жадность и дурость.

Что же касается голословно «смелых» и бессмысленно «резких» заявлений депутатов Думы, то уже всем нормальным людям стало очевидно — кроме двух-трёх человек, нет там

больше ни одного по-настоящему смелого, честного и порядочного «слуги народа». При зарплате рядового думца в 320 тысяч рублей у 99% из них порядочность, честность и смелость испаряются в мгновение ока. Но как хочется с трибуны кому-то погрозить кулаком, пока не последовало ответных действий, чтобы назавтра трусовато прикусить язычок и спрятаться под стол!..

И чего стоят все разговоры Путина о нашем сверхсовременном оружии, если у него не хватает воли освободить наши гражданские суда, захваченные ублюдочным и охамевшим псевдогосударством?

С 2015 года в России вновь начала падать рождаемость. За 2017 г. она снизилась на 10,7% и оказалась минимальной за последние 10 лет (!!!). В 2018 году ситуация не улучшилась: в январе—июне в РФ падение составило 4,7% («Коммерсант» от 18.08.2018). Эта тенденция — и есть истинная картина нашего «успешного» развития, о котором неустанно долдонят центральные СМИ.

Повторю то, что уже было сказано мною выше: до 65 лет сейчас доживают лишь 43 процента мужчин.

В редакцию пришло письмо от читателя «МГ». Пенсионер из г. Сызрани Самарской области недоумевает: для чего по Первому каналу центрального телевидения в титрах передачи «Время покажет» написано по латыни: «Vremya Pokazhet»? И он размышляет: если это написано для англоязычных телезрителей, то вместо «Vremya» должно быть «Time», а если для германоязычных, то — «Zeit». И он приходит к такому выводу: нет, это пишут именно для нас, для русских и русскоязычных, чтобы приучить нас к латинице. И в этом читатель из Сызрани абсолютно прав. Действительно, где-то произвольно, а где-то навязчиво и упорно наши глаза и наше сознание приучают к латинскому алфавиту, т.е. к европейскому обозначению русских слов. Чтобы мы привыкли к этому письму. И заметьте, с каждым годом подобного написания вокруг нас всё больше и больше — в названиях магазинов, кафе, ресторанов, различных фирм, сфер обслуживания... Вот теперь уже и в названиях телепрограмм. Вот так они вроде бы незаметно, но настойчиво вытесняют не только русские слова и русские названия, но уже и русский алфавит. А иначе спросим вместе с читателем из Сызрани: для чего это делается?

Они сами себя называли адом. Конгрессмены США с блеском в глазах и с радостным потиранием рук выкрикнули на весь мир, когда узаконивали августовские санкции против России: «Это будут санкции из ада!» Да кто бы сомневался, господа! То, что ваши Соединенные Штаты — истинный ад на земле и то, что они, ваши «Штаты», — самое натуральное дьявольское государство, мы знаем давно, об этом не раз было сказано нашими знаменитыми людьми, посетившими ваши «Штаты». «Царство зелёного дьявола» — это ведь про вас сказано. Вот и сами вы невольно проговорились и подтвердили это.

Откуда могли быть сброшены атомные бомбы на спящие города? Только из ада. Кто приказал залить Северный Вьетнам химическим и бактериологическим оружием? Только мерзавцы из ада. Кто уже в наше время отдал приказ о ракетном и авиационном ударе по Сербии с применением зарядов с обедненным ураном? Только безжалостные хищники из ада и никто другой. И тут уже даже излишне вспоминать про изошренные пытки над заключенными в тюрьмах Гуантанамо и Абу-Грейб.

Россия в XX веке, поддавшись европейским атеистическим мечтаниям, по своей доверчивой наивности пыталась построить рай на земле. Это оказалось невозможно сделать, из этой умозрительной затеи ничего не вышло — мы не знаем, то ли к сожалению, то ли к счастью. Но вы, изобретатели бесконечных мировых санкций, запретов, пыток и электрических стульев, в своих Соединенных Штатах **ад построили!** И теперь с дьявольским злорадством разбрасываете во все стороны света свои вожделенные «санкции из ада». И совсем не случайно на вашем долларе изображен дьявольский глаз в треугольнике, который ежесекундно следит за всеми вашими адовыми делами.

Вы хотите нам внушить и доказать, что миром правит ад. Как всегда, врётё — и вы, и ваши российские прихлебатели. Мир потому до сих пор и существует вопреки вашим адским поползновениям, что им управляет любовь. Эту истину уже более двух тысяч лет утверждает на земле православная вера — главный, по признанию польского еврея Бжезинского, «враг» вашего ада. Мы пережили ад ленинско-троцкистского большевизма, ад гитлеризма, переживем и ад американизма. В Откровении апостола Иоанна в конце Нового Завета всё предсказано: «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их... И смерть и ад повержены в озеро огненное» (Откр. 20: 9, 14). Да, господа конгрессмены, падёт на вас огонь с неба. От этого пророчества вам уже никуда не деться. Ведь вы сами себя обзвали адом.

В последний день лета 2018 года в Донецке в результате теракта убит глава Донецкой Народной Республики Александр Захарченко. Ему было 42 года. Без отца остались четверо детей. До сих пор киевские террористы убивали народных командиров Донбасса, до глав республик они не добились. Теперь добрались.

Нацистские мрази в Киеве в этот день торжествовали. Дебиловатые депутаты параноидальной «рады» захлёбывались в ликовании. «Это просто праздник какой-то! Вчера Кобзон, сегодня Захарченко! Ура! Слава Украине!» — вопили в соцсетях украинские блоггеры.

Мрази остаются мразями. Они даже внешне не способны соблудности приличия. Наоборот, вся их внутренняя мерзость в первую очередь отражается на их быдловатых, ухмыляющихся физиономиях, как только совершаются убийства людей в Донбассе. И только после этого, после своих быдловато-хамоватых ухмылок они открывают рот и начинают нести свою шизофреническую клинически-агрессивную ахинею. Их даже нельзя назвать зомби. Они хуже зомби, которые в основном действуют под управлением чужой воли. Этим же и внушать ничего не надо. Они в результате своей изначальной моральной неполноценности получают наслаждение от чужой боли, чужой крови, чужих страданий. Они только и ждут, чтобы у нас, русских, что-нибудь произошло — авария, трагедия, несчастье, чья-то гибель или смерть. Для них это — праздник! И тем не менее их неизменно, упорно приглашают на центральное российское телевидение. А для нас остается безответным вопрос: **кто и зачем** приглашает?..

Террористическая власть, сидящая в Киеве, признанная Москвой, потому и ведет себя столь нагло и агрессивно, что Москвой — признана. В отличие от республик Донбасса. Если бы Путин после Крыма не струсил, но выполнил свои обещания по защите народа Донецкой и Луганской областей, то и не было бы там никакой войны, не было бы там всех подлых терактов и убийств известных людей. Пришла пора сказать прямо: в гибели Александра Захарченко, как и других народных командиров, виновны не только украинско-нацистские террористы, но и те в России, кто отказался признать донбасские республики. И грош цена их нынешним соболезнованиям. Тем самым соболезнованиям, в которых российская власть называет террористическую войну в Донбассе «конфликтом на юго-востоке Украины»...

Но можно не сомневаться: через некоторое время наши «официальные лица» вновь, как на заезженной пластинке,

начнут воспроизводить свою глупую и отвратную песню о «приверженности минским соглашениям» — между прочим, прекрасно понимая, что террористическая киевская хунта уже тысячу раз эти бессмысленные «соглашения» перечеркнула, порвала в клочья и спустила в унитаз. А ведь согласно им Кремль продолжает впахивать ДНР и ЛНР в «террористическое государство», названное таковым самим же Кремлём... Такой вот совместный кровавый киевско-кремлёвский театр абсурда разыгрывается на наших глазах.

Пройдет еще несколько лет, и так называемые «минские соглашения» останутся в памяти лишь в качестве символа предательства Донбасса и Новороссии.

* * *

В Елабуге, как известно, похоронена Марина Цветаева. Я был на ее могиле 45 лет назад.

После того, как М.И. Цветаева 31 августа 1941 года, находясь в Елабуге, ушла из жизни, она была похоронена на окраине русского кладбища, как говорили свидетели захоронения, «у раздвоенной сосны». Могилка эта долгое время была заброшенной. Нашли ее, многие годы спустя, по этой самой «раздвоенной сосне», после чего она приобрела достойный, но таинственный вид. На гранитной плите ничего не сказано о том, кто такая Марина Цветаева. И только железная книга, закрепленная на чугунной ограде, должна была о чём-то людям сказать...

Тогда же, в 1973 году, я написал это стихотворение.

В ЕЛАБУГЕ НА КЛАДБИЩЕ

*Вот мы и встретились, Марина,
здесь, у раздвоенной сосны,
на русском кладбище старинном
в глуши татарской стороны.*

*Крестов желтеющие лица
скорбят, повернутые вспять...
Здесь так легко остановиться
и так непросто устоять.*

*Всё долгим временем покрыто,
всё тайну горькую хранит:
и глыба красного гранита,
и цепь, сковавшая гранит.*

*Темна могильная завеса,
ее не смею ворошить,
ведь даже книга из железа
не в силах тайну разрешить.*

*Стою один. Смотрю печально.
Ты не меня сюда звала.
Моя дорога не случайно ль
конец твоей пересекла?..*

*И как ни больно расставаться,
еще мы свидимся вдали,
тогда смогу я отозваться
на голос твой из-под земли...*

И вот в августе этого года на день города я был приглашен в качестве первостроителя КамАЗа в Набережные Челны, в которых я не был 45 лет. В какие-то моменты мне казалось, что я нахожусь во сне, что вот сейчас я проснусь, и этот сон исчезнет.

Новый город стал красивым, зеленым, ухоженным. Для меня было удивительно, что сохранилась и часть старого города, который я хорошо запомнил несмотря на прошедшее время, — он оказался не полностью затопленным при возведении Нижнекамской ГЭС. И водохранилище, и плотина, и сама Кама со стороны старого города выглядят очень живописно.

9 августа вместе с Дианой Кан, поэтом из Оренбурга, мы выступали во Дворце культуры «Энергетик» на вечере, посвященном 10-летию выхода антологии челнинской поэзии «Под небом высоким», куда вошли и мои стихи, написанные в начале 70-х годов, когда я строил КамАЗ.

На следующий день нас повезли в Елабугу, старинный русско-татарский город на другом берегу Камы. Я тоже его запомнил, хотя не был в нём почти полвека, — в том тёмно-сером деревянном городишке, в дали от которого находилось русское кладбище с могилой Марины Цветаевой.

Теперь это город-музей, отреставрированный, светлый, с красивыми, действующими храмами. Музей Ивана Шишкина, Надежды Дуровой, музей Марины Цветаевой, дом, в котором она провела последние дни своей жизни, а рядом с ним — прекрасный памятник поэту. Нам устроили экскурсию по городу. Он теперь просто удивителен и очень красив. Сюда причаливают туристические теплоходы. Берега Камы с высоченным обрывом с одной стороны и бескрайними, зе-

леными заливными лугами с другой — просто просыта на полотно художника и до сих пор стоят у меня перед глазами.

Побывали мы и на могиле Марины. Могила теперь имеет несколько иной вид. Да, она более обихожена, обложена плиткой, на ней высажены цветы. Но нет уже прежней раздвоенной сосны — говорят, в нее попала молния, и она сгорела. Нет прежней белой железной книги.

В «Библиотеке Серебряного века» состоялся мой творческий вечер. Встречали очень тепло: и ведущая по имени Венера, и серьезные благодарные слушатели, которые просили читать еще и еще. Я привез туда новую книжку стихов «Напряжена душевная струна», а также последние номера журнала. Всё это очень быстро разошлось.

* * *

С 6 по 11 сентября был в Дагестане. Поездка для меня оказалась удивительной. Узнал много интересного и необычного. Впервые увидел Каспийское море и даже в последний день, когда все гости разъезжались, в нём искупался, хотя оно и штормило. Но прежде всего самыми удивительными для меня, конечно, стали горы.

В Дагестане каждый год широко отмечают праздник «Дни белых журавлей», посвященный солдатам, погибшим в Великую Отечественную и приуроченный к дню рождения Расула Гамзатова (8 сентября). К тому же в этом году был его юбилей — 95 лет. Из Москвы нас прибыло семь человек. Прилетели и приехали писатели из других регионов России. Были даже гости из Узбекистана.

Мы много выступали — в Театре поэзии, в Государственном университете, у памятника погибшим воинам в центре Махачкалы, в высокогорном Гунибе... Нас принимали в Союзе писателей, в Государственном русском драматическом театре, дома у Гамзатова, в Доме республиканского правительства. Встречали везде очень хлебосольно и коньячно. Я читал и свои стихи, и мои переводы Гамзатова. Были мы в нескольких прекрасных национальных музеях и картинной галерее.

Но самое главное — 9 сентября нас повезли в горы, в село Гуниб, в 150 км от Махачкалы, где когда-то на высоте около двух тысяч метров был пленён имам Шамиль и закончилась русско-кавказская война. Более двух часов наш микроавтобус поднимался вверх по серпантину шоссейной горной дороги. Дух захватывало от видов, от фантастической красоты и головокружительных пропастей, разверзавшихся в нескольких шагах от нас. Когда мы прибыли в Гуниб, там

уже всюду шел праздник. И молодёжь, и люди в преклонных годах вышли на площадь в национальных костюмах, было много детей, дагестанские артисты вместе с простыми жителями танцевали и пели. На площади вывесили огромный портрет Расула Гамзатова, который любил часто здесь бывать. Дети держали в руках белые шары, символизирующие белых журавлей. Возле 27-метровой стелы, возведенной в память о погибших в войне гунибцах (а их 1340 человек), прошел короткий митинг, на котором выступили представители местной власти, и после минуты молчания дети отпустили белые шары в небо. Затем мы пришли в клуб, где вновь выступали, читали стихи, рассказывали о себе в промежутках между танцами и песнями дагестанских артистов. После выступлений нас повезли на самую вершину — в верхний Гуниб, в Дом приемов высоких гостей, где нас ожидали по-кавказски накрытые столы. Выпить и съесть всё это было невозможно.

Из Дома приёмов мы вышли, когда начало смеркаться. И вот тут я по-настоящему ощутил, что такое горный воздух. Пока мы сидели в застолье, где лились нескончаемые тосты, прошел небольшой дождь, и влажный горный воздух казался мне настолько живым, целебным, чистым и сладким, что не хотелось никуда уезжать.

Возвращались вниз по той же горной дороге уже в полной темноте. Фонарей на дороге не было, и машины шли с включенными подфарниками. Как водители умудряются ночью не сорваться в пропасть — уму непостижимо.

Да, я наконец увидел Кавказские горы, увидел горные реки и озера, увидел селения, уютящиеся на краю скальных обрывов. И у меня в голове не укладывалось, как же это русские войска 160 лет назад, не имея никакой техники и обустроенных дорог, смогли поднять на эту высоту орудия, пушки, снаряды и разбить армию Шамиля, которая имела преимущественное положение, находясь на самой высоте Гуниба? Мы на автомобиле по гладкому шоссе в солнечную погоду поднимались туда более двух часов... А если бы в дождь или в снег?.. Действительно, русский солдат — это что-то невероятное по упорству и лихости, и ему точно нет равных.

Все москвичи улетали в Москву утром 10 сентября. А я еще в Москве по ошибке взял билет на утро 11-го. Таким образом, у меня в запасе оказался свободным весь день 10 сентября. Первую половину дня я провел на пляже Каспийского моря, а после обеда председатель Союза писателей Дагестана Магомед Ахмедов пригласил меня и оставшихся иногородних писателей на прием к министру по национальной

политике Дагестана Татьяне Владимировне Гамалей. За овальным столом в своем министерском кабинете она внимательно и весело расспрашивала о наших впечатлениях о городе, о встречах, о людях республики. Я первым взял слово и после восторженного рассказа об увиденном здесь и услышанном перешел к разговору о журнале, которому, кстати сказать, уже 96 лет. Поведал о наших знаменитых авторах от Есенина и Шолохова до Распутина и Лобанова, сказал о повсеместных для нашего времени проблемах с подпиской. И Татьяна Владимировна пообещала оказать содействие махачкалинским и областным библиотекам в подписке на «Молодую гвардию». Так что обратный билет я взял на день позже вовсе не по ошибке, а совсем наоборот...

* * *

Кремль в конце концов доигрался в любовные игры с Израилем. Как доигрался он в любовные игры с киевской национально-бандеровской хунтой — в Донецке среди бела дня был взорван глава ДНР А.В. Захарченко и за пять лет войны убито несколько тысяч жителей Донбасса. Из-за этой противоестественной кремлевской «любви» мы практически каждый день теряем здесь своих людей.

17 сентября в результате американско-израильской провокации над Средиземным морем был сбит российский разведывательный самолет Ил-20 с 15 членами экипажа. Причем израильские штурмовики еще успели отбомбиться по Сирии близи нашей авиационной базы Хмеймим. Почему наши хваленые-перехваленные С-400, охраняющие базу Хмеймим, в ответ не сбили ни одного самолета агрессора — большой вопрос к командованию этой базы и к министру обороны. И еще один вопрос: отчего это вдруг наш большой, фактически гражданский и потому очень уязвимый для нападения самолет разведки не сопровождали российские истребители?..

Ясно, что американцы ведут с нами войну в Сирии не только руками подготовленной ими армии террористов, но и руками Израиля, имеющего с Россией «очень тёплые, очень дружественные, традиционно взаимовыгодные отношения», как до этого дня пели нам дикторы российских телеканалов после каждого посещения Москвы премьер-министром Израиля Нетаньяху.

В течение последних лет Израиль чуть ли не через день бомбил Сирию. Видимой реакции Кремля на эти акты государственного террора не было НИКАКОЙ. А Путин почти каждый месяц с радостными объятиями встречал Нетаньяху в Кремле — как ни в чём не бывало, словно и не было никаких

ракетных ударов Израиля по Сирии. И вдруг теперь, по версии Кремля — в результате «трагических случайных обстоятельств» — жертвами стали пятнадцать российских военнослужащих сбитого разведывательного самолета. Как же это могло случиться?! Ведь Путин с Нетаньяху всегда так «дружески» обнимались!..

«Будем разбираться, — заверил хозяин Кремля. — Мы отведем. Это все заметят»...

Однако хорошо известно: тот, кто решил ответить, не будет этого обещать, он берет и отвечает. Однако все эти грозные обещания, как мы не раз убеждались, не для Израиля и США. Они — для нашего доверчивого зрителя. Пройдет недолгое время, Нетаньяху еще раз прилетит в Москву, они еще раз обнимутся с российским президентом и уладят все «недоразумения». А Сирию вновь начнёт бомбить другой наш «партнёр» — США. И в этом случае со стороны Москвы даже угроз не будет. И дело тут не только в известном лобби, плотном окружающем президента и контролирующем практически все властные структуры в России. Дело тут, похоже, гораздо банальнее и примитивнее... Всё говорит о том, что капиталы основной российской элиты находятся как в американских и европейских банках, так и в израильских...

* * *

Даже если и допустить израильскую версию уничтожения Ил-20, ясно, что это был американский приказ Израилю: подставить наш самолет-разведчик под удар сирийских ПВО. Что израильские лётчики, по официальным заявлениям Кремля, и сделали. Погибли наши офицеры — высококлассные специалисты радиолокационной разведки. Именно эту цель и ставили американцы. После такой провокации мы (Россия) обязаны были серьезно ответить Израилю — разорвать с ним дипломатические отношения или хотя бы отменить безвизовый режим. Но ничего этого не было сделано и, конечно же, сделано не будет.

Наш президент сразу после жесткого заявления Министерства обороны решил смягчить ситуацию и повторил американо-израильскую версию гибели нашего самолета: мол, сбили его сирийские ПВО... Еще и расследования не было, еще и фрагменты самолета не достали со дна моря...

И в высших сферах российской власти началась какая-то странная возня. Уже на второй день о сбитом самолете и наших погибших офицерах ни один новостной канал в стране не проронил ни звука. И на третий день — тоже. Чувствовалось, что там, наверху, *некто* очень сильно хочет этот «ин-

цидент» замять. И все российские СМИ этому желанию мгновенно подчинились, а вместе с ними — велеречивые депутаты и телевизионные оракулы... Даже Соловьев в своем «смерлом и свободном» ток-шоу, вышедшем через два дня после трагедии над Средиземным морем, этой темы ни разу не коснулся, как и все его «смелые» гости. Лишь Яков Кедми с озлобленной физиономией объяснил нам, неразумным: Израилю позволено ВСЁ, бомбили и будем бомбить.

На третий день по «Маяку» кратко сообщили: в Москву прибыл командующий военно-воздушными силами Израиля в связи с *инцидентом* над Средиземным морем... То есть всем было велено успокоиться и принять к сведению: это был всего-навсего неприятный *инцидент*... Но если наш самолет сбита сирийская система ПВО, то для чего прилетал высокопоставленный израильский генерал?..

В эти же дни в Интернете стали появляться аналитические записки некоторых наших отставных военных экспертов, приходивших к выводу о том, что самолет радиолокационной разведки Ил-20 напрямую уничтожили ВВС Израиля. Причем — по приказу, поступившему из США. Об этом же, вопреки американско-израильской версии, с которой согласились в МО РФ и в Кремле, говорит тот странный факт, что президент Сирии Башар Асад только на третий день выразил соболезнование народу России и семьям погибших офицеров... Но с навязанной Кремлю американско-израильской версией он, по сообщениям иностранных «голосов», не согласился.

Никакого траура в стране, конечно же, объявлено не было. А уже на второй и на третий день, и в последующие дни по российскому каналу ТВ в вечернее время шла омерзительная ржачка давно всем обрыдших штатных телеклоунов. И казалось, что ржали они в эти дни с каким-то особым вкусом...

* * *

Через неделю после гибели Ил-20 невнятная возня в высших сферах российской власти наконец сменилась жёстким заявлением министра обороны С.К. Шойгу о передаче Сирии ракетного комплекса С-300. То тесь возобладала, как мы понимаем, жесткая позиция силовиков, нацеленная на реальный и действенный ответ зарвавшимся американско-израильским агрессорам. И тут же в новостях по ящику нам напомнили, что между Россией и Сирией еще в 2013 году был заключен контракт на поставку ракетного комплекса ПВО С-300. Причем Сирия этот контракт оплатила. Естественно, в Москву тогда же в срочном порядке прилетел «*большой друг*

России и лично Владимира Владимировича» израильский премьер Нетаньяху. И, как оказалось, любовь к Израилю, конечно же, победила, пересилила даже заключенный, выгодный для России и оплаченный контракт. После этой однодневной встречи Нетаньяху и Путина Россия отказалась от поставки Сирии более современного ракетного комплекса С-300 взамен устаревшего С-200 и вернула ей деньги. И сколько бы теперь кремлевские друзья Израиля ни обвиняли Тель-Авив в «подлости», «неблагодарности», «провокационности» и т.п., вина за наш сбитый самолет Ил-20 и погибших военных специалистов лежит в том числе и на тех, кто отказал Сирии в поставке ракетного комплекса С-300, способного, кстати сказать, отличать наш самолет от чужого.

Не пора ли кремлевским менеджерам покаяться в собственной, мягко говоря, недальновидности? Не пора ли им наконец признать, что Израиль — это враждебное России государство, руководимое (а порой кажется, что и руководящее) Вашингтоном? И не пора ли прекратить эти противоестественные любовные игры с сионистским агрессором?

«ВЕЧНОЕ СЕРДЦЕ РОССИИ»

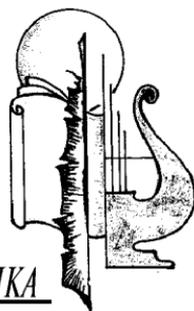
К 70-летию Валерия Хатюшина

Я русский. Таким меня сделало Православие.
Николай Гумилев

Ничто так не впечатляет в поэзии, как непосредственная встреча с самим автором. Когда выразительный голос нашего современника, русского поэта Валерия Хатюшина, зазвучал на белорусской земле, зазвучал возвышенно-лирически, поражая неожиданной образностью, оставляя в душе неизгладимое ощущение сродни глотку свежего воздуха, то пришло острое желание влить и свой собственный голос в это удивительное созвучие, присоединить его к общему камертону голосов Беларуси и России.

Наши братские народы исторически всегда были вместе, неразрывность этих связей прочно вошла в сознание славян. Валерий Хатюшин ментально раздвигает границы между Россией и Беларусью, ведь обе национальные литературы, имеющие единые славянские истоки, взаимно дополняют и обогащают друг друга.

*В прошлом уже не проснуться,
сколько мечту ни проси...
Всё же в Россию вернутся
аисты Белой Руси.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

*...Песней прольются родною
реки ее и леса...
...Звонко плывут надо мною
Белой Руси голоса.*

Красивые, печально-торжественные стихи сразу проникают в душу, они, очень классические, строги и организованы по форме и стилю. Продолжая русскую традицию, поэт в очередной раз доказывает, что законы мастерства не убивают поэзию, если рядом с ними неотступно существуют и всепобеждающие законы души.

В новой небольшой книге Валерия Васильевича Хатюшина «Белой Руси голоса», изданной к его юбилею, как раз нет юбилейного глянца, помимо очерков и статей о его творчестве в нее включены и стихи автора, правда, их немного, но они настолько ёмкие по мысли и неисчерпаемые по образности, что мы имеем дело с тем редким случаем, когда каждое отдельное произведение может стать предметом интереснейшего исследования. «Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое», — хлестко высказался в 1921 году писатель Е.И. Замятин. Читая В. Хатюшина, вспоминаешь русскую классику, к тебе возвращается ее забытая широта, ее свободный духовный полет в поэтических просторах. Автор дарует нам надежду: подлинное творчество живо. И нам так же, как и ему, *«лишь ива за окном, лишь дождь и ветер // покинуть эту землю не дадут»*, — не дадут, чтобы пронзали сердце восхитительные строки, в которых удивительная простота и ясность в сочетании с бездонной глубиной являют миру настоящий поэтический шедевр.

Философия природы, соприкасаясь с человеческой душой, творит извечную симфонию любви, а художник слова стремится запечатлеть на этой нотной партитуре и свой нравственно-эмоциональный опыт жизни. Любовная лирика В. Хатюшина элегична. В ней чувствуется и усталость, пришедшая с годами, и вместе с тем не угасающее желание любить, когда в тебе еще столько нерастраченного и сокровенного, как в стихах: *«А сирень всё равно расцвела, // несмотря на студёные ночи. // Жизнь легко нас с тобой развела, // но свети почему-то — не хочет»*. И — *«дышит сладкой истомой сирень...»*, щедро отдавая быстротечную прелесть цветения. Так и человек живет для того, чтобы отдать другому человеку свою единственную любовь. Вспоминается здесь и светлое пушкинское: *«И может быть — на мой закат печальный Блеснёт любовь улыбкою прощальной...»*

Как много печали сокрыто в природе и в человеческой душе! В. Хатюшин находит чистейшие мелодии, воздействуя на лучшее в нас, невидимое постороннему глазу, словно виртуозно играя на тончайших струнах уникального музыкального инструмента. Вот и в стихотворении «Бересклет» будто размыты нечеткие краски, и «непривычно холодное лето» несет в себе столько психологических оттенков: «...и как отсвет предчувствий неясных, // краснолиственный цветёт бересклет...» Тихая пейзажная поэтика окрашена ностальгическими переживаниями, светлой печалью: «Август, август, зачем же так скоро?.. // Ведь еще не настала пора...» На фоне уходящего лета и приближающейся осени явственно прочитываются ключевые моменты стихотворного произведения, отражающие философию бытия: «...жизни закатный огонь // истончается необратимо...»; «мы, мой друг, замечаем всё реже // прежний блеск в приземлённых глазах».

Русский романс, несмотря на пленительную и притягательную силу слова, всегда был не просто поэзией, он был истинным откровением, и минорная нота романса похожа на нашу жизнь, изменчивую, непостоянную. Подобный песенно-лирический элемент содержит и поэзия В. Хатюшина. Мелодичная тональность стиха, выражающая гармоничную суть и природы, и души, заставляет звучать его произведения на языке музыки, подчиняя их Божественной воле, Божественному ритму и пульсу, а значит, заставляя звучать и на языке, аналогичном Божественной музыке поэзии. Из всех людей искусства: именно творец музыки ближе к сердцу мира. Музыка — язык того высшего мира, который недоступен для земного понимания, но лишь она может говорить нам о том мире. Музыка не имеет границ, не имеет национальности, стирая различия между народами, открывая их сердца добру и любви.

Так же и творчество В. Хатюшина излучает неброский свет, манит недостижимым, вызывая в душе какое-то тайное волнение. «Есть в осени первоначальной хрустальный день», — писал М. Пришвин, искусно перефразируя Тютчева. У В. Хатюшина иная осень, и всё же он ее принимает: «Ничего, что глубокая осень, // ничего, что опала листва... <...> «Не взыскуй, не кручинься, не сетуй...» <...> «Не зови, не жалеи, не прощайся...» <...> Ничего, что не будет покою, // ничего, что иссякло тепло...» Но даже в эти, казалось бы, внешне сдержанные пейзажные зарисовки вдруг врываются по-есенински пророческие строки: «Мимо с шумом, как поезд, промчался // ледящий семнадцатый год», — два века и два их непростых исторических периода пересекаются в его лирике, заставляя о многом задуматься.

Неслучайный пример той же поэтической интуиции, различного видения, точного и выразительного, дополненного яркими пейзажными деталями, — стихотворение «Вода Байкала», где вся Россия словно отражается в ней: «Байкала чистая вода», «Байкала синяя вода», «Байкала серая вода». Оно заключает в себе целое композиционное кольцо, цветовую гамму изменчивых тонов и переливов не только водной стихии, но и нашей жизни и судьбы, когда «скрывает столько тайн России // Байкала чёрная вода...»

«Мысль писателя всегда созвучна времени. Это вечный поиск, вечное приближение к истине», — писал М. Пришвин в своей знаменитой книге «Дорога к другу». Поиск истины — бесконечный путь, не исключая сомнений, разочарований, крушений надежд. «От поэта остаётся // грустный свет и горький путь» — таков вывод В. Хатюшина, познавшего всю парадоксальность русского пути. И приходит ясное понимание и уверенность, что все его лирико-философские стихи — всего лишь прекрасная прелюдия, всего лишь вступление к главной и мощной теме — теме России, тесно сопряжённой с верой, с Богом, с великим чудом Православия.

Исповедальный характер повествования как высшая степень поэтического мастерства, о чем говорил и А. Блок, когда из написанного остаются лишь те произведения, в которых поэт «сжег себя дотла», в полной мере присущ и творчеству В. Хатюшина. В его драматичной лире доминирует Человек, доминирует Душа, обращенная к сакральному. Но между Богом и миром сегодня пролегла пропасть. Как ее преодолеть?

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.*

*Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.*

*...Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...*

*...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

(«Вино и хлеб», 8 января 2017)

Восхождение к живой правде, к покаянию несут стихи поэта, хотя между строк, в подтекстах можно прочесть гораздо больше, и охватывает противоречивая есенинская полнота с ее головокружительным взлетом и неминуемым падением. «Стыдно мне, что я в бога верил, Горько мне, что не верю теперь», — лирическая пронзительность есенинской боли и страдания повторилась и в поэзии В. Хатюшина. Только у него уже своя личная ситуация, которую он ни у кого не заимствовал, а выстрадал сам. Раскаяние, стыд, горечь прозрения звучат и в последующих стихах, углубляющих проблематику греха и покаяния: *«Голос мне слышался птицы ночной. // Ангел мой плакать устал надо мной. // Жил я в азарте бездумных утех. // Ангел отмаливал каждый мой грех. <...> Птица ночная всё чаще кричит. // Ангел мой горько и слёзно молчит...»* (10 мая, 2017). Самые простые и конечные истины человек постигает позже всего. Так устроен этот мир.

Русская литература всегда помогала открывать человеку самого себя. Величие русской поэзии и заключается в ее извечном искреннем плаче об утерянной жизни души с Богом, о великой утраченной любви, о «тоске по Богу». Сакрализация нашей поэзии ставит ее выше многих других. Тоской о забытом идеале святости пропитаны и стихи Валерия Хатюшина, которые не обезличены, не перегружены излишне религиозной символикой. Будучи предельно понятны, они будто о каждом из нас, потому что в них главенствует душа человека, ведущего свой разговор с Богом. Видимо, в этом и скрыта их притягательная загадка.

Герой В. Хатюшина вступает в прямой диалог с Богом, надеясь на Его высшую справедливость, но вот что он слышит из уст Создателя: *«...Отойди. // Кайся и плачь во Христе. // Раньше меня никого не суди. // Я ради всех на Кресте»*. Русский богослов и философ М.М. Тареев, говоря о романах писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского, отмечал его религиозные переживания как живой факт действительности. Стираются грани между поэзией и жизнью и у В. Хатюшина, что тоже дает богатую пищу для философских раздумий. Христианские ценности — духовно-нравственная почва его творчества. Одна из сложных библейских тем, затрагиваемых литературой и искусством, — исследование понятия Креста и судьбы Христа. Осмысление и постижение Креста мы часто встречаем и в произведениях поэта. *«В празднословье своем убогом // мир безумный идёт вразнос. // Наши пращурсы жили с Богом, // в бой их вёл за собой Христос. <...> Стала доблестью их безмерной // сохранённая русская речь. // Всех мощнее на свете — вера. // Перевёрнутый крест — это*

меч», — новозаветные реминисценции философского единства жизни и религии находим мы в стихотворении «Вера», где для мира и для воина есть молитва и есть храм. «Не нами, но нам сказано: «Если весь мир против меня, но со мной Бог, то я сильнее всего мира», — считает и русский писатель, воцерковленный гражданин Владимир Крупин.

Аура глубоких религиозных переживаний обволакивает поэзию В. Хатюшина, и это тоже тайна: *«Чего хотеть всезнающей душе? // Какого ждать никчемного итога? // Когда слова все сказаны уже, // Когда никто не нужен, кроме Бога»*. Или приведем другие строки, подтверждающие составляющую веры как составляющую полноты человеческого бытия: *«Я из рая сбегу, если он — без Христа»*, подразумевая при этом всё же рай умозрительный, созданный нашим воображением. И совсем рядом — чистые строки откровения, выражающие наивысшую форму проявления любви, что заключается в любви к Богу: *«Свою еще живую душу, // Как дар любви, вручу Ему»*. Перед нами предстает не отстраненный, а конкретный и убедительный образ героя-христианина. Подобную метафизику искренности православных чувств представлял в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский на примере хорошо известной библейской истории Иова, которая «в том и велика, что тут тайна, — что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе», — писал неутомимый исследователь человеческих душ.

В творчестве Валерия Хатюшина чётко высвечивается национальная идея, так до сих пор и не определенная российской правящей элитой, — национальное представление о святости Руси, ее первостепенный источник — вера, Христово братство. И что сегодня может быть более важным для наших славянских народов? Тема Православия — это вся огромная Россия, уходящая корнями к Святой Руси. «Без Бога нация — толпа», — верны прямые слова отца Романа. В. Хатюшин задается самым насущным и болезненным вопросом, в котором содержится и ответ: *«Россия, далеко ль уйдешь без Бога? // И есть ли путь без веры на земле?»* Сколько раз, предавая веру, отказываясь от нее, живя теплохладно, мы теряли и страну. Такие смутные времена Россия испытывала неоднократно. *«Ты услышишь не раз как о сказочном чуде // об ушедшей Отчизне своей. // Той великой страны больше нет и не будет. // Много раз мы поплачем о ней»*, — разве поэт не прав в своих гражданских чувствах? Да, мы уже *«познали всю горечь скитанья // без идеи, пути и названья...»*, — и непростительно, печально то, что новое поколение продолжает этот путь. И нельзя сказать окончательно, насколько остался в прошлом

данный исторический катаклизм, связанный с развалом СССР, с потерей былого величия нашей общей державы. Он еще долго будет отзываться своей незаживающей раной в наших душах. Впрочем, нынче стало модно видеть во всём фатальность, ведь не зря же мы вошли в эпоху мистики.

В. Хатюшин этому беспощадному и *«подлому миру»* с его лживо-фарисейскими святынями противопоставляет свои, те святыни, что для него по-прежнему *«неизменны»*, о которых во весь голос он заявляет в стихотворении «Переключка», посвященном известному русскому поэту из Беларуси Анатолию Аврутину. *«Мы росли на руинах великой войны, // со страной возвышаясь и каясь, // нас безродные пичкали чувством вины, // от святынь и побед отрекаясь»*, — говорит он о своем послевоенном поколении, рожденном в той стране, которой сегодня нет. Когда-то поэт В. Соколов изрек: «Я устал от двадцатого века». Но и В. Хатюшин перенёс эту усталость в новый век. «Рыцарем русского образа» назвал его А. Аврутин за патриотическую и гражданскую позицию, а я бы добавила к сказанному: В. Хатюшин и романтический рыцарь человечности, сострадающий «униженным и оскорбленным», по-достоевски спасающий людские души.

Необычайный синтез слияния большого и малого, что практически исчезает, что крайне редко встретишь в современной литературе, поэту удалось удивительным образом воплотить в одном стихотворении «По Онеге и Ладогe»: *«Как широка и высока Россия! // И не по силам никаким штормам. / Наш теплоход «Княжна Анастасия» // На Север шёл навстречу холодам»*. Впечатляет невероятная пространственность поэтической строки, наполненной символическими озарениями на этой духовной дороге, ведущей в прошлое России, к ее древним истокам, как будто напоминающая и весь человеческий путь, который и должен быть таким, — к православным храмам, к святым монастырям, путь к покаянию, а значит, к возрождению, путь, что простирается между бренным и вечным: *«...из древних чёрных брёвен церковь Спаса // над островом висела в облаках, // и с чёрных досок свет иконостаса // нас грел, продрогших, точно южных птах»*. Это и есть наша мудрость — мудрость Бога, освящённая благодатными молитвами и долготерпением всех святых великомучеников земли русской. «Россия слишком малоизвестна русским!» — оставил нам А.С. Пушкин слова, или, точнее, завет будущим потомкам. «Велико незнание России посредине России», — замечал и Н.В. Гоголь. Вот и В. Хатюшин также открывает иной мир, незнакомый многим, мир праведный, что преображается трудом и молитвенным словом монахов, реально

приближаясь к миру горнему: «В любом пути есть неземные знаки. // И был священный остров Валаам, // где возвышался монастырский храм, // где сотни лет в трудах живут монахи».

Меняется жизнь, меняются люди, но лишь Христос неизменен. Вера — это и есть скала, на которой стоит Россия.

*Как много чуда в мире и как много
дано нам свыше знаков и даров!..
Славянский съезд, славянская дорога —
длинна, крута на сквозняке веков.*

Философская глубина, лаконичная афористичность, граничащая с насыщенной метафорой, оставляют неповторимые ощущения от пронзительно-вдохновенной, эмоционально сильной лиры Валерия Хатюшина.

*Но широка и высока Россия!
Она — навеки дар бесценный нам.
А теплоход «Княжна Анастасия»
плывёт к своим славянским берегам...*

Все люди, каждый из нас, приходят на эту землю, чтобы найти свои ответы, найти свой путь, чтобы через боль и скорбь, холод и отчаяние выйти к правде, к свету и надежде. Этот ответ должен совпасть с ответом Божьим, о чём и говорит нам настоящий русский поэт Валерий Хатюшин, утверждая православные истины добра, любви и веры.

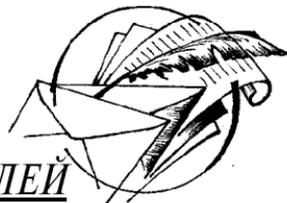
г. Минск

НЕСКОНЧАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Когда я открываю тот или другой том собрания сочинений В.В. Хатюшина и перечитываю в нём стихи и статьи, память возвращает меня в 90-й год прошлого века. Самым ярким моим воспоминанием того года явилось стихотворение «Пророк». Я тогда готовилась к обобщающему уроку по русской литературе в 8-х классах под названием «Не кончив песни лебединой. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов». И буквально за 3-4 дня до урока я получаю журнал «Молодая гвардия» №11, открываю и сразу передо мной то, что нужно:

*Поэту в этой жизни места нет.
Его презренно отовсюду гонят.
Приют ему лишь там — среди комет,
лишь там, средь звёзд, увиден он и понят.*

Наверное, только учитель поймет, как к стати и каким великолепным дополнением этот «Пророк» оказался к уроку!

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

*Он знает всё, угрюм и одинок,
подвержен унижению бесконечно,
среди людей — единственный пророк.
Так было на земле и будет вечно.*

Думаю, что это занятие у многих ребят осталось в памяти. Название той подборки в «МГ» «За что» встретилось дважды в стихотворении «Под общей тяжестью вины...»:

*За что — не ясно до сих пор —
Солдаты гибли наши?
Не за печальный наш простор.
Не за родные пашни.
И всем ли слышно было нам,
как матери страдали?
Припавши к цинковым гробам,
за что они рыдали?*

Несколько наших ребят-выпускников тоже испытали на себе ад «той войны незначительной»: останки троих привезли в цинковых гробах, а четверо умерли от ранений и контузий в последующие годы. В школьном музее в день памяти «Афганистан — боль моя» до сих пор читается стихотворение «За что».

Очень злободневным из той подборки осталось и остаётся до наших дней стихотворение «Мы жили в самом страшном веке», хоть и написано оно более тридцати лет назад:

*Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
А третья — захлестнула нас...*

Добавляли прозрений нашим сердцам и другие стихи автора, опубликованные в этом номере: «Голос народа», «Ненависть», «Николаю Гумилёву» — ведь мы ещё жили в Советском Союзе.

А через год в №12 «МГ» нас потрясла новая его подборка: «Россия, оглянись...» И прежде всего стихотворением «Неполный список» — количеством убитых поэтов. В 1-м томе собрания сочинений первая строка этого стихотворения звучит уже более точно: «Россия, содрогнись!» И тогда же нам ещё более прояснилась суть «перестройки»:

*Перестройка — это война.
Не разведка и не пристрелка.*

*Переломанная страна.
Разобцённых людей разделка.*

И ещё мы немного узнали о самом авторе:

*Но если я чему учился —
учился собственным умом,
и если я чего добился —
лишь только собственным горбом.*

Уже тогда, в 1991-м, мы поняли, какую боль несёт в себе Валерий Хатюшин за судьбу России. В стихотворении «Затопление» он прямо об этом говорил:

*О Русь, надолго ль, навсегда ль?
Кто вновь за нас на битву выйдет?
Душа с тоскою смотрит вдаль
и там земли родной не видит...*

А в первом номере того же года меня поразила очень смелая статья Валерия Хатюшина «О лжепоэтах и русской поэзии», подтвердившая и углубившая моё мнение о псевдопоэтах, которых из года в год до сего времени ставят в программу по русской литературе. Некоторые номера «Молодой гвардии» 1990—1991 годов я сохранила.

Прошли годы. Двадцать с лишним лет. И вот пять лет назад прошла вторая, можно сказать, трогательная встреча с поэзией Валерия Хатюшина. В №11 «Нашего современника» за 2013 год открылась мне его подборка стихов «По опавшим листьям» (правда, стихотворения с таким названием в ней не оказалось). Вверху — портрет автора, который я увидела впервые, и краткие сведения, тоже впервые прочитанные. «Слава Богу, жив», — подумала я. Ведь тогда, 20 мая 1991 года, не стало бесстрашного и непримиримого борца за Россию, публиковавшего мужественные и убедительные статьи, как и В.Хатюшин, в журнале «Молодая гвардия», А.К. Цикунова. Последнюю посмертную его статью «Грабёж и геноцид россиян» я прочитала в №9 «Молодой гвардии» за 1991 год. Имя автора — А.Кузьмич, точнее, его псевдоним, — было обведено траурной рамкой.

Но вернусь к подборке в «НС», которая, видимо, была напечатана к 65-летию Валерия Хатюшина. Все стихи мне хотелось читать и перечитывать: так они ложились на душу. А слова «Гражданственность исходит из любви», уже ставшие афоризмом, прошли рефреном через всю подборку: «Солнце

русских», «В родной деревне», «На переломе», «Жизнь». Очень тронули стихи «Покуда мать жива...», особенно вторая строфа, просто до слёз: «Когда уходит мать, // душевного разлада // и с миром и с собой // уже не избежать. // Слабеет свет в пути // и рушится преграда // меж смертью и тобой, // когда уходит мать». Тут уж я не выдержала и написала свой отзыв на адрес редакции.

И как же я была изумлена, потрясена, когда через полтора месяца получила бандероль, сплошь покрытую российскими марками, — из Москвы, от самого Валерия Васильевича! Трудно передать моё тогдашнее состояние... Это были первые два тома лирики с автографом автора. Добротны оформленные, в твёрдой вишнёвого цвета обложке, с позолоченным тиснением.

...Начав читать, я словно погрузилась в необычайный мир красоты природы, её звуков, красок, запахов. Временами мне казалось, что я сижу на лесной поляне и слушаю Первый концерт для фортепиано Чайковского, только вместо скрипок и прочих музыкальных инструментов — птичьи пересвисты, щёлканье, трели соловьёв, шелест листьев, шум верхушек деревьев; потом лёгкая темнота и приближающийся гром, и вдруг — грозовой раскат над моей головой!.. И затем удаляющаяся гроза; всё тише, тише и вслед громам — благодатный летний ливень. На смену одним звукам приходят другие... И вот уже солнце озаряет поляну, вокруг всё блестит и переливается, и вновь возвращается лесная музыка...

Одно из лучших творений 1-го тома лирики, которое проходит через мою душу, это поэма «Вечерний свет»:

*И с детских лет в меня
навек запасть успели:
дурман лесных болот
и скошенной травы,
крапивы горький дух,
осенний запах прели,
пуховых камышей
и сброшенной листвы...*

*Не потому ль, что я
крестьянского сословья, —
в себя впитал и вновь
я впитывать готов
спокойную красу
родного Подмосковья,
его лесных озёр
и луговых цветов...*

Наши русские святые говорили: «Где просто, там ангелов по сто, а где мудрено, там ни одного».

Главное в этих стихах — вслушивание, всматривание, вчувствование, вживание в окружающий мир родной природы, полная с ней слитность и растворённость. Возможно, В.Хатюшин и явил собой тип поэта, которого предчувствовала русская литература XIX века. Суть этого будущего типа обозначил Достоевский: «Мы готовы признать, что может явиться народный поэт и в среде самого простонародья — не Кольцов, например, который был неизмеримо выше своей среды по своему развитию, но настоящий простонародный поэт...»

Были, конечно, Есенин и Твардовский, но они не «пахали» 13 лет вместе с народом на разных стройках, включая и армейские два с половиной года, да и нет у них такой проникновенной поэмы о родной природе.

Такую лирику нельзя создать только силою одного воображения. Их надо пережить и перечувствовать. А главное — эти стихи глубоко трогают душу читателя и легко запоминаются.

Приближённость к жизни ведёт за собой и приближённость к нужному слову, которое вмещает в себе не только выстраданные чувства, но и житейскую мудрость:

*Веру в силу небес оборвать —
всё равно, что остаться без хлеба.
Кормят нас и земля, и небо.
И нельзя нам о том забывать.*

Но всё же одно из главных мест в поэзии В.Хатюшина занимает острая гражданская лирика, сквозь которую проходит основная идея шеститомника — любовь к России. Эта же идея пронизывает насквозь и публицистику, и критику, и прозу автора. Об этом великолепно сказали единомышленники Валерия Хатюшина, начиная от покойных Николая Кузина, Евгения Ованесяна, Эдуарда Скобелева и Владимира Смыка, до обстоятельных откликов Владимира Юдина и емких, пламенных, под стать нашему юбиляру отзывов Виталия Серкова из г. Сочи и Владимира Петрова из Липецка.

В последние три года его поэзия всё более и более наполняется религиозным смыслом. И это вполне закономерно к семидесяти годам жизни. Сильное, всепобеждающее утверждение звучит в стихотворении «Победитель»:

*Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.*
(«МГ», №10, 2015)

В подборках журналов за 2016—2017 годы стихи духовные уже преобладают:

*Чего хотеть всезнающей душе?
Какого ждать никчемного итога?
Когда слова все сказаны уже,
Когда никто не нужен, кроме Бога.*
(«МГ» №11-12, 2016)

А в №10 за 2017 год почти во всей стихотворной подборке и над словом и в слове — Господь:

*Пусть я к омуту слёз в час последний приду.
Небо — там, где Христос, даже если — в аду.*

В недавно изданной книжке «Белой Руси голоса» на обложке которой — необъятное синее небо с облаками внизу, похожими на бушующее море, и летящая над ними пара белых аистов, венцом всего содержания является, по моему мнению, стихотворение «Дар любви»:

*Я слова правды не нарушу,
стремленью верен одному —
свою еще живую душу,
как дар любви, вручить Ему.*
(2018)

Верить в Бога — значит верить в Россию. Другого не дано. А шеститомник — это такая высота, которой достигает при жизни далеко не всякий писатель. Но каждый, кто знаком с творчеством Валерия Хатюшина, понимает, что им достигнута очень большая высота. Его шеститомник — это самая искренняя правда об истории нашей страны с самого начала XX века до нынешних дней. И написанное им, я уверена, сольётся с русской литературной классикой, которая не умирает. Простой читатель, учитель, литератор, экономист, философ, юрист, политолог — найдет в этом шеститомнике созвучные и близкие ему мысли и чувства. Будь моя воля, я бы все литературные статьи этого собрания включила бы в про-

грамму гуманитарных вузов и прежде всего — Литературного института.

Все шесть томов собрания сочинений Валерия Хатюшина — это честный, доверительный разговор и со временем, и со всем нашим обществом, которому дорога Россия, и, конечно же, — с потомками.

Ещё в 16 лет он напроорочил себе жизненный путь, от которого не отступал ни на шаг:

*Да, молод я, но путь избрал,
он весь из пропастей и скал.
Не будет шага стороной.
И кончу дорогой ценой.
И, может, горькая молва
за мной увяжется вослед...
Но кто-то вымолвит слова:
«Простим его, он был поэт».*

Свою нравственную установку в жизни Валерий Хатюшин вполне осознанно и проникновенно соотносит с Божьими заповедями:

*... Не погубить себя во зле,
и не убить, и не украсть,
Пройти свободно по земле —
и чтоб ни разу не упасть.
Чтоб, не споткнувшись, пронести
такое чудо, как любовь,
когда на всём твоём пути
цветы и кровь, цветы и кровь...*

(1978)

Третья встреча с собранием сочинений и с последующим творчеством выдающегося русского поэта — самая продолжительная и нескончаемая.

п. Лиозно Витебской обл.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Андрей АНТОНОВ. Как бы пережить это правительство... — 11-12
Анатолий БАЙБОРОДИН. Одинокая бродит гармонь... — 1-2
Владимир БОЛЬШАКОВ. Ведьма с Капитолийского холма. Цивилизация перекасти-поле — 5-6
Владимир БОЛЬШАКОВ. Над пропастью во лжи — 9
Владимир БОЛЬШАКОВ. Возня у «царского престола» — 10
Григорий ВАНИН. О смысле происходящего — 10
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Без русской истории и Православия не будет и России — 1-2
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Русофобия — самый опасный вид экстремизма — 3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Российский «либерализм» как тоталитарная идеология — 9
Любовь ДОНЕЦКАЯ. Во имя процентов, выгод и прибылей — 11-12
Виктор ЗУЕВ. Тарас Шевченко и Бандера — 11-12
Людмила ЕРМИШЕВА. Только победа — 3
Олег ИВАНЕЦ. Криминальная революция в России — 4
Николай ИВАНОВ. США: новые методы террора — 5-6
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Горсти талых вишен — 9
Лев КРИШТАПОВИЧ. Русофобская затея «белорусизаторов» — 4
Юрий КУБАСОВ. Наивный патриотизм — 5-6
Вадим КУЛИНЧЕНКО. Крепче стали — 10
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни — 1-2
Мария МОНОМЕНОВА. Мое открытие Сирии — 7-8
Андрей МУРЗИН. Россия как «этнофедерация, или борьба за пространство — 3
Арсений НИКОЛИН. Украинский тупик — 3
Роман НОВОЖЕЕВ. Угрозы и вызовы евразийской цивилизации в XXI веке — 5-6
Александр ОДИНЦОВ. Крах сырьевой модели — 7-8
Игорь РОМАНОВ. Перед Куликовым полем — 4
Игорь РОМАНОВ. Вольные каменщики внутренней политики — 11-12
Александр РУСИН. Когда народ не нужен... — 4
Людмила РЯБИЧЕНКО. На поклон — 4
Людмила РЯБИЧЕНКО. Содом в предвкушении победы — 5-6
Людмила РЯБИЧЕНКО. Новый «ювенально-гендерный» мир — 9
Людмила РЯБИЧЕНКО. Мир на пороге содомской революции — 10
Виктор САУЛКИН. Против религии смерти — 1-2
Виктор САУЛКИН. Третий Рим противного Карфагена — 7-8
Драгана ТРИФКОВИЧ. Косово в сербско-российских отношениях — 7-8
Юлия ХАРЛАМОВА. Проект «АнтиРоссия» — 7-8

ПРОЗА

- Борис АГЕЕВ. Собачья будка. Рассказ — 9
Ирина БЕЛЯКОВА. Маруся. Рассказ — 4
Владимир ВЕЩУНОВ. Дачник. Рассказ — 10
Борис ВОРОБЬЁВ. Дик. Повесть — 7-8
Василий ВОРОНОВ. Душеспас. Рассказ — 1-2
Татьяна ГРИБАНОВА. Два рассказа — 5-6
Татьяна ГРИБАНОВА. Миниатюры — 7-8
Николай ЗАЙЦЕВ. Голуби. Рассказ — 11-12
Михаил ЗАРУБИН. Долгая дорога к маме. Повесть — 7-8
Владимир КАЛУЦКИЙ. Железный жёлудь нибелунгов. Рассказ — 10
Елена КАШЕВА. Старушка в кустах. Рассказ — 3
Валерий КОЖУШНЯН. «Отрешённый». Рассказ — 5-6
Павел КРЕНЁВ. Нечаянная радость. Рассказ — 1-2
Анатолий КРИЩЕНКО. Дуськина соль. Рассказ — 4
Анатолий КРИЩЕНКО. Бежик. Рассказ — 7-8
Владимир КРУПИН. Застойные времена. Рассказ — 9
Валерий ЛАТЫНИН. Тавро Каина. Повесть — 10
Михаил ЛОКОЩЕНКО. Короткие рассказы — 11-12
Виктор МАНУЙЛОВ. Сталин. Выбор пути. Главы романа-эпопеи «Жернова» — 3
Виктор МАНУЙЛОВ. Большая чистка. Главы романа-эпопеи «Жернова» — 5-6
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Телефон времени. Рассказ — 1-2
Сергей МИХЕЕНКОВ. Повесть о бессмертном сержанте — 9
Татьяна НИКОЛЬСКАЯ. Предвестие бури. Рассказ — 5-6
Юрий ПАХОМОВ. Неделя у тёплого моря. Рассказ — 9
Ирина ПРИЩЕПОВА. Моя земля. Эссе — 3
Владимир ПРОНСКИЙ. Сафари в Подлипках. Рассказ — 1-2
Александр СИЗУХИН. Миниатюры — 11-12
Михаил СМИРНОВ. Рассказы — 4
Михаил СМИРНОВ. Рассказы — 11-12
Виктор ТРЫНКИН. Что было, то было. Повесть — 4
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Два рассказа — 3
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Тормозок. Рассказ — 10

ПОЭЗИЯ

- Анатолий АВРУТИН. Прощание с августом. Стихи. Предисловие Екатерины Полянской — 5-6
Олег АЛЁШИН. В закатном свете. Стихи — 10
Борис ВОРОБЬЁВ. На вечных кругах. Стихи — 9
Юрий ВОРОТНИН. Обжитая бездна. Стихи — 3
Татьяна ЖИЛИНСКАЯ. И в любви, и в печали. Стихи — 4

Наталья ЕГОРОВА. О великом и вечном. Стихи — 11-12
Диана КАН. Любимой меня не зови. Стихи — 11-12
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Забытый след. Стихи — 5-6
Николай КОЛЫЧЕВ. Где-то плакала птица. Стихи — 4
Георгий КОЛЬЦОВ. Дым над избой. Стихи — 10
Николай КОНОВСКОЙ. Леденящая вечность. Стихи — 1-2
Александр КОРОТАЕВ. Безумный ветер. Стихи — 9
Татьяна КРЫГИНА. Бегу по детству своему. Стихи — 3
Валерий ЛАТЫНИН. По праву жизни. Стихи — 5-6
Алла ЛИНЁВА. Неизлечимо, до конца... Стихи. Предисловие
Алексея Шорохова — 7-8
Александр ЛИСНЯК. Звёзды движутся по кругу. Стихи — 9
Михаил ЛОКОЩЕНКО. Вечерняя звезда. Стихи — 5-6
Юрий МАНАКОВ. Под Господней синевой. Стихи — 7-8
Эмма МЕНЬШИКОВА. Лишь рябине гореть и гореть... Стихи — 9
Лариса НИКОЛЬСКАЯ. Среди неоглядных полей. Стихи — 11-12
Борис ОРЛОВ. Круговая оборона. Стихи — 11-12
Сергей ПОТЕХИН. Есть и в боли счастья доля. Стихи — 3
Николай РАЧКОВ. На все времена. Стихи — 11-12
Наталья РОЖКОВА. Завтра будет море... Стихи — 1-2
Владимир СКИФ. За любовь и русскую тоску. Стихи — 1-2
Стихи поэтов Донбасса — 1-2
Стихи поэтов Донбасса — 10
Стихи поэтов Пскова — 3
Стихи поэтов России — 4
Стихи поэтов России — 5-6
Стихи, опалённые войной — 5-6
Светлана СЫРНЕВА. Разящий свет. Стихи — 3
Анна ТОКАРЕВА. Слушать снегопад. Стихи — 4
Людмила ТУРОВСКАЯ. По дороге любви и борьбы. Стихи — 10
Ольга ФОКИНА. Звуки родины моей. Стихи — 1-2
Валерий ХАТЮШИН. Ангелы России. Стихи — 10
Ольга ХМАРА. Горький колос. Стихи — 4
Владимир ХОМЯКОВ. Молчаливая родина. Стихи — 5-6
Анатолий ШИЛЯЕВ. Поздние птицы. Стихи — 7-8
Людмила ЩИПАХИНА. Озноб. Стихи — 7-8
Виктор КАРПУШИН. В мимолётной печали. Стихи — 9

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ГАБРУСЕНКО. Империя и русский народ — 4
Сергей КАРАМЫШЕВ. Миссия русского народа в XXI веке — 5-6

РУССКИЙ МИР

Кирилл ПШЕНИЧНЫЙ. Беспросвет в конце тоннеля — 9

УРОКИ ИСТОРИИ

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Этапы социализма в России — 1-2
Виктор САУЛКИН. «Есть у революции начало...» — 3
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Ядовитая ягодка революции — 1-2
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Кто создал третий рейх — 4

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Андрей АНТОНОВ. Без крепкого тыла — 1-2
Андрей АНТОНОВ. Питерские друзья бандеровцев — 4
Блок троцкистов-ельцинистов — 4
Безответные вопросы — 10
Вероятный сценарий войны — 3
Александр БОЧКОВ. Система, убивающая разум — 9
Валерий ГАБРУСЕНКО. О патриотизме и национализме — 3
Екатерина КУЛЕБЯКИНА. Цифровизация школы — 10
Павел РАСТА. Под прицелом — 5-6
Игорь РОМАНОВ. Смутное время и бутафорская монархия — 9
Людмила РЯБИЧЕНКО. Половая переориентация Минздрава — 1-2
Людмила РЯБИЧЕНКО. Содом требует прав и власти — 7-8
Людмила РЯБИЧЕНКО. Кто виноват? — 10
Валентин СЕМЁНОВ. Закон и «культурная мафия» — 9
Николай СОМИН. «Гармония духа» и современный капитализм — 11-12
Андрей СОШЕНКО. Ради денег — 11-12
Валерий ФИЛИМОНОВ. Предвестие апокалипсиса — 3
Валерий ФИЛИМОНОВ. Против непокорных русских — 4
Валерий ФИЛИМОНОВ. Новости электронного концлагеря — 5-6
Михаил ХАЗИН. На распутье — 1-2
Валерий ФИЛИМОНОВ. Убийственная система — 11-12

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Владимир АНИЩЕНКОВ. Преемственность русского дела — 4
Владимир АНИЩЕНКОВ. Не красные и не белые — 5-6
Валерий ГАБРУСЕНКО. Большевики и русское крестьянство — 9
Виктор САУЛКИН. Первая информационная война — 1-2
Сергей СОКУРОВ. Украинские особенности русского и славянского братства — 9

ДОСЬЕ «МГ»

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Беломорканал. «Шахтинское дело» и другие «дела» — 10
Алексей ПОПОВКИН. О мёртвых — только правду — 11-12
Виктор САУЛКИН. Либеральное беснование — 4
Андрей СОШЕНКО. Эксклюзивная бомба — 3

Руслан УСТРАХАНОВ. О пособиях нацистской Германии — 11-12
Александр ЧУЙКОВ. Истоки американских санкций — 4
Валерий ХАТЮШИН. Позор всего западного спорта — 3

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ. Никто — 7-8
Елена ЧУДИНОВА. «Генетики»... — 10

ЭКСПЕРТЫ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Об экономических проблемах социализма — 4
Валерий ГАБРУСЕНКО. Читая Ильича... — 5-6
Михаил ГЕЛЬВАНОВСКИЙ. О состоянии государственного управления — 1-2
Валентин КАТАСОНОВ. Инвестиционная оккупация России — 9
Валентин КАТАСОНОВ. О рисках цифровой революции — 10
Ольга КОТОВА. Эпоха капитализма подходит к концу — 4
Николай СОМИН. Границы возможного — 1-2

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Задача национального спасения — 3

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Николай КОНЯЕВ. Обретение русской судьбы — 1-2

СИМВОЛ ВЕРЫ

Анатолий КИРДЯШКИН. Миссия русского народа — 7-8
Геннадий КОЛДАСОВ, Никита ПОЗДНЯКОВ. Этика и категории либеральной культуры — 11-12
Алексей ШВЕЧИКОВ. Сталин и Третий Рим — 3

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ.

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. — 4, 7-8, 11-12

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Нина БОЙКО. Тоска небывалой весны (М.Ю.Лермонтов) — 10, 11-12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Вячеслав БОГДАНОВ. Звено. Поэма — 7-8

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Анатолий АПОСТОЛОВ. Жертвенный патриотизм — 4
Людмила ВОРОБЬЁВА. «Вечное сердце России» — 11-12
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Увидеть в человеке Человека. Статья первая — 9
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. О самом сокровенном. Статья вторая — 10
Алексий ЛИСНЯК. О стихах Николая Алешкова — 10
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Ветви одного дерева. О романе Олега Этлухова «Притяжение» — 9
Владимир ПРОНСКИЙ. Светлой души человек. К 80-летию со дня рождения Ивана Уханова — 7-8
Владимир СМЫК. Вперёд к Пушкину! (Перед кем предстоит писатель?) — 5-6

ИСКУССТВО

- Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках — 1-2, 5-6

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Нина ТИХОМИРОВА. Нескончаемая встреча — 11-12